

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

Том 6

2 • 2024

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив – исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.P. Bakaeva, Dr. of Sci. (History), Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubenicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.G. Iofe, Dr. of Sci. (History), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Kuras, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

G.N. Lanskoy, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

Kh. Norovsambuu, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.F. Shumeiko, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T. Shirai, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

F.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Э.П. Бакаева, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.Г. Иофе, доктор исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана имени М. Улутбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

- Х. Норовсамбуу*, доктор исторических наук, Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия
- О.В. Павленко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С. Петкова*, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария
- Н.В. Ростиславлева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Сенин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.К. Сорокин*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация
- Т. Сираи*, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония
- Ф.Г. Тараторкин*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю. Тонаи*, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
- П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ф. Шумейко*, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

- В.Н. Кузнецов, К.А. Мазин*
«Сатурн почти не виден» (неизвестная семинария) 12
- Ю.Н. Гусева, В.С. Христофоров*
«Наркоминдел ставит борьбу за революцию выше
исследовательских интересов нынешних
и будущих архивных специалистов...»
(нарком НКВД Г.В. Чичерин и советские архивы) 32

Всеобщая история

- Н.А. Каманджаев*
Совершенствование кормовой базы МНР
в фокусе внимания СЭВ: проект освоения целинных земель
в северной части Гобийской зоны 45

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

- М.Н. Шашкина*
Саратовцы на страницах «Моих воспоминаний»
князя С.М. Волконского (заметки читателя-архивиста) 59

Персональная история

- Д.В. Гусев*
Капитан Иван Борисов на острове Самос
в августе 1771 г.: к истории русско-греческих отношений
в период первой Архипелагской экспедиции 80
- Ю.И. Новосельская*
Профессор А.А. Кузин: Линия жизни
в документах фонда ученого в Научно-образовательном центре
«Гуманитарный архив РГГУ» 94

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

В.Б. Прозорова-Томас

Проблемы французского архивоведения в XX в.
в свете теоретического наследия В.Н. Автократова 107

И.В. Сабенникова

Теория архивоведения: становление принципов
и метода классификации исторических документов 129

В фондах отечественных и зарубежных архивов

А.В. Ушаков

Открытые письма магистрата Любека 1594 г.
из Российского государственного архива древних актов 140

У книжной полки

И.Р. Соколовский

О кино, советской деревне и не только...:
к вопросу о возможности использования игрового кинематографа
в качестве исторического источника (о книге: *Мазур Л.Н.,*
Горбачев О.В. Советские фильмы о деревне:
опыт исторической интерпретации художественного образа.
М.: РОССПЭН, 2022. 350 с.) 153

CONTENTS

Russian History

- V. Kuznetsov, K. Mazin*
“Saturn is almost invisible” (the unknown seminary) 12
- Yu. Guseva, V. Khristoforov*
“The People’s Commissariat for Foreign Affairs puts the struggle
for revolution above the research interests of current
and future archival specialists...” (People’s Commissar
of the People’s Commissariat for Foreign Affairs G.V. Chicherin
and Soviet archives) 32

World History

- N. Kamandzhaev*
MPR’s food supply improvement in the CMEA focus of attention.
A project for the development of the virgin lands
in the northern part of the Gobi zone 45

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

- M. Shashkina*
Saratov residents on the pages of “My memoirs”
by prince S.M. Volkonsky (notes of a reader-archivist) 59

Personal histories

- D. Gusev*
Captain Ivan Borisov on the island of Samos in August 1771.
On the history of the Russian-Greek relations during
the first Archipelago expedition 80
- Yu. Novoselskaya*
Professor A.A. Kuzin. The lifeline in documents
of the scientist’s foundation at the Science
and Education Centre of the Human Studies Archives
of the Russian State University for the Humanities 94

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

V. Prozorova-Tomas

The issues of the French archival science during the 20th century
in the light of the theoretical heritage of V.N. Avtokratov 107

I. Sabennikova

Theory of archival science. Formation of the principles
and of the method of classification of historical documents 129

In the funds of Russian and foreign archives

A. Ushakov

The Lübeck Magistrate 1594 open letters
from the Russian State Archives of Ancient Documents 140

Book Reviews

I. Sokolovsky

About the cinema, the Soviet village and not only that...:
on the issue of the possibility of using feature cinema
as a historical source (book review: *Mazur L.N.,
Gorbachev O.V.* Soviet films about the village: the experience
of historical interpretation of an artistic image
Moscow, ROSSPEN, 2022, 350 p.) 153

УДК 94(470):27-764

DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-12-31

«“Сатурн” почти не виден»¹ (неизвестная семинария)

Владимир Н. Кузнецов

РОО «Центр “Ветеран-Контртеррор”»,
Москва, Россия, centr.v@inbox.ru

Константин А. Мазин

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, konstantin.mazin@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется история Токийской духовной семинарии, возникшей в 1875 г. при Русской Духовной миссии в Японии. Обращение к данному сюжету обусловлено тем, что один из авторов статьи обнаружил в Государственном Архиве Российской Федерации в фонде известного церковного деятеля протоиерея П.И. Булгакова интереснейший документ под названием «Школа императорской русско-православной церкви (Тихоновской) для образования японских шпионов» (ГА РФ. Ф. Р-597. Оп. 1. Д. 135), подписанный литературным псевдонимом «Иван Горемыка». В нем с совершенно новых позиций рассматривается деятельность Токийской семинарии, которая в российской историографии всегда позиционировалась как одно из высших достижений проявления «мягкой силы» для увеличения влияния России на японских островах. Такой подход привел к необходимости подробного анализа всех сторон функционирования описываемого образовательного учреждения, которому и посвящена большая часть предлагаемой статьи. Особое внимание уделено деятельности семинаристов после окончания семинарии, а также степени ответственности за выдвинутые обвинения руководителей миссии. Причем ни сам «разоблачитель», ни один из представителей русской колонии в Токио не подвергали сомнению непричастность

© Кузнецов В.Н., Мазин К.А., 2024

¹ «“Сатурн” почти не виден» – первая из документального цикла книг В.И. Ардаматского о борьбе советской разведки с главным центром немецкого шпионажа, школой абвера «Сатурн». По мотивам повести была создана известная киотрилогия, лидер советского кинопроката 1967 г.

(за исключением некоторой наивности) главного предстоятеля Православия на японской земле прославленного в лике святых как равноапостольного Николая Японского (Ивана Дмитриевича Касаткина). Между тем сменивший его на посту руководителя миссии Сергей (Георгий Тихомиров) вызывал определенные подозрения, а «Иван Горемыка» просто обвинял его в пособничестве разведывательным структурам Японии. В конце концов авторы пришли к заключению, что, несмотря на излишнюю негативность и категоричность, доводы «Ивана Горемыки» совсем не далеки от истины: действительно, японским властям отчасти удалось использовать даже русскую православную семинарию в своих антироссийских действиях. Отдельно рассматривается судьба русских семинаристов, в частности В.С. Ощепкова, отца русского самбо, при помощи которых российская контрразведка пыталась нивелировать отрицательные стороны в деятельности семинарии.

Ключевые слова: Русско-японские отношения второй половины XIX – начала XX в., Русская духовная миссия в Японии, Токийская православная семинария, Архиепископ Николай Японский (Иван Касаткин), Архиепископ Сергей (Георгий Тихомиров), деятельность выпускников Токийской семинарии

Статья поступила в редакцию 11 августа 2023 г.;

принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Для цитирования: Кузнецов В.Н., Мазин К.А. «Сатурн почти не виден» (неизвестная семинария) // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 12–31. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-12-31

“Saturn is almost invisible” (the unknown seminary)

Vladimir N. Kuznetsov

*The Veteran Counterterrorism Centre,
Moscow, Russia, centr.v@inbox.ru*

Konstantin A. Mazin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Konstantin.mazin@yandex.ru*

Abstract. The article analyses the history of the Tokyo Orthodox seminary, established in 1875 at the Russian Orthodox Mission in Japan (the Russian Spiritual Mission to Japan). The study was inspired by the most interesting document that was found by one of the authors of the article in the State Archives

of the Russian Federation while examining the archival fund of the well-known church figure Archpriest P.I. Bulgakov (GA RF, F. P597, Inv. 1, D. 135). The document is entitled “The School of the Imperial Russian Orthodox (Tikhon) Church for Educating Japanese Spies” and signed with a penname of “Ivan Goremyka” (Luckless Ivan).

It considers from a completely new perspective the activities of the Tokyo Seminary, which in Russian historiography has always been positioned as one of the highest achievements of the “soft power” exercised to promote the Russian influence on the Japanese archipelago. Such an approach necessitated a thorough analysis of all the aspects of the functioning of the described educational institution, to which most of the proposed article is addressed.

Special attention is given to the activities of seminarians after seminary graduation and the extent to which mission leaders are held accountable for the charges. A special attention is given to the seminarian activities after the graduation from the Seminary as well as to the degree of responsibility of the Mission leaders for the accusations brought against them.

It should be mentioned that the noninvolvement (except for some naivety) of Saint Nikolai of Japan, the Primate of Eastern Orthodoxy in Japan, glorified as Equal-to-the-Apostles (secular name Ivan Dmitrovich Kasatkin) was questioned neither by the “whistle-blower” himself nor by any other representative of the Russian colony in Tokyo.

However, his successor as the ruling bishop of the Japanese Orthodox mission Sergii (secular name Georgiy Alexeyevich Tikhomirov) aroused certain suspicions, so that “Ivan Goremyka” merely accused him of aiding the Japanese intelligence agencies.

Finally the authors came to the conclusion that despite being too negative and categorical, “Ivan Goremyka’s” arguments are not far from the truth: indeed, the Japanese authorities somehow managed to even use the Russian Orthodox seminary in their anti-Russian actions.

The article considers separately the fate of the Russian seminarians, the father of the Russian Sambo martial art V.S. Oshchepkov among them, who helped the Russian counterintelligence in its attempts to mitigate the negative aspects in the activity of the Seminary.

Keywords: Russian-Japanese relations of the late 19th– early 20th centuries, Russian Orthodox Mission in Japan (Russian Spiritual Mission to Japan), Tokyo Orthodox seminary, Archbishop St. Nikolai of Japan (Ivan Kasatkin), Archbishop Sergii (Georgiy Tikhomirov), activity of the Tokyo Orthodox seminary graduates

The article was submitted for publication 11.08. 2023;

accepted for publication 19.02.2024.

For citation: Kuznetsov, V.N. and Mazin, K.A. (2024), “Saturn is almost invisible (the unknown seminary)”, *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 12–31, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-12-31

Введение

В середине XIX в. на Дальнем Востоке Российской империи возникла новая геополитическая реальность: насильственно выведенная из полной изоляции Япония, совершив радикальный пересмотр вековых устоев внутренней и внешней политики, приступила к коренной модернизации своей страны. От России требовались значительные комплексные усилия, чтобы не утратить собственных позиций на берегах Тихого океана. Необходимо было создать опорные точки взаимодействия в дипломатической, социально-экономической, военно-технической и культурной сферах с очень, как показала практика, специфическим государством. Причем в идеале эти опорные пункты взаимоотношений должны были приобрести функцию инструмента влияния Российской империи в Стране восходящего солнца. Одним из проявлений такой «мягкой силы» призвана была стать Русская духовная миссия, а также создаваемые при ней образовательные учреждения, об одном из которых, Токийской духовной семинарии, и пойдет речь в данной статье.

Период конца XIX – начала XX в. отмечен расширением присутствия Русской православной церкви во всех сколько-нибудь значимых геополитических центрах дальневосточного региона. Кроме существовавшей с 1715 г. Пекинской миссии появляются Японская – в 1870 г., и Сеульская в Корее, ведущая свою историю с 1900 г.

Их деятельности присущи общие черты. Работа строилась на обязательном условии невмешательства в гражданские автохтонные процессы. Все миссии в той или иной мере становились авангардом русской культуры на стыке взаимопроникновения цивилизаций. Всюду делались попытки переложения церковных служб на туземный язык, частью весьма успешные, и само собой, добровольного обращения аборигенов-язычников в православие. Также на миссии возлагалась задача духовного окормления православных русских или, в случае Пекинской миссии, потомков русских переселенцев на этих территориях. Для всех миссий характерно собирательство древних литературных памятников своих регионов и трепетное отношение к национальным традициям и культуре. Кроме того, целенаправленно велась просветительская деятельность – открывались школы для обучения местных детей русскому языку. При двух миссиях – Пекинской и Японской, существовали также семинарии, основной задачей которых была подготовка для региона катехизаторов-проповедников из числа местных жителей. Стоит отметить, что условием завершения полноценного духовного образования выпускников было продолжение обучения в семинариях митрополии².

² РГИА. Ф. 796: Канцелярия Синода. Оп. 193. Д. 1196. Л. 32.

*Токийская Православная духовная семинария
в оценке протоиерея П.И. Булгакова*

Сложившееся в российской исторической науке устойчивое мнение о Русской духовной миссии в Японии как о форпосте влияния Российской империи на Дальнем Востоке сегодня бытует не только среди обывателей, но и в узкопрофессиональной среде³. А факт работы на советскую разведку самого знаменитого выпускника Токийской православной духовной семинарии при миссии, отца советской борьбы самбо – Василия Сергеевича Ощепкова, породил миф чуть ли не о кузнице кадров русской разведки в глубоком японском тылу. Утверждала в этом мнении и информация о коллегах Василия Сергеевича по профессиональному цеху «рыцарей плаща и кинжала», таких же выпускников его alma mater – Трофиме Степановиче Юркевиче, Владимире Дмитриевиче Плешакове и Исидоре Яковлевиче Незнайко. Такая вот разведшкола «Сатурн» наоборот. Однако сейчас приходится признать, что все годы существования наш японский «Сатурн» действительно был почти не виден.

В процессе изысканий мы натолкнулись на печатный материал, озаглавленный как «Школа императорской русско-православной церкви (Тихоновской) для образования японских шпионов», отложившийся в фонде протоиерея П.И. Булгакова⁴, как раз на этом историческом отрезке служившего настоятелем посольской церкви при Русской духовной миссии в Японии и преподававшего «в Миссийской семинарии в Токио русским мальчикам самые разнообразные дисциплины: русский язык, теорию словесности с краткою историю литературы, всеобщую гражданскую историю, Закон Божий, конечно, японскую грамматику, пение и т. д.»⁵. Материал оформлен в виде оттиска газетной статьи на листе формата А2 за псевдонимом «Иван Горемыка».

Указанный документ в корне меняет наши представления о деятельности Русской духовной миссии в Японии и так называемой Токийской православной духовной семинарии при ней. Красной нитью через всю статью проходит мысль, что описываемая кампания – самый дорогостоящий и провальный проект Русской православной церкви. Читателя подводят к выводу, что за 40 лет существования «семинарии» было подготовлено около 1000 высококлассных японских специалистов в области руссификации, сиречь шпионов, а содержание миссии встало русской казне

³ Кулаков А.Е. Агент «Р» // Родина. 2012. № 8. С. 93–95.

⁴ ГА РФ. Ф. Р -5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 17.

в сумму, сопоставимую, по нашим расчетам, со стоимостью коренной реконструкции крепости Порт-Артур!

Безусловно, «Горемыка» основательно информирован о финансовом положении миссии. Так, например, он указывает ее годовой доход в размере 100 000 рублей золотом, что коррелирует с цифрами финансового отчета Святейшему Синоду за 1910 год о. Николая, где фигурирует сумма в 94 910 рублей⁶. Здесь надо отметить, что прочие дальневосточные миссии финансировались гораздо скромнее. Так, например, старейшая Пекинская миссия на 1913 год обходилась казне в 32 000 рублей⁷. Годовое же содержание Сеульской миссии составляло и того менее – 10 000 рублей [Хисамутдинов 2012, с. 110].

Кроме того, автор считает, что «японцы разрешили о. Николаю открыть Российскую Духовную Миссию при обязательном условии иметь школу русского языка и постарались, чтобы в миссии русских пребывало возможно меньше... так как дело шпионажа вещь деликатная»⁸.

На наш взгляд, такое положение дел вполне согласовывалось с национальными интересами самураев по подготовке «специалистов по русскому вопросу» в свете далеко идущих планов на территориальную экспансию, и открытие подобного образовательного учреждения могло, по мнению японской стороны, способствовать их реализации. Об этом говорит и то, что на протяжении почти трех десятков лет в семинарию принимались исключительно подданные Японской империи. Фактически все время семинария готовила переводческие кадры для нужд... потенциального противника!

В таком свете становятся понятными и действия японского педагогического состава семинарии с дискриминацией и отчислением русских воспитанников, представленные в материалах корреспондента газеты «Новое Время» госпожи Горячковой, и которые так старательно бросился публично опровергать епископ Сергей (Тихомиров) в еженедельнике «Церковный Вестник»⁹.

Далее «Горемыка» приводит поразительный пример, когда Токийской православной духовной семинарией был издан натуральный военно-полевой допросник, озаглавленный «Военные японо-русские разговоры»! Характерные вопросы: «Как русские

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1196. Л. 11 об.

⁷ Священник Петр Иванов. История возникновения Московского подворья Пекинской духовной миссии. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/9902moscow_ru.htm (дата обращения 22.12.2023).

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

⁹ Сергей, еп. О русских учениках в православной семинарии в Токио // Церковный вестник. 1909. № 5. С. 147–149.

обращаются с поселянами? В каком состоянии русские? Заметна ли у них усталость? Много ли у вас раненых? Много ли у вас перебежчиков?». Есть и более откровенные фразы: «Не беги, а то застрелю. Не упирайся, а то убью». Книжечка вышла под редакцией любимого ученика Николая Японского, ректора названной семинарии Ивана Сэнума, получившего образование в Петербургской духовной академии и постигавшего основы педагогического мастерства у известного русского педагога Рачинского. «И подумать только, – восклицает Горемыка, – что такой переводчик напечатан миссией, а все духовники обучались на те гроши, что принесли на дело миссии русские мужики и бабы, мужья, сыновья и братья которых в это время страдали на фортах Порт-Артура или... у Цусимы»¹⁰.

Нашей бедой автор также считает и наплыв «православных» японцев из миссии во всех русских духовных академиях. Пользуясь преференциями своего духовного положения «могли проникнуть они туда, куда заурядному японцу, особенно военному, проникнуть было бы невозможно, и спокойно слушать то, о чем постеснялись бы говорить при посторонних»¹¹.

Автор прав. Например, студюзуз Матфей Кагета, на тот момент слушатель Вифанской духовной семинарии, «пребывает на летние каникулы погостить под теплым кровом Владыки Сергия» (Страгородского) – кстати, бывшего сотрудника миссии и будущего Патриарха Московского и всея Руси – в Марковиллу, дачную мекку бомонда Санкт-Петербурга. Там он не только обласкан такими иерархами церкви, как, например, Преосвященный Киприан (Шнитников) – еще один миссионер, но и общается в доме владыки в непринужденной обстановке с неким полковником Генерального штаба Семеновым и всем его семейством¹².

В числе прочего автор сообщает, как в русско-японскую войну всех плененных русских военных священников зачем-то отправляли обратно на родину, а во все концентрационные лагеря к услугам русских солдат присылали православных священников-японцев, выпускников семинарии. Автор утверждает, что под видом исповеди духовники-японцы собирали таким образом секретную военную информацию. «От полковых священников мне пришлось не раз слышать, до чего “серая святая скотинка” бывает болтлива на ИСПОВЕДИ; особенно в дни войны, – цитирует “Горемыка”. – Священник имеет в эти минуты возможность узнать от нижнего

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р -5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

¹¹ Там же.

¹² *Варсофоний, иерод.* Из общественной жизни: К кончине Матвея Павловича Кагета (православного японца, обучавшегося в Вифанской духовной семинарии) // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 2. С. 414, 415, 417.

чина такие данные, которые в другой момент солдатик никогда не скажет»¹³.

Приведенное мнение не лишено основания. Так, в дневниках о. Николая сообщается, что священники-японцы из миссии окормляли наших военнопленных в Мацуяме, Маругаме, Химедзи, Фукуцияме, Нагое и Сидзуоке¹⁴.

«Горемыка» также сообщает о высоком уровне подготовки семинаристов-японцев по русскому языку, которые к концу обучения могли свободно постигать даже такой трудный учебник, как книга Кудрявцева «Учебник философии»¹⁵.

Высокий уровень владения русским языком, опираясь на мнение независимых источников, отмечает и современный исследователь А.Н. Хохлов: «В Японии зародились целые кадры переводчиков, которые очень недурно изучили русский язык» [Хохлов 1996, с. 70].

«Для чего же готовили учеников?» – задается вопросом «Горемыка». И ссылаясь на японское издание «Кокумин-синбун», отвечает, что по окончании курса большая их часть идет в Сибирь, «под которой в Японии разумеют главным образом территорию от Байкала до Тихого океана». «Думаю, нет нужды объяснять, куда направляли свои донесения эти своеобразные апостолы», – заканчивает автор эту часть своего повествования. Тут бы и нам кстати вспомнить о тех «фотографах, цирюльниках, слугах в гостиницах и в частных домах, и купцах, рассылаемых японским военным Генеральным штабом во все концы России», что упоминает в своих дневниках преосвященный Николай Японский¹⁶.

Рассказывает «Горемыка» и о шпионской деятельности японцев в Приамурье, когда «все проповедники ушли из духовной миссии в экспедиционные отряды». При правительстве Меркуловых состоял некто Хигуци, выпускник Киевской академии, затем «академик же» Саикаиси. Во Владивосток направляются священник Павел Морита и Иван Сэнума, а в Харбин – «протоиерей» Семеон Мий, а с ним состоящий на службе в полиции Петр Исикава. «Этот “квартир” идет под знаменем православия»¹⁷.

«Ныне Хигуци инспектор по преподаванию русского языка во всех военно-учебных заведениях Японии», – пишет ниже автор.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

¹⁴ Дневники св. Николая Японского. Т. 5 / сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. С. 155, 161, 171.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6

¹⁶ Дневники св. Николая Японского. Т. 5 / Сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. С. 306

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

Что ж, вынуждены отметить, подобная практика была обычным делом в школе-семинарии. Вот еще одна дневниковая запись о. Николая: «И еще воспитанный в России академист ушел... служить военному ведомству»¹⁸.

Далее в списке Иван Сэнума – ректор школы семинарии, любимый ученик архиепископа Николая. А указанный полицейским Исикава – в прошлом доверенное лицо владыки, «один из самых надежных»¹⁹.

Все лица, указанные «Горемыкой» в качестве японских шпионов – выпускники школы-семинарии, возвращенные на русские деньги.

Подобного мнения на деятельность японских выпускников «семинарии» придерживается, несмотря на идеологические противоречия, и советская сторона. Так, Борис Кандидов в журнале «Спутник агитатора» за 1937 г. пишет: «В истории японского шпионажа особую роль выполняла и выполняет японская православная церковь, существующая в Японии с 1858 г. Она возникла в результате миссионерской деятельности православных попов, посланных царским правительством в Японию для шпионажа к укреплению влияния российского империализма. Японское правительство вполне терпимо относилось к этой организации царского шпионажа, так как японские православные попы охотно “совместительствовали” в японской разведке, оказывая и ей свои шпионские услуги. После победы советской власти их двойная служба окончилась, и они целиком “посветили” себя японским хозяевам» [Кандидов 1937, с. 24]. Здесь советский автор, автономно от предыдущего, ссылается на пример «японских граждан» и «православных попов» Симона Мия и Павла Морита – уже известных нам по описанию «Горемыки» – которые, по мнению Б. Кандидова, приезжали в Сибирь по поручению японских капиталистов и военной разведки в период японской оккупации советского Дальнего Востока [Кандидов 1937, с. 24].

Также Кандидов приводит независимое мнение современника тех событий, генерал-лейтенанта царской армии, Верховного главнокомандующего войск Временного Всероссийского правительства (Уфимская директория) В.Г. Болдырева: «Воспитанники Суррагадайской семинарии, получившие образование за счет миссии... командированы переводчиками в японские полки, находящиеся в Сибири, где благодаря недурному знанию русского языка оказывают немалую услугу по изучению столь интересующего японцев материка» [Кандидов 1937, с. 25].

¹⁸ Дневники св. Николая Японского. Т. 5. С. 57.

¹⁹ Там же. С. 150, 156.

Здесь под Суррагадайской семинарией генерал, несомненно, понимает Токийскую православную духовную семинарию, располагавшуюся на холме Суррагадай. Генерал туго знал сей предмет, о котором говорил. После ухода с поста главнокомандующего в 1918 г. Василий Георгиевич был командирован в Японию с целью ознакомления с устройством военного обучения в Японии, где параллельно встречался с японскими правительственными и военными чиновниками и имел возможность составить свое мнение об уровне подготовки японских воспитанников семинарии [Попов 1999, с. 50].

Отдельного внимания заслуживает информация о преп. Сергии (Тихомирове), которого «Горемыка» прямо обвиняет в сотрудничестве с японской стороной, как из сугубо меркантильных побуждений, так и в результате вербовки, вариант которой в оперативных документах обычно обозначают термином «медовая ловушка»: «Я лично наблюдал, как Русская духовная миссия для японской полиции переводила корреспонденцию русских же людей... В заключении я обязан заявить, что самую некрасивую роль в этой преступной эпопее играет АПОСТОЛ Сергий, марающий своего прешественника...»²⁰.

Нового руководителя миссии неліцеприятно характеризует своим адресатам и сам протоиерей Булгаков. Эпитеты «ничего не делающий лежебок», «с руками в кольцах», «сух и зол», «в семинарии его ненавидят» – это все о нем²¹. Упоминает настоятель Посольской церкви и о махинациях последнего с землей: «Если будете говорить с представителями СССР, то передайте им, что земельная собственность Японской Миссии не церковная, а государственная, указания на что должно искать в архиве бывшего Синода. Сергей не имел права спекулировать НАРОДНЫМ достоянием».

В заключении своего печатного разоблачения автор, скрытый за псевдонимом «Иван Горемыка», пишет: «Считаю долгом обратить внимание всех, кто бы ни правил Россию, на факт существования учреждения, содержавшегося и продолжающегося частью содержаться на деньги русских, и в то же время самого опасного для русских же, ибо это учреждение, имеющее во главе русского епископа, имеет возможность великолепно маскировать свою работу. И эта маскировка не потеряла смысла и теперь».

Не вызывает сомнений как искренность, так и информированность автора статьи. Петр Иванович Булгаков так позиционирует автора материала в письмах своим адресатам: «Автор этой статьи мне известен, но не имею прав открывать его имени: живет в Япо-

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 30, 57.

нии и служит японцам, и еще может пригодиться России при наступлении лучших времен». Кроме того, Булгаков уверен, что «последствия “раскрытия” могут быть очень печальные» для автора. Да и сам Петр Иванович всерьез опасается за свою жизнь: «Сам я решился писать Вам только потому, что уехал в Америку и проживаю вне пределов досягаемости для японских шпионов»²².

Вряд ли почтенный протоиерей взял бы на себя смелость дезинформировать, а тем более разыгрывать своих адресатов, ведь среди них такие выдающиеся деятели Русской православной церкви, как светоч богословских наук, профессор Николай Никанорович Глубоковский, архипастырь Русской православной церкви митрополит Евлогий, а также особа царской крови – Великий князь Николай Николаевич.

Заканчивая свое сообщение, «Горемыка» задается вопросом: «1. Почему бывший Синод не обратил должного внимания на это вопиющее учебное заведение? 2. Почему бывшие в Японии монахи и священники закрывали глаза на “работу” миссии? 3. Что делали послы, военные агенты и морские, хорошо знавшие о «религиозной» работе православных японцев? И не заслуживает ли вся эта духовная, дипломатическая, военная и морская публика отдачи под суд за измену и предательство отчизны, начиная с патриарха, митрополитов и пр. архиереев?»²³.

Картина, безусловно, рисуется совершенно удручающая. Открывшиеся обстоятельства указывают на то, что создание школы-семинарии при миссии было инициировано японским правительством с целью многоцелевой подготовки русскоговорящих японских специалистов по русскому вопросу, причем исключительно за счет русского казначейства. Характерно, что с момента открытия школы-семинарии (1875 г.) и до 1902 г. в семинарии обучались только японцы. При этом японская сторона всемерно пользовалась доверчивостью, а где-то и наивностью о. Николая, «в сердце коего пылал пламень любви к погибающему народу японскому и желание просветить погибающих».

Со смертью архиепископа Николая ситуация усугубилась приходом к руководству миссией епископа Сергия (Тихомирова). Сотрудничество этой неоднозначной личности с японской разведкой, по мнению того же «Горемыки», обусловлено как любостыжательными амбициями будущего митрополита Токийского и Японского, так и обстоятельствами личного характера, совсем не приличествующими монашескому сану данной особы. О чем прямым текстом говорит в своей статье упомянутый нами «Горемыка».

²² Там же Л. 6–57.

²³ Там же Л. 6–16.

Русские выпускники Токийской семинарии

Однако, на наш взгляд, не все обстоит столь печально. На основании имеющихся на сегодняшний день материалов складывается впечатление, что перед нами классическая «китайская шкатулка» с двойным дном.

Целенаправленная деятельность японских выпускников семинарии на антироссийской ниве, особенно в годы русско-японской войны, непременно должна была вызвать законный интерес русской контрразведки. В попытке по русскому обычаю «убить двух зайцев» для обучения в школу-семинарию в Токио направляются дети-сироты или дети низших чинов русской армии, так называемые казачата. Русские мальчики командировались в Японию российскими региональными руководителями контрразведывательных служб, и именно по этому ведомству русские выпускники школы-семинарии продолжали свою службу в Русской императорской армии. Так, например, известные нам Легасов, Романовский, Ощепков, Юркевич, Плешаков служили исключительно по указанному ведомству.

С одной стороны, таким образом предпринималась попытка решить вопрос дефицита переводческих кадров в армии, особенно остро обозначавшийся в годы войны, а с другой – поломать игру противника по подготовке в стенах русского духовного учебного заведения японских агентов. Русские воспитанники в школе-семинарии, как вариант контригры русского Генерального штаба, вполне были способны дезавуировать и таким образом свести на нет подготовку будущей японской агентуры. Судя по всему, российская сторона надеялась со временем превратить русских воспитанников семинарии в «живые энциклопедии» вражеских агентов, многие из которых были их товарищами по совместной учебе.

Впрочем, как всякая медаль, она тоже имела оборотную сторону – нереальность агентурной работы в тылу вероятного противника на фоне своей абсолютной узнаваемости. «Когда тебя в лицо узнает каждая японская собака, даже такая знатная, как адмирал целой эскадры, как в случае с Василием Ощепковым, о никакой нелегальной работе не может быть и речи» [Куланов 2012, с. 252]. При условии, что японские масс-медиа интенсивно собирали материалы о русских семинаристах вплоть до места рождения, социального происхождения и сферы профессиональной деятельности родителей, не говоря уже о фотоотчетах [Куланов 2011, с. 93–95].

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война поломали всю хитроумную машину русского военного плана по противодействию имперским амбициям восточного

соседа и разметали по разным уголкам нашей необъятной Родины его «детальки – людишек», выпускников семинарии.

Большинство из них, следуя своему социальному происхождению, выбрали сторону Советской власти и, верные долгу и присяге, продолжили делать то, что умели лучше всего – служить Отечеству. Родина употребила их специфические профессиональные навыки в сфере японского противодействия. Прежде всего на Дальнем Востоке, Сахалине и в Китае, куда самурайские руки тянулись особенно рьяно.

Впрочем, то ли по скудоумию начальствующих «разведработников от сохи», то ли по дефициту профессиональных кадров делались попытки применить навыки русских семинаристов и на территории островной Японии в качестве разведчиков-нелегалов. Подобный опыт можно сравнить разве что с практикой заколачивания гвоздей микроскопом. Не удивительно, что особого успеха он не имел.

В дальнейшем судьба русских выпускников Токийской православной духовной семинарии сложилась трагично. Большинство приняло мученическую смерть в годы сталинских репрессий – кто в Бутырской тюрьме, а кто на Бутовском полигоне.

Принимая во внимание целенаправленное и фактически одномоментное «выведение из игры», очевидно, русский состав выпускников школы-семинарии пал жертвой диверсионно-подрывных вражеских мероприятий, направленных на дискриминацию наиболее информированных контрразведывательных кадров, лично знакомых с методами работы потенциального противника и способных провести визуальную идентификацию вражеских агентов, часть которых они знали по факту совместной учебы. Подготовленные к службе в контрразведке и «заточенные» на разоблачение японских шпионов, они представляли реальную угрозу для намечаемой самураями территориальной экспансии.

Итоги деятельности Токийской духовной семинарии

В завершение статьи вернемся к результатам существования Токийской духовной семинарии, квалифицированной «Иваном Горемыкой» как «самый провальный проект» Русской православной церкви в Японии. Во-первых, нельзя рассматривать деятельность учебного заведения как узко церковное мероприятие. Русская православная церковь являлась на описываемый момент частью государственной машины и должна была действовать исходя из тех установок, которые давали ей имперские структуры, отвечающие за внешнюю политику в целом. Вот выдержка из инструкции

МИДа России нашему посланнику в стране восходящего солнца: «Мы занимаем в отношении Японии совершенно исключительное положение, отличное от того, в котором находятся другие иностранные государства; оно обусловлено, с одной стороны, близким соседством нашим к Японии, с другой – отсутствием, по крайней мере на некоторое время, торговых интересов, привлекающих туда другие нации; наше соседство не позволяет нам оставаться равнодушными ко всему происходящему в Японии, мы должны зорко следить за внутренним ее развитием; отсутствие же торговых интересов дает нам возможность быть гораздо снисходительнее других держав в наших требованиях и даже оказывать поддержку японскому правительству» [Иванова 1993, с. 56]. Исходя именно из такой «снисходительности» и строилось наше взаимодействие с японцами в первый период после установления дипломатических отношений. Отсюда и компромиссные шаги руководства миссии по поводу отсутствия русских учеников в семинарии, и уступки по вопросам учебных планов, и т. д., и т. п. Кстати, аналогичные уступки делались Японии и в других сферах взаимоотношений, например в дипломатической, когда приоритетно открывались ее консульства в Сибири и на Дальнем Востоке в ущерб тому же Китаю [Синиченко 2012, с. 108].

Во-вторых, открытие различных учебных центров в первую очередь с целью изучения иностранных языков было очень распространенной практикой для Японии эпохи модернизации. После отмены антихристианского закона в 1873 г. на всех крупных островах страны Восходящего солнца учреждаются миссионерские центры, а при них – языковые школы: на Хоккайдо – Аграрный колледж в Саппоро; на Хонсю – в Йокогаме; на Кюсю – в Кумамото [Иванова 1993, с. 49].

На два года раньше, в 1873 г., на базе существовавшего с 1857 г. так называемого «Департамента освоения варварских письмен» была открыта Токийская школа иностранных языков с русским отделением. Ее выпускники после 5-летнего обучения получали законченное высшее образование. Преподавание там вели служащие российских учреждений в Японии, а также такие видные политэмигранты, как Л.И. Мечников, А.А. Коленко, Н. Грей, С.Ю. Готский-Данилович [Иванова 1993, с. 93].

За тринадцать лет на русском отделении прошли обучение 567 японцев (правда, полный курс закончили лишь 20 студентов). В 1885 г. Токийская школа иностранных языков была закрыта из-за финансовых трудностей министерства просвещения Японии. Однако японо-китайская война 1894–1895 гг. вскрыла существенный дефицит переводчиков с китайского и русского языков. Уже в 1896 г. были открыты курсы русского языка в Саппоро, быстро разросшиеся

до языкового Училища. В 1899 г. восстановили и Токийскую школу иностранных языков со статусом трехлетнего колледжа, где русское отделение вновь стало одним из самых многочисленных.

Таким образом, как мы видим, подготовка японских русистов велась далеко не только в Токийской семинарии. Да и кадровый резерв военное и разведывательное ведомства японской империи пополняли, как свидетельствуют авторитетные специалисты в этой области, в первую очередь за счет выпускников Токийской школы иностранных языков [Иванова 1993, с. 109].

Правда, только столичная семинария финансировалась, причем достаточно щедро, из русской казны. Но такой «шикарный» бюджет она стала получать лишь последние годы своего существования. В первые десятилетия данное образовательное учреждение было ограничено в средствах. Дело доходило до того, что на нужды ученого процесса приходилось скидываться преподавателям, получавшим довольно скудное содержание [Иванова 1993, с. 58].

В-третьих, если рассматривать деятельность Токийской семинарии в контексте расширения общих знаний о России и знакомства с лучшими образцами русской культуры, то надо признать, что существенный сдвиг в этой области был достигнут в том числе и стараниями столичных семинаристов. На страницах периодических изданий регулярно публиковались переводы (причем семинария была пионером в этом деле) произведений Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.И. Куприна и других писателей. Среди видных русистов можно назвать уже упомянутого нами автора «Военных японо-русских разговоров», выпускника, а затем ректора семинарии Сэнумо Никутaro, состоявшего в активной переписке с Л.Н. Толстым в связи с переводом им «Анны Карениной»; его супругу, выпускницу женской школы при Русской духовной миссии Сэнумо Кае, переводчицы И.С. Тургенева, М. Горького, А.П. Чехова и других корифеев литературы; патриарха русистики Набори Сему и еще многих семинаристов, оставивших заметный след в деле приобщения японцев к русской культуре.

Значительное количество выпускников семинарии добились заметных успехов в различных отраслях государственной службы. Например, в области образования Сато Сескэ стал президентом университета Хоккайдо, Судзуки Отохэй заведовал русским отделением в Токийской школе иностранных языков. Като Мацуо получил пост министра, Абэ Хироси – губернатора Токио, Андо Кэнсэ был мэром Йокогамы, Омаэ Тайдзо и Каваками Тосихико – видными дипломатами [Иванова 1993, с. 82–89]. Все это показывает качественный уровень семинарского образования, явно способствующий карьерному росту выпускников данного учебного заведения.

В целом же русскую «мягкую силу», в том числе и деятельность Токийской семинарии, можно оценить как положительный фактор нашего межгосударственного взаимодействия. По образному выражению авторитетного знатока русско-японских отношений Г.Д. Ивановой: «Знакомство с непреходящими ценностями, созданными великим соседним народом, оказывало на них многостороннее воздействие. Раскрывались новые горизонты, преодолевалась вековая островная ограниченность. Уходил страх перед могущественным северным соседом и соответственно умерялись воинственные настроения. Возрастали перспективы мирного сосуществования и взаимного культурного обогащения» [Иванова 1993, с. 109].

Ну, и в-четвертых, со своей основной задачей – подготовкой грамотных клириков для окормления японской православной паствы (на 01.01.1912 г. в Японии числилось уже 33 017 православных верующих в 266 церковных общинах) – семинария вполне справилась: за годы существования данного образовательного учреждения было подготовлено более 40 священнослужителей, 116 проповедников (катехизаторов), 14 учителей церковного пения и причетников.

Но если сравнить усилия нашей страны по увеличению влияния на японских островах с аналогичной деятельностью США, Великобритании и других стран, превосходящих тогдашнюю Россию в первую очередь по экономическим параметрам, то наши успехи уже не будут выглядеть так впечатляюще. Еще в 1869 г. японский правительственный вестник «Мэйдзи Гэнкан» опубликовал классификацию всех стран мира по пяти категориям: 1) цивилизованные; 2) просвещенные; 3) полупросвещенные; 4) нецивилизованные; 5) варварские. По этому «рейтингу» Россия была отнесена ко второй категории. И в соответствии с этим в 1870–1871 гг. за получением образования в США было направлено 149 учеников; 126 – в Англию; и только 9 – в Россию [Иванова 1993, с. 16, 89].

Этим актом Япония практически навсегда определила приоритеты в своей внутренней и внешней политике, т. е. чьи образцы будут эталонами для формирования новой армии, экономических реформ, создания системы образовательных учреждений и политических институтов. К тому же близкое соседство Страны восходящего солнца с Российской империей почти сразу породило территориальные претензии Японии по поводу Курильских островов и Сахалина, столкновение затем экономических интересов в Северо-Восточном Китае и Корее еще более усугубило антагонизм в межгосударственных отношениях двух стран.

Заключение

Все вышеприведенные доводы логично объясняют и причины русско-японской войны 1904–1905 гг., и фактический провал попыток отдельных деятелей культуры Страны восходящего солнца установления гуманитарных контактов со Советской стороной [Киба 2017, с. 25], и продолжившуюся после установления дипломатических отношений незаконную японскую монополию на лов рыбы в районе полуострова Камчатка [Кошкарева 2017, с. 74], и вынужденное признание нами непомерных самурайских геополитических претензий на территории Китая [Синиченко 2014, с. 159], и противостояние СССР и Японии в годы Второй мировой войны, отсутствие до сих пор основополагающего договора между нашими странами, да и присоединение в настоящее время Японии к русофобской компании по поводу событий на Украине. Никакие усилия нашей «мягкой силы» ни во второй половине XIX – начале XX в., ни в последующее время не смогли преодолеть ситуацию, когда большая часть японского общества, несмотря на варварские атомные бомбардировки (о которых большинство японцев не имеет достоверных сведений), ни фактически продолжающуюся американскую оккупацию, именно США считают своим учителем и основным примером для подражания, а России отводят роль агрессора, незаконно захватившего якобы «японские» острова Курильской гряды.

Таким образом, возвращаясь к выводам «Ивана Горемыки», приходится констатировать, что, несмотря на некоторую излишнюю категоричность, по сути, они являются справедливыми. Так как совершенно очевидно, что японцам благодаря нашей «снисходительности» отчасти удалось заставить даже русскую православную семинарию служить целям реализации своих далеко идущих имперских амбиций, направленных, в первую очередь, против главного оплота православия – Российской империи. Да и переходили многие японцы (тому есть свидетельства) в православие чисто формально, не уверовав в Христа, а чтобы приобщиться к высочайшим проявлениям русской культуры, а иные так и просто с целью лучшего понимания менталитета будущего противника, находясь, так сказать, внутри его основной духовной ипостаси. Это объясняет и известный «литературный уклон» в деятельности выпускников Токийской семинарии, и участие некоторых бывших семинаристов в военных и разведывательных действиях против России. Поэтому трудно не согласиться с суждением того же «Ивана Горемыки» о том, что надо помнить каждому русскому, имеющему дело с японцами: «Япония, исстари проникнутая духом рыцарства (Бусидо),

предпочла оставаться верною своему вековому принципу, – остерегает “Горемыка”. – А этот принцип краток и выразителен: “ВСЕ для ГОСПОДИНА” (т. е. императора Японии)»²⁴.

Говоря словами русской народной пословицы: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит».

P.S. На наш взгляд, весь ход развития русско-японских отношений во все исторические эпохи наглядно доказывает, что время «снисходительности» со стороны России давно прошло. Может быть, очень давно...

Литература

- Иванова 1993 – *Иванова Г.Д.* Русские в Японии XIX – начала XX в.: Несколько портретов. М.: Наука: Восточная литература, 1993. 170 с.
- Кандидов 1937 – *Кандидов Б.* Церковные шпионы японского империализма // Спутник агитатора. 1937. № 14. С. 24–27.
- Кибя 2017 – *Кибя Д.В.* Материалы Архива внешней политики Российской Федерации о вкладе общественных организаций СССР и Японии в нормализацию отношений между странами в 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 25–36.
- Кошкарева 2017 – *Кошкарева С.Г.* Архивные документы о русско-японских отношениях на Камчатке в период установления советской власти // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 74–83.
- Куланов 2012 – *Куланов А.Е.* Агент «Р» // Родина. 2012. № 8. С. 93–95.
- Куланов 2011 – *Куланов А.Е.* Русские семинаристы в Токио: учеба и судьбы // Япония. 2011. Т. 40. С. 222–237.
- Попов 1999 – *Попов А.В.* Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири: Материалы III международной научной конференции / отв. ред. С. П. Звягин. Кемерово, 1999. С. 48–54.
- Синиченко 2012 – *Синиченко В.В.* Открытие зарубежных консульств в Сибири и на Востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: По документам Государственного архива Иркутской области // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 108–120.
- Хисамутдинов 2012 – *Хисамутдинов А.А.* Духовные миссии Китая, Японии и Кореи (конец XIX – первая половина XX в.) // Известия Восточного института. 2012. № 2. С. 96–112.
- Синиченко 2014 – *Синиченко В.В.* Политическое влияние Японии в Китае накануне и в годы Первой мировой войны: позиция России // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 159–168.
- Хисамутдинов 2010 – *Хисамутдинов А.А.* Русская Япония. М.: Вече, 2010. 400 с.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

Хохлов 1996 – Хохлов А.Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти святителя Николая, апостола Японии: 1836–1912. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. С. 64–78.

References

- Ivanova, G.D. (1993), *Russkie v Yaponii XIX – nachala XX v.: Neskol'ko portretov* [The Russians in Japan in the 19th – early 20th centuries. Some sketches], Moscow, Russia.
- Kandidov, B. (1937), “Church spies of Japanese imperialism”, *Sputnik agitatora*, no. 14, pp. 24–27.
- Khisamutdinov, A.A. (2012), “Orthodox Missions in China, Japan and Korea (late 19th – first half of the 20th centuries)”, *Izvestiya Vostochnogo instituta*, no. 2, pp. 96–112.
- Khisamutdinov, A.A. (2010), *Russkaya Yaponiya* [Russian Japan], Moscow, Russia.
- Khokhlov, A.N. (1996), “The role of the Tokyo Orthodox seminary in preparing translators-specialists on Japan”, in *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke. Vyp. 2: Pamyati svyatitelya Nikolaya, apostola Yaponii: 1836–1912* [Orthodoxy in the Far East, iss. 2. In memory of Archbishop St. Nikolai Apostle of Japan. 1836–1912], pp. 64–78.
- Kiba, D.V (2017), “Materials from the Archives of the Foreign Policy of the Russian Federation on the contribution of the public organizations of the USSR and Japan to the normalization of the relations between the countries in 1920–1930s”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 25–36.
- Koshkareva, S.G. (2017), “Archival documents on the Russo-Japanese relations in the Kamchatka during the establishment of the Soviet power”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 74–83.
- Kulanov, A.E. (2012), “Agent ‘R’”, *Rodina*, no. 8, pp. 93–95.
- Kulanov, A.E. (2011), “Russian seminarians in Tokyo. Studies and fates”, *Yaponiya*, vol. 40, pp. 222–237.
- Popov, A.V. (1999), “The secret of General Boldyrev. New documents on the history of the White Syberia”, in Zvyagin, S.P., ed., *Istoriya beloi Sibiri: Materialy III mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [History of the White Syberia. Proceedings of the III International Scientific Conference, Kemerovo, Russia, pp. 48–54.
- Sinichenko, V.V (2012), “Opening of foreign consulates in Siberia and in the East of the Russian empire in the second half of the 19th – 20th centuries. Based on the documents of the State Archives of the Irkutsk region”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 108–120.
- Sinichenko, V.V (2014), “Political influence of Japan in China before and during World War I: Russian position”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 159–168.

Информация об авторах

Владимир Н. Кузнецов, РОО «Центр “Ветеран-Контртеррор”», Москва, Россия; 107076, Россия, Москва, ул. 1-я Бухвостова, д. 12/11, корп. 13; centr.v@inbox.ru

ORCID ID:0009-0004-1797-5004

Константин А. Мазин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Konstantin.mazin@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0009-1936-7666

Information about the authors

Vladimir N. Kuznetsov, The Veteran Counterterrorism Centre, Moscow, Russia; block 13, bld. 12/11, 1st Bukhvostov St., Moscow, Russia, 107076; centr.v@inbox.ru

ORCID ID: 000-0004-1797-5004

Konstantin A. Mazin, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Konstantin.mazin@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0009-1936-7666

«Наркоминдел ставит борьбу за революцию
выше исследовательских интересов нынешних
и будущих архивных специалистов...»
(нарком НКВД Г.В. Чичерин и советские архивы)

Юлия Н. Гусева

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, j.guseva@mail.ru*

Василий С. Христофоров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, xvsarhiv@rambler.ru*

Аннотация. Предметом изучения являются отдельные сюжеты, отражающие межведомственные противоречия НКВД (в лице его руководителя Г.В. Чичерина) и Центрархива (руководитель – М.Н. Покровский) по вопросу использования архивных документов имперских дипломатических учреждений. На основании ранее не опубликованных материалов Центрархива 1926–1927 гг., хранящихся в спецхране ГА РФ, раскрывается общая позиция Чичерина в отношении использования документального наследия имперского МИД, затем описывается сущность противоречий, касавшихся порядка сбора, систематизации и использования документов. Исследуются попытки Чичерина выстроить деловые отношения с представителями советского архивного ведомства, предметно рассматриваются аргументы обеих сторон в защиту собственной позиции. Особо отмечается «революционная» идеологическая составляющая аргументации Чичерина: установка на то, что архивы являются инструментом реализации Советской Россией собственной глобальной исторической миссии.

Делается вывод о характере сформировавшихся культурных практик новой бюрократии. Изучение механизмов доступа различных государственных ведомств к процессу извлечения исторических фактов расширяет понимание советского опыта работы политико-идеологического «конвейера», приводит авторов к выводу о том, что ресурсный подход к архивному, документальному наследию является типичным элементом политической культуры советского периода, перекочевавшим в современную эпоху.

Ключевые слова: архивное дело СССР, Центрархив, НКВД, Чичерин, Покровский, имперские дипломатические документы

Статья поступила в редакцию 8 июня 2023 г.;

принята к публикации 11 декабря 2023 г.

Для цитирования: Гусева Ю.Н., Христофоров В.С. «Наркоминдел ставит борьбу за революцию выше исследовательских интересов нынешних и будущих архивных специалистов...» (нарком НКВД Г.В. Чичерин и советские архивы) // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 32–44. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-32-44

“The People’s Commissariat
for Foreign Affairs puts the struggle for revolution
above the research interests of current
and future archival specialists...”
(People’s Commissar of the People’s Commissariat
for Foreign Affairs G.V. Chicherin
and Soviet archives)

Yulia N. Guseva

Moscow City University, Moscow, Russia, j.guseva@mail.ru

Vasilii S. Khristoforov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, xvsarhiv@rambler.ru*

Abstracts. The article carries out research on the individual stories reflecting the interdepartmental contradictions between the NKID (represented by its head G.V. Chicherin) and the Central Archives (headed by M.N. Pokrovsky) on the issue of using the archival documents of the imperial diplomatic institutions. Based on the previously unpublished Central Archives materials of the years 1926–1927 stored in the special depository of the Russian Civil Aviation, Chicherin’s general position on the use of the documentary heritage of the Imperial Foreign Ministry is revealed; the paper also describes the essence of the contradictions concerning the procedure for the collecting, systematizing and using the documents. There is a detailed study of Chicherin’s attempts to build business relations with the representatives of the Soviet archival department and of Pokrovsky’s opposition to that.

The arguments of both sides in defense of their own position are discussed separately. Particular attention is paid to the “revolutionary” ideological component of Chicherin’s argumentation, to the assumption that the archives are a tool for Soviet Russia to realize its own global historic mission. A conclusion is drawn about the nature of the established cultural practices of the new bureaucracy.

The study of the emerging access mechanisms of various government departments to the process of extracting historical facts broadens our understanding of the Soviet experience of the political-ideological “conveyor” and leads the authors to the conclusion that the resource approach to archival, documentary heritage is a typical element of the political culture of the Soviet period, and it has effectively migrated to the modern era.

Keywords: archives of the USSR, Central Archives, NKID, Chicherin, Pokrovsky, imperial diplomatic documents

The article was submitted 8.06. 2023;

accepted for publication 11.12. 2023.

For citation: Guseva, Yu.N. and Khristoforov, V.S. (2024), “The People’s Commissariat for Foreign Affairs puts the struggle for revolution above the research interests of current and future archival specialists...” (People’s Commissar of the People’s Commissariat for Foreign Affairs G.V. Chicherin and Soviet archives), *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 32–44, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-32-44

Введение

В центре нашего внимания – межведомственные (НКИД и Центрархив) противоречия по вопросу использования архивных документов имперских дипломатических учреждений, отраженные в материалах 1920-х гг.

На основании неопубликованных источников Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), в спецхране которого хранятся материалы советских архивных ведомств (фонд Р-5325 «Главное архивное управление»), а также опубликованных материалов Архива внешней политики Российской Федерации (письменное наследие Г.В. Чичерина) будет освещена позиция руководителя НКИД по вопросу использования архивов имперского МИДа. Нами также анализируется конфликтная ситуация вокруг организации доступа к историческим дипломатическим документам, сложившаяся между НКИД и архивным руководством в 1926–1927 гг. В результате нами будет сделан вывод о характере взаимодействий советских ведомств по вопросу доступа к архивной информации как к важному идеологическому и управленческому ресурсу.

Большевистская социалистическая идеология никогда не отрицала того, что архивы являются инструментом борьбы за реализацию Советской Россией собственной глобальной исторической миссии. На различных этапах становления и развития советского общества задачи «рационального использования архивных

богатств» были тесно увязаны с базовыми идеологемами его развития: когда отечественное архивное дело становилось «полноправным участником политической, экономической и общественной жизни страны», для которого «партия во главу угла ставила вопрос о наиболее рациональном использовании архивных богатств» [Чекмарева 1989, с. 16].

Подобный инструментально-ресурсный подход к своей профессиональной сфере разделяла и архивная бюрократия. Члены Коллегии Главархива¹ М.Н. Покровский, В.В. Адоратский и Н.Н. Батуринов в ноябре 1921 г. отмечали: «В наших архивах, наряду с документами, имеющими значение только научное, хранится масса документов, имеющих колоссальное политическое значение... Это колоссальный арсенал политического оружия» [Хорхордина 2009, с. 69].

Данный сюжет дает нам возможность рассуждать об укорененности ресурсного подхода к культурному наследию как типичном элементе политической культуры советского периода. Изучение складывающихся механизмов доступа различных государственных ведомств к процессу извлечения исторических фактов как к важному ресурсу («рациональному использованию архивных богатств») расширяет наше понимание советского опыта работы политико-идеологического «конвейера» [Анфертьев 2017, с. 72–75, 77]. Особый интерес также представляет аргументация представителей архивного мира и дипломатического ведомства, которая демонстрирует культурные практики новой бюрократии.

Архивное дело «Материал о взаимоотношении между Центральным архивом РСФСР и НКВД СССР по вопросам использования архивов: 1925–1926»² позволяет пролить свет на конфликт между руководителями ведомств, отразить разницу в подходах к использованию архивных материалов. Историю отношения наркома иностранных дел к архивным учреждениям и архивной работе мы освещаем с опорой на публикации самого Г.В. Чичерина.

В имеющейся историографии, посвященной истории советского архивного дела, а также в исследованиях, отражающих жизнь и деятельность Г.В. Чичерина, изучаемый вопрос предметно не рассматривался. Для понимания общего контекста развития советских архивов в 1920-е гг. мы опираемся на научные работы известных российских историков [Чекмарева 1989; Хорхордина 1994; Хорхордина 2009; Копылова, Хорхордина 2018].

¹ Главархив (1918–1922) – Главное управление архивным делом при Наркомате просвещения РСФСР. Впоследствии – Центрархив (1922–1929) – Управление Центральным архивом при ВЦИК РСФСР.

² ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178.

Г.В. Чичерин: «Внешняя политика не может вестись без базы старых документов».

Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин не понаслышке был знаком с принципами работы архивов: спустя три года после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета (1895) он поступил на службу в архив Министерства иностранных дел Российской империи. Работая в архиве, он внимательно изучал дела Азиатского департамента, который концентрировал переписку с «восточными» правительствами, с российскими дипломатическими и консульскими агентами на Востоке [Зарницкий, Трофимова 1984, с. 217].

Г.В. Чичерин прекрасно осознавал ценность исторического архивного наследия для нужд актуальной советской «восточной» политики, в частности опыт экономического взаимодействия со странами Востока. Туркменистан, Персия, Афганистан, Китай, Индия, Тибет, мусульманский и буддийский мир были для него не просто ареной деятельности, но и предметом интереса как исследователя культуры и истории³.

В своей известной статье «Россия и азиатские народы» (1919) Г.В. Чичерин отмечал: «Архивы азиатского департамента министерства иностранных дел могли бы открыть историкам, как постоянно затирались в николаевский период представителями старой, узкой царской государственности стремления нарождавшегося русского буржуазного капитализма к экспансии в Азии...»⁴. «В наших западных международных делах – очень большая степень преемственности, в восточных – еще несравненно большая. С Афганистаном, с Синьцзяном сплошная филиация отношений. Монгольских дел после 1920 г. нельзя понять без прежних монгольских дел. И КВЖД, японская рыба, Сахалин и т. д.», – напишет Чичерин в своей последней служебной записке 1930 г.⁵

Хорошо зная «архивную кухню» изнутри, Г.В. Чичерин пытался выстроить деловые отношения с представителями советского архивного ведомства – Главным управлением архивным делом

³ Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М.: Собрание, 2010. С. 166.

⁴ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 88.

⁵ Последняя служебная записка Г.В. Чичерина (июль 1930 г.) // Неизвестный Чичерин (ч. 2): Информационно-справочные материалы. Историко-документальный департамент МИД России. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/neizvestnyy-chicherin-chast-2/ (дата обращения 01.05.2023].

(ГУАД), образованным в 1918 г. под руководством Д.Б. Рязанова⁶. Последний, по мнению Чичерина, понимал важность и необходимость использования архивных документов для работы НКВД, потому соответствующим соглашением было зафиксировано, что документы имперского Министерства иностранных дел с 1856 по 1917 г. остаются на хранении в дипломатическом ведомстве.

Однако в августе 1920 г. Д.Б. Рязанова сменил М.Н. Покровский⁷ (будет находиться на этом посту до 1932 г.), совмещавший должность заместителя народного комиссара Наркомата просвещения РСФСР с руководством государственной архивной службой. С его приходом ГУАД было переподчинено ВЦИК, переименовано в Центральный архив (Центрархив) РСФСР, серьезно изменилась кадровая политика и направления работы системы государственных архивов⁸.

По мнению Чичерина, деятельность Покровского и его приближенных нанесла существенный ущерб советской международной политике, так как они препятствовали работе исследователей из НКВД, пытавшихся получить доступ к документам архива. Нарком подчеркивал, что в великолепно сохранившихся архивах в период Покровского царил полнейший хаос и расстройство, что не позволяло своевременно реагировать на изменения обстановки и принимать решения по внешнеполитическим вопросам⁹.

⁶ Рязанов Давид Борисович (1870–1938) – деятель российского революционного (социал-демократ) и профсоюзного движения, историк, библиограф, архивист. В 1918–1920 гг. – начальник Главного управления архивным делом Наркомпроса РСФСР.

⁷ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк, политический и общественный деятель, академик АН СССР. С 1918 по 1932 г. – заместитель наркома просвещения РСФСР. С 1920 г. – заведующий ГУАД, с 1922 г. – Центрархива РСФСР, с 1929 г. – ЦАУ РСФСР и ЦАУ СССР.

⁸ Смена руководства Главархива и последовавшие вслед за этим кадровые перестановки на местах стали частью общего процесса укрепления партийных позиций. Для архивистов 1920–1930-е гг. прошли под лозунгами «коммунизации» и «орабочения» архивных кадров: на смену высококвалифицированным специалистам, выпускникам университетов пришли члены РКП(б), часто без гуманитарного образования, но готовые без оглядки на профессиональные стандарты включиться в процесс обслуживания нового режима. В июне 1926 г. Коллегия Центрархива поддержала предложение ОГПУ о координации их действий (в состав коллегии был включен его представитель), что де-факто поставило архивное дело под контроль спецслужб.

⁹ Последняя служебная записка Г.В. Чичерина (июль 1930 г.).

Смена руководства Главархива и последовавшие вслед за этим кадровые перестановки на местах стали частью общего процесса укрепления партии во всех областях. Для архивистов десятилетие пройдет под лозунгами «коммунизации» и «орабочения» архивных кадров: на смену высококвалифицированным специалистам, выпускникам университетов придут члены РКП(б). Определяющим при этом будет не наличие специального базового гуманитарного образования, а готовность выполнять задачи, поставленные партией и правительством, т. е. включиться в систему обслуживания государственной власти, при которой архивы превращаются в «идеологическое оружие рабочего класса».

В результате кадровых чисток штаты архивных учреждений Центрархива в Москве и Петрограде заметно сократились. Так, если в 1920 г. штатная численность архивных работников составляла 465 человек, то в начале 1920-х гг. – 150, т. е. уволено было почти две трети [Хорхордина 1994, с. 95].

С 1921 г. между Центрархивом и Главнаукой¹⁰ шла борьба за место хранения фондов монастырей, дворцовых учреждений и отдельных коллекций письменных источников, изначально отложившихся в музеях и библиотеках, подведомственных Наркомпросу.

Еще более ожесточенная борьба велась между Центральным архивом РСФСР и НКИД СССР по вопросам использования архивов¹¹.

Исследователи неоднократно отмечали, что М.Н. Покровский с «уродливой политизированной прямолинейностью» старался внедрять в работу архивов установки, неадекватные их деятельности [Копылова, Хорхордина 2018, с. 3].

¹⁰ Главнаука (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями) – государственный орган координации научных исследований теоретического профиля и пропаганды науки и культуры в РСФСР (1921–1930). Сформирован в составе Академического центра Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) в 1921 г. Основные задачи: развитие и материальное обеспечение сети научных и художественных учреждений, подготовка и использование научных кадров в интересах строительства советской культуры, организация научных съездов и конференций, распространение научных знаний и художественной культуры, развитие краеведческого движения, организация научных экспедиций, учет, охрана и реставрация историко-художественных памятников.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178: Материал о взаимоотношении между Центральным архивом РСФСР и НКИД СССР по вопросам использования архивов. 1925–1926 гг.

При этом позиция Чичерина на всем протяжении 1920-х гг. была неизменной: НКИД не может обойтись «без постоянного изучения архивных материалов бывшего МИД»¹².

НКИД vs Центрархив

Вскоре после назначения М.Н. Покровского руководителем архивного ведомства возникло сильное напряжение между Центрархивом и НКИДом. По его указанию, значительная часть архивных дипломатических документов была у НКИД изъята. 25 мая 1926 г. появилось постановление Президиума ВЦИК о работе Центрархива, согласно которому представителям различных ведомств, в том числе сотрудникам НКИД, предлагалось знакомиться с делами в читальных залах архива. Практику передачи документов непосредственно в ведомства планировалось свести к минимуму¹³.

Апогей конфликта между ведомствами пришелся на 1926–1927 гг., когда в Центрархив поступила записка Чичерина следующего содержания¹⁴:

Так как я лишен возможности заниматься в читальном зале Центроархива, то приглашение меня к занятиям в читальном зале равносильно отказу в документах, требуемых для нашей дипломатической работы.

Наркоминдел ставит борьбу за революцию выше исследовательских интересов нынешних и будущих архивных специалистов. Противоположную точку зрения я не могу признать революционной.

Наркоминдел не в состоянии полностью выполнить свои функции при отсутствии необходимых для его работы старых документов¹⁵.

В ответ Покровский обвинил НКИД в приверженности узковедомственным интересам. В одном из писем он написал, что НКИД собирает материалы из Лондона, Италии, не передавая их на хранение, децентрализуя архивные материалы. Руководитель Центрархива возражал Чичерину:

¹² Там же. Л. 16.

¹³ Там же. Л. 13–14.

¹⁴ Копия записки была направлена первому заместителю председателя ОГПУ Г. Ягоде.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 93.

Нужно заметить, что дипломатические архивы необходимы не только НКВД – они нужны и ОГПУ¹⁶ (шифровальный материал МИД, заграничная охранка, материалы которой могли отразиться в посольских архивах) и РВСР¹⁷, дипломатическая часть архива которого должна быть связана с МИД и НКФ¹⁸, так как в МИДе отразились переговоры о займах и заграничных заказах царского правительства. Все ведомства, нуждающиеся в справках, в том числе ОГПУ, работа которого носит не менее срочный и конспиративный характер, нежели работа НКВД, РВСР, Верховсуд¹⁹ и т. д., копируют нужные им документы в месте их хранения – в специально оборудованных для этого читальных залах соответствующих архивохранилищ²⁰.

12 июня 1926 г. состоялось секретное заседание в Президиуме ВЦИК, на котором было рассмотрено ходатайство Чичерина об отмене пункта 2 постановления Президиума ВЦИК от 25 мая 1926 г. Согласно этому пункту постановления, учреждения могли получать из архива материал на срок до трех месяцев, а в исключительных случаях и свыше²¹. В результате было решено, что в исключительных случаях, если нарком или его сотрудники не могут работать в читальных залах Центрархива, материалы будут выдаваться лично Чичерину под расписку²².

В свою очередь, Чичерин в письме 15 апреля 1926 г. в Президиум ВЦИК (копия была направлена Г. Ягоде и в Центрархив) с нескрываемым негодованием указывал на чрезвычайно плохую сохранность архивов департаментов МИД, которые «находятся в запущенном состоянии»: им чрезвычайно навредили постоянные перевозки²³, хранение в сыром подвале, в котором температура не превышает уличную, плохой справочный аппарат (названия не соответствуют содержанию). Дипломат отмечал, что за 8 лет дело с мертвой точки не сдвинулось, именно поэтому в 1925 г. НКВД

¹⁶ ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (1923–1934).

¹⁷ Реввоенсовет, Революционный военный совет Республики.

¹⁸ Наркомат финансов СССР.

¹⁹ Верховный суд СССР.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 61–62.

²¹ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 6.

²² Там же. Л. 62.

²³ Указано, что документы вывозились из Кирилло-Белозерского монастыря Вологодской губернии (с 1924 г. – историко-архитектурный и художественный музей-заповедник).

самостоятельно запросил материалы зарубежных посольств и хранил их у себя²⁴.

Резкие оценки наркома вызывало и то, что около половины требований НКИД на получение документов из архивных фондов не удовлетворялась совсем, а оставшаяся половина документации прибывала в наркомат спустя 3–4 недели после запроса. Скорость информационного сопровождения работы дипломатов во многих случаях имела исключительно важное значение:

Мы были бы спасены от многих промахов, если бы т. Покровский не отнял старых дел. Но еще важнее то, что в международных делах надо реагировать моментально. Я должен иметь в руках старые дела, чтобы сразу совершать нужные шаги²⁵.

12 июня 1926 г. Чичерин вновь направляет письмо в Президиум ВЦИК (копии – в ОГПУ и Центрархив), в котором обращает внимание на недостатки архивного дела, мешающие «защищать интересы Союза против буржуазных государств», так как материалы представляются не всегда, с опозданием и ненадлежащего качества. «Факт остается фактом: при нынешнем курсе Центрархива НКИД не в состоянии надлежащим образом бороться против капиталистического окружения». НКИД не может обойтись «без постоянного изучения архивных материалов бывшего МИД Российской империи»²⁶.

Покровский в ответ на возмущение Чичерина обвиняет его в узковедомственном интересе, подчеркивая, что в НКИД полагают, что кроме Наркомата по иностранным делам эти документы, имеющие «колоссальное политическое и общегосударственное значение», никому никогда не пригодятся. Покровский пишет о том, что НКИД забрал и задерживает 1214 единиц хранения²⁷.

В итоге в известной служебной записке – послании своему сменщику – Чичерин удостоил Центрархив звания «ужаснейшего из ведомств» и подчеркивал, что это была «самая неприятная сторона его работы»:

Самое отвратительное воспоминание осталось у меня от отношений с ужаснейшим из ведомств, Центроархивом... Банда Покровского

²⁴ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 43.

²⁵ Последняя служебная записка Г.В. Чичерина (июль 1930 г.). URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/neizvestnyy-chicherin-chast-2/ (дата обращения 01.05.2023).

²⁶ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 14–16.

²⁷ Там же.

смотрит как на врага на всякого, кто хочет пользоваться документами архива, ставит себе целью всячески мешать их использованию (судя по всему, надо думать, что банда хочет оберегать материалы для статей своего шефа), и притом внесла в великолепно до тех пор сохраненные архивы полнейший хаос и расстройство²⁸.

Заключение

В 1920-е гг. принципиальные подходы к работе с имперским архивным наследием являлись утилитарно-инструментальными. При всех кажущихся различиях в подходах НКВД и Центрархива различие состояло лишь в направлениях, формах «рационального использования архивных богатств» как важного политико-идеологического ресурса. Рассматриваемый частный сюжет довольно выпукло показывает, каким образом разворачивалась подобная межведомственная борьба, за которой очевидно скрывалась и личная неприязнь между Чичериным и Покровским.

Особое внимание обращает на себя градус накала и те аргументы, с которыми Г.В. Чичерин объясняет свою особую заинтересованность в документах имперского МИД. Описанные им недостатки архивного дела мешали «защищать интересы Союза против буржуазных государств», «при нынешнем курсе Центрархива НКВД не в состоянии надлежащим образом бороться против капиталистического окружения»²⁹. По сути, он прямо обвиняет своего оппонента в антиреволюционной деятельности, что, вероятно, должно было обратить особое внимание членов Президиума ВЦИК и руководства ОГПУ на происходящее (не случайно копии записок с обвинениями в адрес Покровского отправлялись прямоком на Лубянку). Однако наличие иных заинтересованных и постепенная трансформация постреволюционной реальности навряд ли могли подкрепить позицию Чичерина. С другой стороны, подобная горячность в защите собственной позиции выдает в нем страстную натуру борца за революционное дело, что вполне подтверждается его биографией, а также профессионала, привыкшего работать на результат, не перекладывая ответственность за промахи на других. Современные исследователи изучают различные аспекты ресурсного характера российской исторической политики, отмечая, что сегодня «...обнаруживаемое в кладовых традиции и полуоткрытых

²⁸ Последняя служебная записка Г.В. Чичерина (июль 1930 г.). https://idd.mid.ru/informational_materials/neizvestnyy-chicherin-chast-2/ (дата обращения 01.05.2023).

²⁹ ГА РФ. Р-5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 14–16.

государственных архивах историческое прошлое не достаточно просто извлечь, его еще нужно определенным образом утилизировать, то есть использовать с повышенной эффективностью» [Калинин 2011, с. 330–339]. Рассматриваемый сюжет – коллизии рабочих взаимодействий между руководителями НКВД и Главархивом (Центрархивом) в 1920-е годы по вопросу использования архивных материалов дипломатического характера – является одним из свидетельств того, что подобный современный ресурсно-рациональный подход в отношении архивного наследия коренится, в том числе, в советских политических практиках.

Литература

- Анфертьев 2017 – *Анфертьев И.А.* Политическая биография правящей РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-е гг.: Критический анализ. М.: Инфра-М, 2017. 321 с.
- Зарницкий, Трофимова 1984 – *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Так начинался Наркоминдел. М.: Политиздат, 1984. 240 с.
- Калинин 2011 – *Калинин И.* Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2011. № 4. С. 330–339.
- Копылова, Хорхордина 2018 – *Копылова О.Н., Хорхордина Т.И.* Центрархив РСФСР в 1920-е гг.: новый курс руководства архивной отраслью // *Отечественные архивы*. 2018. № 2. С. 3–17.
- Хорхордина 1994 – *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М., 1994. 360 с.
- Хорхордина 2009 – *Хорхордина Т.И.* Хранители секретных документов // *Режимные люди в СССР*. М.: Политическая энциклопедия, 2009. С. 67–95.
- Чекмарева 1989 – *Чекмарева Н.В.* Партийное руководство развитием архивного дела в СССР (1917–1938 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 28 с.

References

- Anfert'ev, I.A. (2017), *Politicheskaya biografiya pravyashchei RKP(b)–VKP(b) v 1920–1930-e gg.: Kriticheskii analiz* [Political biography of the ruling RCP(b)–AUCP(b) in the 1920s–1930s. A critical analysis], Infra-M Publishing House, Moscow, Russia.
- Chekmareva, N.V. (1989), *Partiinoye rukovodstvo razvitiem arkhivnogo dela v SSSR (1917–1938 gg.)* [Party guidance in the development of archives in the USSR (1917–1938)], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Moscow, USSR.
- Kalinin, I. (2011), “Fights for history. The past as a limited resource”, *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, no. 4, pp. 330–339.

- Khorkhordina, T.I. (1994), *Istoriya Otechestva i arkhivy: 1917–1980-e gg.* [History of the Fatherland and Archives: 1917 – the 1980s], Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2009), “Keepers of secret documents”, in *Rezhimnye lyudi v SSSR* [Regime people in the USSR], Politicheskaya entsyklopediya, Moscow, Russia, pp. 67–95.
- Kopylova, O.N. and Khorkhordina, T.I. (2018), “The Central Archives of the RSFSR in the 1920s. A new course for managing the archival industry”, *Otechestvennyye arkhivy*, no. 2, pp. 3–17.
- Zarnitskii, S.V. and Trofimova, L.I. (1984), *Tak nachinal'sya Narkomindel* [That's how Narkomindel began], Politizdat, Moscow, USSR.

Информация об авторах

Юлия Н. Гусева, доктор исторических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1; j.guseva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5731-7274

Василий С. Христофоров, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия. Москва, Миусская пл., д. 6; xvsarhiv@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-3964-1967

Information about the authors

Yulia N. Guseva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 4, 2nd Sel'skokhozyaistvennyi Dr., Moscow, Russia, 129226; j.guseva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5731-7274

Vasilii S. Khristoforov, Dr. of Sci. (Law), associated member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; xvsarhiv@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-3964-1967

Всеобщая история

УДК 338.43(517.3)

DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-45-58

Совершенствование кормовой базы МНР в фокусе внимания СЭВ: проект освоения целинных земель в северной части Гобийской зоны

Нарма А. Каманджаев

*Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия,
narmakam@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена истории подготовки и согласования в органах СЭВ проекта освоения целинных земель в северной части Гобийской зоны МНР. Данный комплекс мероприятий был выдвинут монгольской стороной в качестве части Долгосрочной целевой программы сотрудничества СЭВ в области сельского хозяйства и пищевой промышленности. Вследствие этого его обсуждение проходило в ходе совещаний временной группы экспертов, подотчетной Комитету СЭВ по сотрудничеству в области плановой деятельности. В течение ряда совещаний первоначальные позиции монгольской стороны по содержательной стороне проекта претерпели существенные изменения преимущественно в сторону уменьшения предполагаемого объема затрат. В свою очередь заключенное 12 марта 1980 г. генеральное соглашение по рассматриваемому проекту имело свойство рамочной договоренности, в которой были прописаны лишь общие обязательства сторон по сооружению четырех новых государственных хозяйств кормового профиля вместе с соответствующими оросительными системами. Тем не менее это не умаляет того факта, что рассматриваемый проект являлся одной из немногих озвученных в СЭВ монгольских инициатив, которые завершились подписанием многостороннего соглашения.

Ключевые слова: Монголия, СЭВ, сельское хозяйство, кормопроизводство, орошение

Статья поступила в редакцию 5 января 2024 г.;
принята к публикации 4 марта 2024 г.

© Каманджаев Н.А., 2024

Для цитирования: Каманджаев Н.А. Совершенствование кормовой базы МНР в фокусе внимания СЭВ: проект освоения целинных земель в северной части Гобийской зоны // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 45–58. DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-45-58

MPR's food supply improvement
in the CMEA focus of attention.
A project for the development of the virgin lands
in the northern part of the Gobi zone

Narma A. Kamandzhaev

*Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Elista, Russia,
narmakam@gmail.com*

Abstract. This article deals with the history of the preparation and approval, within the framework of the CMEA bodies, of the project for the development of the virgin lands in the northern part of the Gobi zone in the Mongolian People's Republic. That set of measures was put forward by the Mongolian side as part of the CMEA Long-Term Target Program for Cooperation in the Field of Agriculture and the Food Industry. As a result, the discussion of the measures took place in a multilateral format, within the framework of a temporary expert group that was accountable to the CMEA Committee for Cooperation in the Field of Planning Activities. Over the course of a series of meetings, the initial positions of the Mongolian side on the content of the project underwent significant changes, primarily reducing the estimated cost of implementing that package of measures. In turn, the general agreement on the project under consideration, concluded on March 12, 1980, took on a shape of a framework agreement, which only stipulated the general obligations of the parties for the construction of the four new state-owned fodder farms along with the corresponding irrigation systems. However, it does not detract from the fact that the project was one of the few Mongolian cooperation initiatives within the CMEA structure that resulted in the signing of a multilateral agreement.

Keywords: Mongolia, CMEA, agriculture, fodder production, irrigation

The article was submitted 5.01. 2024;
accepted for publication 4.03. 2024.

For citation: Kamandzhaev, N.A. (2024), "MPR's food supply improvement in the CMEA focus of attention. A project for the development of the virgin lands in the northern part of the Gobi zone", *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 45–58, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-45-58

Введение

Монгольская Народная Республика практически на всем протяжении своего существования с 1924 по 1992 г. являлась неотъемлемой частью социалистического содружества. Одним из подтверждений этого стало вступление Монголии в Совет экономической взаимопомощи, которое произошло 7 июня 1962 г. в соответствии с решением XVI сессии СЭВ [Липкин 2017, с. 131]. Безусловно, Монголия в многочисленной семье стран социалистического лагеря имела ряд специфических особенностей, среди которых особняком стоял относительно низкий уровень производственных сил, характеризовавшийся преобладанием в экономике животноводства. Данный факт не являлся новостью и для тогдашнего монгольского руководства, которое прилагало немалые силы в деле опережающего развития народного хозяйства республики, в том числе и посредством участия в СЭВ.

Так, еще в процессе принятия Монголии в состав Совета, в ходе Совещания представителей коммунистических и рабочих партий стран-участниц СЭВ 1962 г., первый секретарь ЦК МНРП и председатель Совета министров республики Юмжаагийн Цэдэнбал попросил присутствующие делегации усилить экономическую помощь Монголии в целях выравнивания ее уровня экономического развития с соответствующим уровнем передовых социалистических стран¹.

Впоследствии тезис о постепенном сближении и выравнивании уровней экономического развития стран-членов СЭВ был зафиксирован в качестве второго раздела первой главы, принятой в 1971 г. Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ (далее – Комплексная программа 1971 г.). Причем отдельно здесь был выделен вопрос «об обеспечении ускоренного роста и повышения эффективности экономики Монгольской Народной Республики». Для осуществления этой цели в программе было прописано согласование между странами-участницами Совета специальных мероприятий², одним из которых впоследствии стало сельскохозяйственное освоение целинных земель в северной части Гобийской зоны МНР. Истории подготовки и согласования в органах СЭВ предложений по этой проблеме посвящена настоящая статья.

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 17. Л. 249.

² Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран – членов СЭВ. М.: Политиздат, 1972. С. 12, 15.

Рассматриваемая проблема ранее практически не была освещена в историографии. Крайне небольшие и весьма фрагментарные упоминания о сотрудничестве в деле освоения северной части Гобийской зоны имеются в работах, посвященных общим вопросам международного экономического сотрудничества МНР [БНМАУ 1979, х. 187; Матвеева 1987, с. 194; Окнянский 1984, с. 42]. В то время как в специализированной литературе по истории сельскохозяйственного освоения монгольских земель в тот период приводятся лишь общие объемы советско-монгольского сотрудничества в этой отрасли [Голых 1997, с. 136–137; Зайцева, Баяртогтох 2021, с. 77–78; Карначёв, Баяртогтох 2017, с. 200].

Тем не менее с точки зрения публикации источников по рассматриваемой проблеме в современный период был совершен настоящий прорыв, выраженный в издании в 2023 г. сборника документов «Монголия в СЭВ: на пути евразийской экономической интеграции». Это издание в комплексе с материалами Российского государственного архива экономики и Российского государственного архива новейшей истории послужили источниковой базой настоящего исследования.

Предыстория вопроса

Со времени вступления Монголии в Совет экономической взаимопомощи в 1962 г. монгольские представители неоднократно выносили на повестку заседаний органов Совета различные вопросы развития сельского хозяйства страны. Так, в сентябре 1963 г. экспертной группой стран-членов СЭВ был составлен доклад «О предложениях по оказанию помощи Монгольской Народной Республики в развитии сельскохозяйственного производства и укреплении научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству». Руководствуясь им, монгольская сторона подготовила предложения к странам – участницам организации об оказании комплексной помощи в совершенствовании сельскохозяйственной отрасли республики. В дальнейшем 12-е заседание Исполкома СЭВ, поддержав начинания монгольской стороны, рекомендовало провести согласование этих предложений на двусторонней основе³.

Результативность двусторонних переговоров о предоставлении МНР помощи в развитии ее сельского хозяйства стала предметом обсуждения на 17-м заседании Постоянной комиссии СЭВ

³ Каманджаев Н.А. Совет экономической взаимопомощи в поисках путей развития сельского хозяйства Монголии: доклад экспертной группы от 12 сентября 1963 г. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 18.

по сельскому хозяйству (8–13 июня 1964 г.). По этому вопросу был заслушан доклад монгольской делегации, в котором монгольской стороной было признано, что не все мероприятия, зафиксированные в вышеупомянутом докладе, нашли поддержку в ходе двусторонних консультаций плановых органов стран⁴. Исходя из этого, можно судить об обозначившемся несовершенстве механизма предоставления комплексной помощи сельскому хозяйству Монголии посредством двусторонних переговоров.

Следующим знаковым событием для монгольского сельского хозяйства в рамках СЭВ стало включение в Комплексную программу 1971 г. специального пункта, согласно которому перед организацией отныне вставала задача решения проблемы интенсификации и внедрения промышленных методов производства отдельных видов продукции животноводства МНР⁵.

Исполнение этого пункта Комплексной программы преследовалось монгольской стороной при лоббировании подписания многостороннего соглашения по программе интенсификации и внедрения промышленных методов производства отдельных видов продукции животноводства в МНР. Однако в ходе состоявшегося 21–24 октября 1975 г. совещания экспертов стран-членов СЭВ данная инициатива была признана нецелесообразной⁶.

Последовавшее за совещанием 43-е заседание Постоянной комиссии СЭВ по сельскому хозяйству приняло к сведению, что МНР и другие страны-члены СЭВ согласовали на двусторонней основе соответствующий «Перечень мероприятий, подлежащих выполнению в МНР в 1976–1980 гг. странами-членами СЭВ в целях реализации программы интенсификации животноводства МНР». Это решение вызвало негодование монгольской делегации, которая протокольно заявила, что «исходным документом» должен служить именно проект многостороннего соглашения, а никак не «Перечень мероприятий», который, по мнению монгольских представителей, являлся «простым перечислением мероприятий, согласованных при координации народнохозяйственных планов на 1976–1980 гг. на уровне плановых органов»⁷.

Таким образом, очевидно, что после не совсем удачного опыта координации планов 1966–1970 гг. на основе положений доклада

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 561. Оп. 48. Д. 165. Л. 15.

⁵ Комплексная программа... С. 100.

⁶ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24пп. Д. 384. Л. 3.

⁷ Монголия в СЭВ: на пути евразийской интеграции: 1962–1991 гг.: сборник документов / отв. ред. А.В. Юрасов; сост. Е.Р. Курапова. М.: Кучково поле: Музеон, 2023. С. 673–674.

1963 г. монгольская сторона, ссылаясь на пункт Комплексной программы 1971 г., попыталась побудить страны СЭВ организовать комплексную и многостороннюю помощь в развитии ее сельскохозяйственной отрасли. Однако последующие решения органов Совета закрепили привычный порядок согласования этой помощи посредством не совсем выгодного для монгольской стороны механизма плановой координации.

Начало обсуждения

Следующий этап продвижения монгольской сельскохозяйственной повестки в органах СЭВ связан с долгосрочной целевой программой сотрудничества (далее – ДЦПС) в области сельского хозяйства и пищевой промышленности. Ее разработка в числе других программ была санкционирована ХХІХ сессией СЭВ, состоявшейся 24–26 июня 1975 г.⁸ В ходе работы над ней в течение 1976 г. монгольская сторона предложила включить в ДЦПС в области сельского хозяйства и пищевой промышленности проблему создания кормовых хозяйств на орошаемых участках северной части Гобийской зоны. Согласно пояснительной записке, монгольская сторона изначально планировала создание в бассейне четырех рек оросительной системы площадью 64 тыс. га, с последующим строительством семи кормовых хозяйств. Общий предварительный объем капиталовложений определялся в 125,3 млн руб., а срок окупаемости – в 4,2 года с момента освоения проектной мощности⁹.

По этому вопросу решением второго заседания рабочей группы Комитета по сотрудничеству в области плановой деятельности СЭВ (далее – КСОПД) по разработке ДЦПС в области сельского хозяйства и пищевой промышленности была образована специальная временная группа экспертов, первое совещание которой состоялось в г. Улан-Баторе с 15 по 29 марта 1977 г.¹⁰

В процессе подготовки к предстоящему совещанию монгольская сторона подготовила технико-экономический доклад (далее – ТЭД) по проекту, а также провела двусторонние переговоры с делегациями НРБ, ВНР, ПНР, СРР и СССР, в ходе которых были в том числе согласованы уточненные дополнительные экономические расчеты.

Совещание, изучив вышеупомянутые материалы и ознакомившись с положением дел на месте, приняло ряд решений. Во-первых,

⁸ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 61с. Д. 1. Л. 12.

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 2103. Л. 35–37.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 24ш. Д. 412. Л. 19, 26.

оно положительно оценило работу монгольской делегации по подготовке ТЭД и проведению двусторонних переговоров. Вторых, эксперты посчитали целесообразным включить рассматриваемый вопрос в проект ДЦПС в области сельского хозяйства и пищевой промышленности. В-третьих, эксперты просили монгольскую сторону при дальнейшей работе над технико-экономическим обоснованием найти оптимальное решение настоящего вопроса¹¹.

Эксперты также подготовили специальный доклад о мероприятиях по освоению района Северной Гоби, где в том числе были указаны и соответствующие предложения по сотрудничеству стран-членов СЭВ. В соответствии с ним основной целью освоения земель в северной части Гобийской зоны должно было являться создание страховых запасов кормов для Баянхонгорского, Гоби-Алтайского и Средне-Гобийского аймаков¹².

Общая площадь района Северной Гоби охватывала 33,6 млн га, из них же, по оценке экспертов, естественные сенокосные угодья занимали около 30 тыс. га. Несмотря на то что в этом районе было сосредоточено 20% скота страны, тяжелые природно-климатические условия существенно затрудняли ведение специализированного животноводческого хозяйства. Данное обстоятельство в свою очередь обуславливало высокие ежегодные затраты (25 млн тугр.) на транспортировку кормов в вышеприведенных аймаках. Следовательно, местный скот был обеспечен страховыми запасами кормов лишь на 5%¹³.

Экспертами предлагалось два варианта решения вышеупомянутого комплекса проблем. Согласно первому, в бассейнах рек Байдраг-Гол, Туйн-Гол, Таацын-Гол и Онгийн-Гол предлагалось создать водохранилища, из вод которых могло бы происходить орошение пашен 8 новых госхозов общей площадью 71,2 тыс. га. При таком варианте новые госхозы ежегодно обеспечивали бы вышеобозначенные аймаки 95 тыс. т. кормовых единиц. Предварительная цифра общего объема капиталовложения составляла около 1834,3 млн тугр.¹⁴

По второму варианту предлагалось путем расширения оросительной системы в районе Хархорина, а также малых оросительных систем в Баянхонгорском, Гоби-Алтайском, Уверхангайском и Средне-Гобийском аймаках увеличить площадь орошаемых угодий на 25 тыс. га. Предлагаемые мероприятия, по мысли экспертов,

¹¹ Там же. Л. 19–20.

¹² Там же. Л. 26.

¹³ Там же. Л. 28–30.

¹⁴ Там же.

позволили бы получить дополнительные 48 тыс. т кормовых единиц при общих затратах в 630 млн тугр.¹⁵

Исполнение комплекса мероприятий эксперты предлагали закрепить заключением долгосрочного генерального соглашения, в котором должны были быть отражены основные принципы форм сотрудничества и координации совместных действий стран-подписантов. Генеральное соглашение должно было стать основой последующего заключения двусторонних или многосторонних соглашений в осуществлении конкретных мероприятий за определенный период. В то же время возмещение предполагаемой помощи было намечено провести в основном на компенсационной основе¹⁶.

Технико-экономическое обоснование

В дальнейшем при утверждении XXXII сессией Совета (27–29 июня 1978 г.) долгосрочных целевых программ сотрудничества проект по освоению земель в районе Северной Гоби официально стал частью программы ДЦПС № 4 под названием «Основные мероприятия сотрудничества по согласованным группам продуктов и проблемам в области сельского хозяйства и пищевой промышленности»¹⁷. Причем, учитывая указанные в документе ориентировочные цели мероприятий, за основу при внесении данных проектов в список мероприятий ДЦПС № 4 был взят второй вариант его исполнения по ТЭД.

По окончании работы Сессии, 29 июня, было созвано 17-е заседание КСОПД, утвердившее порядок и сроки подготовки и рассмотрения отдельных комплексных проблем ДЦПС, в том числе и по освоению вышеозначенного района. Из документа видно, что по проекту освоения северной части Гобийской зоны предстояло совершить два раунда переговоров, в ходе которых представленные монгольской стороной проект ТЭО и проект генерального соглашения должны были рассматриваться совещаниями экспертов и затем обсуждаться на двусторонней основе. Рассмотрение и подписание генерального соглашения было намечено на II квартал 1979 г., после чего во втором полугодии того же года должны были быть заключены двусторонние соглашения¹⁸.

13–16 февраля 1979 г. состоялось очередное совещание временной группы экспертов заинтересованных стран-членов СЭВ. В ходе

¹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 37.

¹⁷ Там же. Оп. 64с. Д. 1. Л. 15, 130, 132.

¹⁸ Там же. Оп. 21сп. Д. 56. Л. 6. 17–19.

него было заслушано сообщение монгольской делегации о составлении и содержании подготовленного ТЭО по освоению целинных земель в северной части Гобийской зоны. Эксперты, рассмотрев аннотацию к обоснованию, обсудили предложения делегаций стран по уточнению и доработке ТЭО. В своем постановлении совещание просило монгольскую делегацию доработать технико-экономическое обоснование и направить его делегациям заинтересованных стран для практического использования¹⁹.

В ходе совещания был также согласован проект генерального соглашения о сотрудничестве по освоению целинных земель путем создания новых госхозов для обеспечения страховых запасов кормов в северной части Гобийской зоны в МНР. При этом было протокольно зафиксировано мнение совещания о том, что список мероприятий по освоению района Северной Гоби должен быть обозначен в качестве приложения к генеральному соглашению и что он будет носить лишь ориентировочный характер. Такие важные условия, как объемы, сроки и структура предполагаемых работ, было намечено зафиксировать в двусторонних соглашениях, которые рекомендовалось заключить после подписания генеральных соглашений²⁰.

В качестве приложения к протоколу совещания была представлена аннотация ТЭО освоения района. Интересным представляется проследить, каким образом к тому времени под воздействием двусторонних переговоров и многосторонних совещаний изменилась позиция монгольской стороны по данному вопросу.

Согласно документу, для освоения района северной части Гоби нужно было обустроить четыре оросительные системы под названиями «Хэрсэнгийн тал», «Борузурийн тал», «Онгийн гол», «Хархорин» на реках Байдраг-Гол, Таацын-Гол, Онгийн-Гол и Орхон соответственно. На базе первых трех систем предлагалось создать сугубо кормовые хозяйства для пополнения государственных кормовых запасов. В свою очередь, оросительная система «Хархорин» должна была стать основой для создания государственного хозяйства комплексного назначения. В этом госхозе планировалось, с одной стороны, культивирование пшеницы и сырья для производства комбикормов, а с другой – выращивание овощей и картофеля²¹.

При общей площади орошения в размере 21 593 га суммарный ежегодный выход продукции госхозов должен был определяться следующими цифрами: кормов – 43 427 т., зерна – 6119 т., овощей – 954 т., картофеля – 1170 т., семян многолетних трав – 59,7 т.

¹⁹ Там же. Оп. 24пп. Д. 465. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 13–19.

Весь комплекс мероприятий планировалось осуществить в течение 10 лет. Вместе с тем общая стоимость строительства объектов в рамках освоения северной части Гоби была определена в размере 392,53 млн тугр. со следующей целевой разбивкой: водохозяйственные объекты – 277,86 млн тугр., сельскохозяйственное производство – 44,14 млн тугр., организация службы эксплуатации – 6,79 млн тугр., жилищное строительство – 63,74 млн тугр.²²

По задумке авторов документа, осуществление рассматриваемого комплекса мероприятий в перспективе должно было решить сразу три задачи. Во-первых, произошло бы сокращение падежа скота в размере 2% от общего количества местного стада, что увеличило бы денежные поступления на 735 тыс. тугр. Во-вторых, было намечено увеличить производства мяса за счет использования ранее завозимых из Селенгинского аймака кормов на сумму 5288,6 тыс. тугр. В-третьих, потенциальная экономия затрат на транспортировку кормов, по расчетам авторов ТЭО, составляла 14682 тыс. тугр. Как итог, потенциальный экономический эффект освоения северной части Гобийской зоны определялся в размере 20,7 млн тугр. в год при сроке окупаемости в 16 лет²³.

Генеральное соглашение

20-е заседание КСОПД, состоявшееся 28 июня 1979 г., одобрило проект генерального соглашения о сотрудничестве в освоении целинных земель путем создания новых госхозов для обеспечения страховых запасов кормов в северной части Гобийской зоны в МНР и рекомендовало заинтересованным странам подписать его до конца 1979 г.²⁴

Затем на 92-м заседании Исполнительного комитета СЭВ вышеобозначенный комплекс мероприятий был включен в перечень многосторонних соглашений, которые необходимо было подготовить к XXXIV сессии СЭВ. Срок подготовки генерального соглашения по северной части Гоби определялся декабрем 1979 г.²⁵

12 апреля 1980 г. представители Венгрии, Кубы, Монголии и Советского Союза подписали генеральное соглашение о сотрудничестве в освоении целинных земель путем создания новых хозяйств для обеспечения страховых запасов кормов в северной части Гобийской зоны в МНР. Общий срок действия Соглашения определялся

²² Там же. Л. 20–22.

²³ Там же. Л. 23–25.

²⁴ Там же. Оп. 15пп. Д. 131. Л. 6.

²⁵ Там же. Оп. 65с. Д. 21. Л. 45–46.

периодом до 1990 г., а его координатором было назначено Министерство сельского хозяйства МНР²⁶.

В статье 1 Соглашения было закреплено, что страны-подписанты согласились сотрудничать в деле разработки и реализации мероприятий по созданию четырех вышеописанных государственных хозяйств на базе оросительных систем. Отдельно было указано, что каждая из четырех участвующих сторон будет выполнять весь комплекс работ по созданию закрепленного за ней конкретного хозяйства на основе двусторонних межправительственных договоров, которые в свою очередь будут базироваться на данном многостороннем соглашении²⁷.

Монгольская сторона брала на себя обязательства по разработке технической документации, отводе земли под строительство объектов, проведению строительно-монтажных работ по ним, комплектованию госхозов кадрами, доведению госхозов до проектных мощностей, а также поставке сельскохозяйственной продукции другим странам-подписантам на согласованных в двусторонних соглашениях условиях²⁸.

Остальные договаривающиеся стороны обещали МНР выполнить по ее заказам проектно-изыскательские работы; оказать техническое содействие при исполнении строительно-монтажных работ; поставить нужные машины, оборудование, материалы и др.; командировать необходимых специалистов; совместно разработать меры по внедрению прогрессивных технологий, а также содействовать в обучении монгольских рабочих и специалистов²⁹.

Далее в Соглашении была закреплена важная норма, рекомендованная совещанием временной группы экспертов от 13–16 февраля 1979 г., согласно которой объемы, структура, сроки и условия обязательств венгерской, кубинской и советской сторон должны были быть определены в рамках двусторонних соглашений³⁰. При этом Соглашение, вразрез с мнением февральского совещания, не содержало в себе какого-либо приложения с ориентировочным списком мероприятий по освоению северной части Гобийской зоны.

²⁶ Там же. Ф. 302. Оп. 2. Д. 1850. Л. 40–41.

²⁷ Там же. Л. 40–40об.

²⁸ Там же. Л. 40об.

²⁹ Там же. Л. 41.

³⁰ Там же. Л. 41.

Заключение

Таким образом, монгольские представители в СЭВ, преследовавшие цель ускорения экономического развития своей страны, стремились побудить другие страны-участницы организации к оказанию помощи в совершенствовании сельскохозяйственной отрасли МНР на основе многостороннего соглашения. Первая такая попытка, касавшаяся комплексной помощи сельскому хозяйству Монголии, успехом не увенчалась, и монгольские представители в СЭВ начали предпринимать более точечный подход, выражением которого являлось лоббирование проекта сельскохозяйственного освоения района Северной Гоби.

Рассматриваемый комплекс мероприятий был выдвинут монгольской стороной в качестве части Долгосрочной целевой программы сотрудничества СЭВ в области сельского хозяйства и пищевой промышленности. Вследствие этого его обсуждение проходило в многостороннем формате, в ходе совещаний временной группы экспертов, подотчетной Комитету по сотрудничеству в области плановой деятельности. В течение ряда совещаний первоначальные позиции монгольской стороны по содержательной стороне проекта претерпели существенные изменения преимущественно в сторону уменьшения предполагаемого объема затрат на осуществление данного комплекса мероприятий.

Основополагающим фактором, с точки зрения формальной стороны проекта, стало мнение февральского (1979 г.) совещания временной группы экспертов, согласно которому такие важные условия, как объемы, сроки и структура предполагаемых мероприятий, было намечено зафиксировать в двустороннем порядке. Благодаря этому заключенное 12 марта 1980 г. генеральное соглашение имело свойство рамочной договоренности, в которой были прописаны лишь общие обязательства сторон по сооружению четырех новых государственных хозяйств кормового профиля вместе с соответствующими оросительными системами. Тем не менее это не умаляет того факта, что рассматриваемый проект являлся одной из немногих озвученных в СЭВ монгольских инициатив, которые завершились подписанием многостороннего соглашения.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Acknowledgements.

The reported study was funded by government subsidy – project name “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China” (state registration number: 123021300198-4).

Литература

- БНМАУ 1979 – БНМАУ социалист эдийн засгийн интеграцид (онол практикийн зарим асуудал) [МНР в социалистической экономической интеграции (некоторые вопросы теории и практики)] / ред. М. Пэлжээ, П. Лувсандорж. Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэл, 1979. 284 х.
- Голых 1997 – Голых А.В. Советско-монгольское сотрудничество в освоении целинных земель и развитии земледелия в МНР (1959–1985): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. 168 с.
- Зайцева, Баяртогтох 2021 – Зайцева Л.А., Баяртогтох Д. Советско-монгольское сотрудничество в области сельского хозяйства: проблемы становления и основные результаты. Улан-Удэ: БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2021. 204 с.
- Карначёв, Баяртогтох 2017 – Карначёв А.В., Баяртогтох Д. Развитие земледелия в Монголии в XX в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3. № 3. С. 196–206.
- Липкин 2017 – Липкин М.А. «Мировой кооператив народов»: Совет экономической взаимопомощи, который пытался построить Н.С. Хрущев // Новый исторический вестник. 2017. № 4. С. 121–144.
- Матвеева 1987 – Матвеева Г.С. Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции. М.: Наука, 1987. 248 с.
- Окнянский 1984 – Окнянский В.В. Научно-техническое сотрудничество МНР со странами-членами СЭВ (1962–1982). М.: Наука, 1984. 176 с.

References

- Pelzhee, M. and Luvsandorzh, P., ed. (1979), *BNMAU socialist edijn zasgijn integracid (onol praktikijn zarim asuudal)* [MPR in the socialist economic integration (some issues of theory and practice)], SHUA-ijn hevlel, Ulaanbaatar, Mongolia.
- Golykh, A.V. (1997), *Sovetsko-mongol'skoe sotrudnichestvo v osvoenii tselinnykh zemel' i razvitiu zemledeliya v MNR (1959–1985)* [Soviet-Mongolian cooperation in the development of virgin lands and agriculture in Mongolia (1959–1985)], Ph.D. Thesis (History), Ulan-Ude, Russia.
- Karnachev, A.V. and Bayartogtokh, D. (2017), “Development of farming in Mongolia in the 20th century”, *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*.

- Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, vol. 3, no. 3, pp. 196–206.
- Lipkin, M.A. (2017), “The ‘Global Cooperative of Peoples’: The Council for Mutual Economic Assistance that Nikita Khrushchev tried to build”, *The New Historical Bulletin*, no. 4, pp. 121–144.
- Matveeva, G.S. (1987), *Mongol'skaya Narodnaya Respublika v sisteme sotsialisticheskoi ekonomicheskoi integratsii* [Mongolian People's Republic in the socialist economic integration system], Nauka, Moscow, USSR.
- Oknyanskii, V.V. (1984), *Nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo MNR so stranami-chlenami SEV (1962–1982)* [Scientific-technological cooperation of the MPR with the CMEA countries], Nauka, Moscow, USSR.
- Zaitseva, L.A. and Bayartogtokh, D. (2021), *Sovetsko-mongol'skoe sotrudnichestvo v oblasti sel'skogo khozyaistva: problemy stanovleniya i osnovnye rezul'taty* [Soviet-Mongolian cooperation in the field of agriculture. Issues of formation and the main results], Filippov Buryat State Agricultural Academy, Ulan-Ude, Russia.

Информация об авторе

Нарма А. Каманджаев, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия; 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8; narmakam@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2012-0312

Information about the author

Narma A. Kamandzhaev, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Elista, Russia; 8, Ilishkin St., Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000; narmakam@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2012-0312

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

УДК 930.253:82-9

DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-59-79

Саратовцы на страницах «Моих воспоминаний» князя С.М. Волконского (заметки читателя-архивиста)

Маргарита Н. Шашкина

*Государственный архив Саратовской области,
г. Саратов, Россия, ritaplus@mail.ru*

Аннотация. Произведения эмигранта С.М. Волконского – внука декабриста, одного из выдающихся деятелей русской культуры, наследника культурных европейских традиций – за три прошедших десятилетия стали хорошо известны на родине. «Мои воспоминания», написанные Волконским в Советской России и опубликованные в эмиграции, по праву считаются вершиной русской мемуаристики. Богатейшая панорама жизни за полвека представлена и через многочисленные встречи князя с самыми разными людьми – как его круга, так и совершенно чуждыми ему. Автор статьи выделяет из повествования персонажей, которые были связаны с одним из крупных городов на Волге – Саратовом. Следы этих людей за столетие не потерялись в архивных и музейных документах, ставших, таким образом, свидетелями реального существования этих саратовцев. Вехи их судеб – как странников во времени и пространстве (любимый образ Волконского) – продолжают находить свое подтверждение в работах современных исследователей. Саратовский губернатор и талантливый музыкант-подвижник, консервативный преподаватель-переводчик и болшевик, глашатай нового мира – эти типажи возникают на страницах воспоминаний лишь раз, эпизодически. Но запоминаются благодаря памяти того, кто оставил их для нас.

Ключевые слова: князь С.М. Волконский, мемуары, Саратовская консерватория, С.К. Экснер, А.А. Косич, А.В. Бабин, Д.Н. Бассалыго

Статья поступила в редакцию 4 января 2024 г.;

Принята к публикации 4 марта 2024 г.

© Шашкина М.Н., 2024

Для цитирования: Шашкина М.Н. Саратовцы на страницах «Моих воспоминаний» князя С.М. Волконского (заметки читателя-архивиста) // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 59–79. DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-59-79

Saratov residents on the pages of “My memoirs” by prince S.M. Volkonsky (notes of a reader-archivist)

Margarita N. Shashkina

*Saratov Region State Archives, Saratov, Russia,
ritaplus@mail.ru*

Abstract. Over the past three decades, the works by Russian émigré Prince S.M. Volkonsky, the grandson of the Decembrist, one of the outstanding figures of Russian culture and an heir to European cultural traditions, has become well known in his homeland. The book “My Memoirs,” written by Volkonsky in Soviet Russia but published in emigration, is rightfully considered to be the pinnacle of Russian memoirs. A rich panorama of life over half a century is presented in his work, among other things, through the prince’s numerous encounters with a variety of people – both from his circle and those completely alien to him. The author of the article identifies from Volkonsky’s narrative the characters that were associated with one of the largest cities on the Volga River – Saratov. Traces of those people over the century have not been lost in archival and museum documents, bearing witness to the very existence of the particular Saratov residents. The milestones of their destinies – as the wanderers in time and space (and that was the way Volkonsky liked to portray them) – continue to be confirmed in the works of present-day researchers. The governor of Saratov, a talented musician-ascetic, a conservative teacher-translator and a Bolshevik, a “herald of the new world” – the images of those people appear on the pages of Volkonsky’s memoirs only once, occasionally. But they are remembered thanks to the memory of the one who passed them down for us.

Keywords: prince S.M. Volkonsky, memoirs, Saratov Conservatory, S.K. Exner, A.A. Kosich, A.V. Babin, D.N. Bassalygo

The article was submitted 4.01.2024;

Accepted for publication 4.03. 2024.

For citation: Shashkina, M.N. (2024), “Saratov residents on the pages of ‘My memoirs’ by prince S.M. Volkonsky (notes of a reader-archivist)”, *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 59–79, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-59-79

Введение

«Мои воспоминания»¹ князя Сергея Михайловича Волконского (1860, Фалль, Эстляндская губерния, Российская империя – 1937, Хот-Спрингс, штат Вирджиния, США), внука декабриста, своего тезки С.Г. Волконского, появились 100 лет назад, в 1923 г. в Мюнхене. А писались в первые годы после революции в советской России несколько лет, вплоть до конца 1921 г., до эмиграции автора. Марина Ивановна Цветаева, помогавшая Сергею Михайловичу переписывать его рукопись в голодной Москве, назвала ее книгой глубочайшей человечности, сразу попав под обаяние и этих строк, и личности человека «не обывательской жизни, а от рождения поставленного высоко – чем выше пьедестал, тем шире кругозор!»².

Мне думается, что эти записи умного, образованного человека следует в какой-то период жизни прочитать каждому нашему соотечественнику. Особенно тем, кто утратил душевное равновесие в реалиях сего дня, кто, наконец, умеет сопоставлять что-то важное, ориентируясь в прошлом. Каждый здесь найдет нечто свое, близкое, щемящее, родное. Но начать надо именно с отзыва Поэта. Удивительное по силе и точности цветаевское слово продолжает струной звенеть при неспешном знакомстве с главами воспоминаний, заставляя возвращаться к нему, как к пророчеству. И открывая, как ключ, страницы ушедшего.

Сергей Волконский был и оставался для меня долгое время лишь директором Императорских театров в 1899–1901 гг. Один из богатейших наследников общеевропейской культурной традиции? Да. Выдающийся деятель русской культуры? Конечно. Аристократ, превративший свое страстное увлечение театром в профессию. Его литературное наследие еще долгие годы оставалось для нас неизвестным. «Мои воспоминания» явились своего рода откровением.

В фонде дворянского депутатского собрания (ф. 19) Государственного архива Саратовской области (ГАСО) имеются документы, относящиеся к роду Волконских. Михаил Сергеевич Волконский (1832–1909), отец писателя-мемуариста, в 1885 г. был приписан в родословную книгу дворян Саратовской губернии вместе с женой Елизаветой Григорьевной и их шестью детьми.

К тому времени их первенец Сергей уже завершил свое образование на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Среди бумаг архивного дела есть и копия свидетельства о рождении младенца Сергия, появившегося на свет

¹ Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2 т. М.: Искусство, 1992. Т. 1. 497 с.; Т. 2. 558 с.

² Там же. Т. 1. С. 7.

4 мая 1860 г. в родовой усадьбе Фалль (ныне Кейла-Йоа, Эстония) недалеко от Ревеля (Таллина) и крещеного 17 мая в ревельской православной Преображенской церкви³. В этом же деле можно увидеть герб Волконских, которые ведут свою родословную от князя Михаила Черниговского, убитого в Золотой Орде в 1246 г.

Князя Сергея Михайловича после февраля 1917 г. воистину вела счастливая звезда. Он не был убит, не умер от тифа, в тюрьмах оказывался «лишь» кратковременно. Был востребован как творческая личность в Москве в первые годы советской власти. И смог уехать в эмиграцию в декабре 1921-го, покинув навсегда родину, где «разрушение продолжается, а озверение растет». И, наконец, он сумел сохранить свои воспоминания, увидел их опубликованными.

Уверена: такие книги, как «Мои воспоминания», открывают не только огромный пласт в истории России, они открывают всех нас, родня с событиями и людьми времени, навсегда прошедшего, которое на страницах мемуаров и в памяти человека не ушло, не стерлось, не уничтожилось. И предстало перед нами, как град Китеж.

Нельзя не обратить внимания на некоторые лица и эпизоды, с ними связанные. Эти персонажи так или иначе имеют отношение к Саратову. Их четверо. Все они объединены тем, что в разные годы жили в моем городе. Никто из этих людей не знал друг друга, но со всеми ними был знаком Сергей Михайлович Волконский. Мне захотелось рассказать о них вслед за автором мемуаров, узнав предварительно о том, что я сама не знала, о чем раньше не думала, к чему пришла только сегодня, читая и перечитывая строки «Моих воспоминаний». И получились небольшие рассказы, которые я как архивист постаралась подкрепить документальными свидетельствами.

Андрей Иванович Косич (1833–1917)

«Однажды я был в Саратове и обедал у губернатора генерала Косича⁴. В этот день хоронили известного революционера и писателя Чернышевского; он по возвращении из ссылки жил в Саратове. Похороны его могли подать повод к демонстрациям, но, к большому удовлетворению губернатора, прошли спокойно.

– Правда, – говорил он мне, – были некоторые поползновения, но незначительные.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 19: Саратовское губернское дворянство. Оп. 1. Д. 2028. Л. 22.

⁴ А.И. Косич на губернаторской должности в Саратове – с июля 1887 г. по декабрь 1891 г. Позже командовал Казанским военным округом, был членом Государственного совета (1905–1908).

- Например?
- Ну, например, венки, и на венке надпись: «Мыслителю»...

И растопыренные пальцы, и поднятые брови губернатора указывали больше на нелепость, нежели на опасность подобной надписи»⁵.

Скорее всего, вслед за саратовским губернатором князь С.М. Волконский не считал Н.Г. Чернышевского ни философом, ни мыслителем⁶. Из астраханской ссылки Чернышевский вернулся в июле 1889 г. и прожил в родном городе всего три месяца. Из приведенного фрагмента ясно, когда именно Волконский был в Саратове, поскольку Николай Гаврилович скончался 17 октября, а похороны на Воскресенском кладбище прошли 20 октября. По свидетельству Михаила Чернышевского, к гробу его отца было прислано около сорока венков.

Андрей Иванович Косич – профессиональный военный, участвовавший в Крымской войне в 1854–1855 гг., позже в Балканской кампании 1877–1878 гг. Этот губернатор запомнился саратовцам деятельным и активным «главой региона», как сказали бы сегодня, оставивший о себе добрую память. «Вообще Косич был наособицу. Это был симпатичный, жизнерадостный военный генерал, обращавший особенно серьезное внимание на санитарию, гигиену и разведение садов...»⁷. Бульварная улица Рахова (в прошлом Камышинская) приобрела свой вид именно благодаря Андрею Ивановичу, который поспособствовал сделать ее более широкой, обсаженной деревьями. Так ее и называли долгое время – бульваром Косича.

В других воспоминаниях современника А.И. Косича приводится характеристика саратовского губернатора, который с высоты своего поста деятельно поддерживал основные, самые важные требования земства. Эффективно проявил себя и в борьбе с голодом в 1891 г. «Это был расцвет его энергии, жажды гуманной деятельности, стремления к своему известному девизу: ...всякий может, всякий должен сделать все ему доступное для облегчения страдания народа». В 1892 г. А.И. Косичу, уже уехавшему из губернии, было присвоено звание почетного гражданина Саратова⁸.

⁵ Волконский С.М. Указ. соч. Т. 2. С. 185–186.

⁶ Этот эпизод относится к тому периоду, когда князь С.М. Волконский, окончив Петербургский университет (1884), в качестве члена училищного совета инспектировал сельские школы Борисоглебского уезда Тамбовской губернии и избирался уездным предводителем дворянства (1889–1890).

⁷ Славин И.Я. Минувшее – пережитое. Саратов: КнигоГрад, 2013. С. 16.

⁸ ГАСО. Ф. Р-3534: Золотарёв Василий Наумович (1883–1975), педагог, краевед. Оп. 1. Д. 15. Л. 414.

Любопытно, что и сегодня его портрет можно увидеть на одном из жилых домов областного центра, на пересечении улиц Мичурина и Чапаева. Впрочем, обладатель роскошных бакенбардов и генеральского мундира почти уже неразличим среди образов своих коллег, саратовских губернаторов, среди которых А.Д. Панчулидзе, М.Н. Галкин-Врасский и П.А. Столыпин. Мозаичные панно, появившиеся на здании в 2012 г., никогда не были подписаны, и сегодня, выцветшие и пыльные, представляют собой некую галерею сюрреалистических персонажей. Открывали эту галерею явно с благими, просветительскими целями, но спустя годы получили обратный эффект. Лишь единицы горожан понимают, чьи портреты висят на стене дома, почему-то в свое время выбранного для этого «вернисажа».

О Косиче, человеке и государственном деятеле, дожившем до Февральской революции (но, можно сказать, *не пережившем* ее: он скончался в середине марта 1917 г.), можно почитать в многочисленных источниках, воспользовавшись, в том числе, и страницами Интернета. Чрезвычайно интересны и познавательны его труды и воспоминания – в том числе о Саратове и Волге. А вот о том, что знают, пожалуй, лишь немногие, мне хотелось бы упомянуть в статье непременно.

Андрей Иванович был двоюродным дядей Софьи Васильевны Ковалевской (1850–1891), знаменитой русской женщины-математика, преподававшей в Стокгольмском университете. В недавней работе саратовских историков [Кочукова, Кочуков 2023] была проанализирована роль А.И. Косича в его попытках привлечь внимание российской общественности и властных структур к задаче возвращения С.В. Ковалевской на родину в качестве преподавателя, ученого. Ведь доступ на кафедры университетов в России был совершенно закрыт для женщин.

После внезапной смерти Софьи Васильевны от скоротечного плеврита (в январе 1891 г.) А.И. Косича сильно волновал вопрос о будущем ее 12-летней дочери Сони («Фуфы», как звали ее близкие), оставшейся круглой сиротой и находившейся в то время в Стокгольме. Письма людей, заинтересованных в устройстве судьбы девочки, сохранились в ГАСО, в фонде Саратовской ученой архивной комиссии, которой А.И. Косич покровительствовал и энтузиастов которой он поддерживал, будучи губернатором. А рядовым членом СУАК стал спустя уже много лет, в 1910 г., давно уехав из Саратова. Возможно, это была дань памяти времени, проведенному на Волге.

Станислав Каспарович Экснер (1859–1934)

«На заре моей музыкальной юности я встретился со Станиславом Каспаровичем Экснером. Милый человек и восхитительный пианист, ученик Рейнеке⁹. Он услаждал наши вечеринки; через него я узнал всего Шопена, всего Шумана, много Бетховена, много Баха. Он обладал огромным репертуаром, великолепной памятью; а прелесть его удара была так своеобразна, что мог бы узнать его всегда, как моя бабушка узнавала голос Рубинштейна. Он был настоящим романтиком; в этом отношении он прямой сын своего учителя; он поэтизировал все, к чему прикасался.

Никогда не забуду в его передаче Симфонические этюды Шумана и знаменитую а-мольную фугу Баха в листовской обработке, с октавами в басах. Как разнo можно играть то же произведение; не разумею степени совершенства, а разумею в той же степени совершенства разную краску. Ту же а-мольную фугу Баха я слышал в исполнении Брассена¹⁰; это была геометрическая постройка; у Экснера это было поэтическое дыхание; но и то, и другое прекрасно.

Экснер непосредственно был директором музыкальной школы в Саратове; при нем она переименовалась в консерваторию; здание воздвигалось при содействии моего брата Петра; его портрет висел в зале. Культурное влияние Экснера распространилось на Поволжье. Я два раза навещал его, жил у него; и он приезжал к нам в деревню¹¹.

Во время войны он отправился на Западный фронт, служил в санитарном отряде, которым заведовал мой брат. Зимой 1918 г. кто-то привез мне от него письмо из Саратова; он вернулся

⁹ Карл Рейнеке (1824–1910) – немецкий композитор, дирижер и пианист.

¹⁰ Луи Брассен (1836–1884) – бельгийский пианист и композитор.

¹¹ В этом селе Борисоглебского уезда Тамбовской губернии родители С.М. Волконского купили имение в 1862 г. В 1860–1970 гг. большая семья приезжала из Петербурга в Павловку каждое лето. Усадьба стала местом уединения княгини Е.Г. Волконской, самой известной русской католички, писавшей здесь книги по истории церкви. Автор воспоминаний С.М. Волконский очень любил Павловку. Много работал здесь – и как литератор, и как энтузиаст-садовник, лесовод. В Первую мировую войну фактически безотлучно жил здесь. В Павловке он узнал о Февральской революции. Отсюда поздней осенью 1917 г., уже после экспроприации имения, уехал сначала в Борисоглебск, потом в Тамбов и Москву. Своего родового гнезда он больше не увидел. В первом томе «Воспоминаний» писателя-мемуариста есть глава «Павловка».

к своему детищу и был скромным преподавателем в созданном им заведении»¹².

В этом фрагменте нам, саратовцам, все понятно. Хотя музыкальные классы названы школой, скорее всего, это все же училище. Штрихи к портрету Станислава Каспаровича Экснера, первого директора Саратовской консерватории, весьма любопытны. Нет ничего удивительного, что музыкант Экснер служил в санитарном отряде в годы Великой войны, как тогда называли Первую мировую. Люди своего времени, иной раз занимавшие высокие посты в самых различных учреждениях, не могли не откликнуться на общую беду и не быть причастными к делу, которое они расценивали как свой патриотический долг. «Теперь саратовцы занимаются снаряжением поездов с подарками в армию. Один такой поезд в составе 4 вагонов уже дошел до места... Теперь такой транспорт снаряжает Красный Крест, повезет подарки мировой судья И.Я. Славин, другой... агроном Б.Х. Медведев»¹³.

Почему же за многие десятилетия существования государственной консерватории так и не было выяснено, где находился Станислав Каспарович после отъезда в 1921 г. из Саратова и когда завершился его жизненный путь? Почему не обращались к музыкантам в социалистическую Польшу, а если обращались, то какой ответ получили? Поначалу, возможно, гипнотизировал, скорее всего, сам факт: зачем интересоваться эмигрантом? Но уж больно значимой была и остается фигура Экснера для музыкальной культуры города.

Лишь в 2016 г. мы смогли выяснить, где и когда умер первый директор музыкального училища в Саратове (1895) и первый директор консерватории (1912). Помог, конечно, Интернет. В одной из оцифрованных польских газет довоенного времени был напечатан некролог по случаю смерти Станислава Экснера, скончавшегося в Варшаве 28 ноября 1934 г. Панихида происходила 1 декабря в церкви святого Карла Борромео на Старом Повонзком кладбище. Здесь и нашел свой последний приют музыкант – творец консерватории в Саратове, как сказано в некрологе¹⁴. Подпись – друзья. Слава Богу, были друзья у С.К. Экснера в Варшаве, ведь своей семьей он не обзавелся, а его мать Полина Николаевна умерла в Саратове в 1906 г.

В приведенном фрагменте воспоминаний привлекает внимание имя Петра Михайловича Волконского (1861–1947), о котором его старший брат (погодок) Сергей говорит коротко, лишь констатируя

¹² Волконский С.М. Указ. соч. Т. 1. С. 135.

¹³ Токарский А.А. Дневник. 1914–1915. Саратов: Издательский центр «Наука», 2015. С. 118.

¹⁴ Варшавский курьер. 30 ноября 1934. № 300.

факт, ему хорошо известный: портрет моего брата висел в здании Саратовской консерватории. Полагаю, что надо еще раз отметить огромную заслугу Петра Волконского в сооружении самого приметного в Саратове здания, давно ставшего визитной карточкой города. В этом нам поможет старинное издание из фонда научно-справочной библиотеки ГАСО.

28 октября 1902 г. торжественно открывалось и освящалось новое здание Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО), т. е. музыкальное училище, а через десять лет – и первая в провинции Саратовская консерватория на углу улиц Никольской и Немецкой. Отныне здание было связано с этим знаковым местом. Дирекция саратовского ИРМО не располагала никакими средствами, чтобы начать постройку здания два года назад, летом 1900 г. На помощь пришел почетный член Общества Петр Михайлович Волконский, который выразил желание принять на свой счет расходы по составлению планов и чертежей проектируемого здания, по приобретению и доставке всего необходимого кирпича, по отделке деревянных перекрытий. Совершенно ясно, что это были немалые средства. «Вся постройка с устройством станции электрического освещения и центрального парового отопления обошлась в 180–190 тысяч рублей. Эта сумма покрыта частью пожертвованием П.М. Волконского и долгосрочным займом в Московском земельном банке...»¹⁵.

Оплатить поездку приглашенного в Саратов архитектора Александра-Эдуарда Юльевича Ягна (1848–1922) также взялся князь Петр, что вовсе не случайно. Профессиональный зодчий был хорошо знаком ему по родственным связям: его тетка Елена Сергеевна Волконская (1834–1916) была спутницей жизни архитектора, матерью его дочери Александры.

Таким образом, князь Петр Михайлович Волконский обеспечил реальную возможность начать постройку здания будущей Саратовской консерватории, закладка которой совершилась 24 июня 1900 г. Он же стал председателем особой строительной комиссии. В его отсутствие эти обязанности исполнял Иван Яковлевич Славин, член дирекции Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества.

Но ближайшие наблюдения за постройкой и все заботы о ней лежали главным образом на директоре музыкального училища С.К. Экснере, который много потрудился в этом деле. На открытии нового здания ИРМО (училища) в октябре 1902 г. П.М. Волконского

¹⁵ Торжество открытия и освящения нового здания Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества. 28 октября 1902 г. Саратов: паровая скоропеч. Губ. правл., 1903. С. 9–10.

не было. Известен текст его телеграммы, присланной в Саратов: «Неотложные дела задержали меня, лишили возможности быть на вашем торжестве и поздравить Вас, Станислав Каспарович, дирекцию и Общество с успехом, которому все обязаны Вашей энергии. Петр Волконский»¹⁶.

Все братья Волконские – их было пятеро – оставили свой след в истории нашего отечества. Петр Михайлович одно время был предводителем дворянского собрания Балашовского уезда, отсюда его интерес к делам губернии в целом. Сам неплохой музыкант, он принимал участие в концертах саратовских музыкальных классов [Демченко 2015, с. 20]. Во время Первой мировой войны П.М. Волконский находился на фронте, состоял уполномоченным Российского общества Красного Креста, вывозил раненых во время боев. После Октябрьской революции эмигрировал, умер в Париже в 1947 г.

Алексей Васильевич Бабин (1866–1930)

В мемуарах С.М. Волконского мы встречаем имя еще одного человека – правда, не так долго и основательно связанного с саратовской землей, как музыкант С.К. Экснер. Но, безусловно, Алексей Бабин, о ком речь ниже, поистине «посетил сей мир в его минуты роковые», в один из самых драматичных периодов истории Саратова, да и России в целом.

Сначала приведем цитату из «Моих воспоминаний» С.М. Волконского, до революции дважды совершившего поездки по Северо-Американским штатам (в 1893 и 1896 гг.)¹⁷. Одной из целей его тогдашних путешествий через океан было чтение лекций по русской истории и русской литературе. «Однажды после лекции в Корнелльском университете подошел ко мне молодой человек и представился – русский, Алексей Васильевич Бабин; сын елатомского мещанина, попал в Америку, занимается историей. Во второй мой приезд он уже был библиотекарем университета в штате Индиана. После этого был уже одним из библиотекарей библиотеки при здании Конгресса. В малое время достиг высокого

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ С 1926 г. князь С.М. Волконский жил в Париже, продолжая свою театральную, преподавательскую и лекторскую работу. Его третья поездка в США состоялась в октябре 1937 г., когда он со своей супругой Мэри Фэрн Фрэнч сразу после свадьбы поехал навестить ее дочь от первого брака. В курортном городке Хот-Спрингс Волконский заболел и умер 25 октября. Похоронен в Ричмонде, столице штата Виргиния.

положения и большого уважения. Но, в конце концов, ему стало скучно, захотелось отдать свои силы и знания на служение родине. Уже во время войны приехал он в Петербург; привез и издал первую на русском языке историю Соединенных Штатов в двух томах и стал искать должности... Я направил его к министру народного просвещения графу <П.Н.> Игнатьеву. После этого получил от него <Бабина> два письма: одно из Олонецкой губернии – он был инспектором народных училищ в Вологде; другое из Саратова – он был профессором истории в недавно открывшемся Саратовском университете»¹⁸.

Кем же был этот человек и когда попал в Саратов? Профессором Алексей Бабин точно не был, но после работы в Вологде осенью 1917 г. действительно был переведен в Саратов, где стал преподавать. «24 октября 1917 г. Вчера вечером на заседании совета университета я был избран преподавателем английского языка. За мое избрание было подано 25 голосов, против – 5», – отмечал А.В. Бабин в своем дневнике¹⁹. Из дальнейших записей следует, что знаток английского языка преподавал также и в других образовательных учреждениях города.

А.В. Бабин – один из крупных дореволюционных американистов – был предан забвению в советской историографии, поскольку причислялся к идейным противникам Октябрьской революции и власти большевиков. А.В. Бабин – автор двухтомного труда «История Северо-Американских Соединенных Штатов», вышедшего в дореволюционной России в 1912 г. В этом фундаментальном научном исследовании русский эмигрант сумел проследить все этапы истории США от момента знакомства англичан с Америкой и вплоть до начала XX в.

Родился он в Елатъме в 1866 г. Тогда «сонный городок» входил в состав Тамбовской губернии, но давно уже это Рязанщина. Жизнь этого уроженца Елатъмы будет, пожалуй, покруче любого приключенческого романа. Родину молодой Бабин покинул в 1889 г. Причем отнюдь не судьба русского революционера сделала его изгоем, эмигрантом. Он отличался крайней консервативностью. Но судьба всегда непредсказуема. В результате безумной затеи молодой Бабин стал невольным убийцей своего товарища. Случилось это в родной Елатъме. Пришлось, в конце концов, спасаться бегством, бросив учебу в Санкт-Петербурге, где он изучал историю и филологию. Через Рязань и Москву бывший студент добрался до Риги, где ему удалось наняться кочегаром на один из пароходов, который

¹⁸ Волконский С.М. Указ. соч. Т. 1. С. 306–307.

¹⁹ Бабин А.В. Дневник русской Гражданской войны: 1917–1922 // Волга. 1990. № 5. С. 114.

следовал в Нью-Йорк. Став Алексисом, он надолго оказался вдали от России. И преуспел в Америке.

За океаном Бабину, владевшему английским, французским и немецким языками (вот как учили языкам провинциальных гимназистов!), посчастливилось стать библиотекарем крупнейшего учебного заведения США. Он приехал в город Итаку, что в штате Нью-Йорк, мечтая получить образование в знаменитом Корнелльском университете, поскольку имел сведения, что будто бы там платой за обучение могла стать любая работа внутри университета. В дальнейшем знание языков и навык в библиотечном деле позволили ему сделать в США отличную карьеру.

В 1904 г. А. Бабин – заведующий русским отделом Библиотеки Конгресса США. В Госархиве Саратовской области в фонде Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) сохранилось два письма Алексея Васильевича. От имени директора Вашингтонской национальной библиотеки Герберта Пэтнама он обращается с покорнейшей просьбой: на каком удобном для вас языке представить точные и полные сведения о СУАК для дальнейшей публикации их в «Справочной книге об ученых обществах», которую готовит библиотека²⁰. Прилагается перечень вопросов, на которые члены СУАК должны ответить. На одном из писем – автограф А.В. Бабина. Он еще не знает, что ему через какое-то время доведется лично познакомиться с Саратовом и саратовцами.

Казалось бы, жизнь этого одинокого, целеустремленного и работоспособного человека складывается на чужбине как нельзя лучше. Однако самое потрясающее в его судьбе было еще впереди. И потрясения были связаны опять же с его исторической родиной, но уже с советской Россией.

Интерес к судьбе Бабина возник много десятилетий спустя после его кончины в 1930 г. Уже в начале XXI в. личность русского американца оказалась в поле внимания историка из Петербурга Е.Г. Пивоварова, много и подробно занимавшегося славянскими материалами Библиотеки Конгресса США. Исследователь рассмотрел служение А.В. Бабина с точки зрения его педагогической работы и просветительской деятельности [Пивоваров 2002а; Пивоваров 2002б].

В ГАСО, в коллекции документов деятелей науки, имеется фонд Р-3742 американского историка, ученого и общественного деятеля, профессора Дональда Дж. Рейли²¹. Он много раз (в том числе в 1990

²⁰ ГАСО. Ф. 407: Саратовская ученая архивная комиссия, 1886–1920. Оп. 2. Д. 126. Л. 1, 54–55.

²¹ Дональд Джозеф Рейли. 1949 г. р. Профессор истории Университета Северной Каролины в Чапел Хилле, США. Докторскую диссертацию

и 1992 гг.) бывал в Саратове, тогда уже открытом городе, и выпустил здесь солидные исторические исследования по истории Саратова и губернии в период революции 1917 г. и Гражданской войны²². Его книги читаются (и будут читаться, надо полагать) с неослабевающим интересом.

В одной из них – «Саратов от августа 1914 до августа 1991» – есть глава «Алексей Васильевич Бабин и его дневник». Глава проясняет вехи судьбы автора уникального документального источника, позволяющего вникнуть в повседневную жизнь одного из провинциальных городов России в период с 1917 по 1922 г. Дневник хранится в Библиотеке Конгресса США.

Но и в Саратове можно прочесть воспоминания очевидца «нового смутного времени»: написанный на английском языке, текст также находится в фонде личного происхождения Д.Дж. Рейли²³. Это копии рукописи, изданной в США в 1988 г. под названием «Дневник гражданской войны в России. Алексис Бабин в Саратове»²⁴. Полного перевода дневника на русский язык пока не имеется. Но фрагменты этого документального свидетельства были наиболее подробно приведены в двухтомнике, который саратовские авторы подготовили в преддверии 100-летия Октябрьской революции²⁵. В фонде хранятся вырезки из газеты «Саратов» за 1993 г.²⁶, публиковавшей перевод некоторых страниц дневника за 1921–1922 гг.

Тремя годами ранее, в 1990 г., в саратовском литературно-художественном журнале «Волга» уже начиналась публикация дневниковых записей А. Бабина, вернее, их небольшой части за 1917–1922 гг.²⁷ Эти строки – свидетельства человека, жившего в российской глубинке в первые пять лет после свершившегося переворота. Здесь все: приметы обычной на то время жизни и быта

о революции на Волге защитил в 1978 г. Главный редактор американского научного журнала «Советские (русские) исследования по истории». Автор многочисленных публикаций и книг.

²² Рейли Д.Дж. «Заложник пролетариата»: Отрывки из воспоминаний А.А. Минха. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 71 с. См. также: [Рейли 1994a; Рейли 1994b, Рейли 1995; Raleigh 2002].

²³ ГАСО. Ф. Р-3742: Рейли Дональд Джозеф. Оп. 1. Д. 12, 13.

²⁴ A Russian Civil War diary. Alexis Babin in Saratov. 1917–1922 / Ed. by D. Raleigh. Durham, L., 1988.

²⁵ Пролетарская революция, какой мы ее не знаем: В 2 кн. / сост. А.В. Кумаков, А. А. Симонов; пер. Е. Соколовой. Саратов: Волга, 2016. 1312 с.

²⁶ Саратов. 1993. № 19. С. 3; № 20. С. 3; № 21; С. 3; № 22; С. 3; № 23. С. 3.

²⁷ Бабин А.В. Указ. соч. С. 112–127.

губернского города, сведения о том, что составляло тогда стержень бытия населения в борьбе за выживание, описание происходящих событий, слухи и их обсуждение в среде людей различных социальных групп, стереотипы поведения людей, оказавшихся в новой политической реальности, выбитых из колеи и привыкающих к ней. Короче говоря – реальная жизнь сквозь призму субъективных воззрений.

К дневнику А.В. Бабина обращались и позже – например в статьях, освещающих роль зарубежных иностранных благотворительных организаций в период голода в Поволжье 1921–1922 гг. В одной из работ были проанализированы записи, которые Алексей Васильевич как переводчик делал в Саратове, находясь на службе в АРА – американской благотворительной организации American Relief Administration. Фамилия А.В. Бабина действительно фигурирует в списке саратовских сотрудников АРА [Бондаренко 2014, с. 120–124].

Страницы дневника этого периода относятся к ужасам великого, лютого голода, тоже ставшего в наших краях повседневной реальностью... Строки, которые порой просто невозможно читать – настолько они натуральны в своей жестокости и дикости, – дают возможность представить круг ценностей самого автора дневника. Он, по словам Д. Дж. Рейли, «пытается объяснить свою родную, ставшую чужой страну, своему новому, столь отличному от прежнего, отечеству – Америке. Богатая опытом, достижениями и приключениями жизнь Бабина оказалась переплетена с наиболее разрушительными событиями двадцатого века» [Рейли 1994а, с. 227].

После завершения работы АРА в советской России последовало новое бегство Алексея Бабина в США. Теперь уже навсегда. Впрочем, все было уже вполне легально, хотя не обошлось без тревог и серьезных опасений – настолько он опасался разоблачения и обвинения в предательстве. Но Бабин был штатным сотрудником американской организации. На нью-йоркский берег он вступил 16 ноября 1922 г. Ему предстоит, без устали работая в крупнейших библиотеках США, прожить еще почти восемь лет – до 10 мая 1930 г., когда его жизнь оборвется в результате онкологического заболевания. Свои денежные средства Алексей Васильевич оставил Библиотеке Конгресса США, секции славистики. Там же, в Библиотеке, в отделе рукописей, хранятся и его воспоминания – о Саратове первых лет после революции.

Из забвения дневник русского американца извлек, подготовил к печати и опубликовал именно профессор Дональд Дж. Рейли, благодаря которому мы и узнали об Алексее Бабине, ставшем на какое-то время (да еще какое!) саратовцем. Как справедливо заметил видный саратовский историк, «новые исторические источники

мемуарного характера, о существовании которых российские ученые могли только мечтать, позволяют внести в рассматриваемый вопрос немало свежих и любопытных сюжетов» [Соломонов 1999, с. 208].

Князь С.М. Волконский, вспомнив Алексея Бабина, пишет о нем на страницах своих мемуарных записей, которые, кстати, как и сам Бабин, делал в России (правда, на русском языке) в первые годы после установления советской власти и ее «триумфального шествия»: «Больше я не слышал об этом милом человеке. Нашел ли он возможность применить прекрасные данные своей чистой русской природы и крепкий дух, которым зажегся в Америке, нашел ли возможным применить их на пользу родине, выказавшей так мало потребности воспользоваться тем и другим?»²⁸.

Эти люди никогда больше не встретились, хотя судьбе было угодно, чтобы оба скончались в США. Сергей Михайлович – на семь лет позже «милого человека» Алексея Бабина – в мае 1937 г.

Бассалыго Дмитрий Николаевич (1884–1969)

И, наконец, воскресим в памяти имя еще одного человека, о котором рассказано в «Моих воспоминаниях». Для Сергея Михайловича, конечно, «некий Басалыга» никак не был связан с Саратовом. А между тем для нашего города это знаковая фигура. По крайней мере, таковой должна была стать. Но не стала, как мне кажется. Имею в виду широко и гласно.

Итак, вот как запомнилась С.М. Волконскому одна из встреч с представителем нового мира и революционной идеологии. Это был советский деятель, оставшийся для бывшего князя навсегда «неким».

«Я был приглашен читать в красноармейском клубе в Кремле, в клуб имени Свердлова. В Николаевском дворце²⁹, в бывших покоях великой княгини Елизаветы Федоровны³⁰, за чудными

²⁸ Волконский С.М. Указ. соч. Т. 1. С. 307.

²⁹ Николаевский дворец – Малый Николаевский дворец в Кремле находился на углу Ивановской площади. Официальная резиденция русских императоров и членов их семей во время пребывания в Москве. Наряду с Чудовым и Вознесенским монастырями был разобран в 1929 г.

³⁰ Великая княгиня Елизавета Федоровна (1864–1918), принцесса Гессен-Дармштадская, старшая сестра императрицы Александры Федоровны, супруга Великого князя Сергея Александровича Романова. Была убита 18 июля 1918 г. вблизи г. Алапаевска Пермской губернии. Прославлена в лике святых Русской православной церкви в 1992 г.

зеркальными окнами, из которых открывался вид на Замоскворечье, слонялись по паркетным полам, в шелковых креслах полулежали в папахах и шинелях красноармейские студийцы. Работа была неблагодарная. Слушателей моих гоняли на работу, на дежурства, в караулы, а то и вовсе угоняли на фронт. Состав слушателей всегда был другой, никакого курса вести нельзя было, ни одного даже стихотворения разучить. Это было вечное переназначение. Наконец сами руководители признали невозможность положения и пригласили преподавателей на совещание для выработки программы и упорядочения занятий. Такие маленькие “генуэзские конференции” по всем ведомствам не прекращались (по крайней мере, в той области, с которой я приходил в соприкосновение), но результаты бывали не плодотворнее большой.

На это совещание пришел помощник Мейерхольда³¹, как тогда говорили, его правая рука. Это был *некий Басалыга*, когда-то помощник режиссера в Малом театре. Вот обмен мнений во время заседания, который мне запомнился. Один из преподавателей говорит, что надо завести класс выправления речи: нельзя же терпеть на сцене смешение говоров, – люди со всех концов России. Басалыга возражает:

– Выправлять речь? Для чего? Что ж такое, что всевозможные акценты? В России много народностей, все народности должны быть представлены в искусстве. Акцент? Луначарский говорит с акцентом, это не мешает ему быть прекрасным оратором.

Заходит речь о репетициях.

– Репетиции? Зачем репетиции? Совсем не нужно, это препятствует свободному развитию коллективной личности, это тормозит свободное творчество.

– Да как же пьесы ставить без репетиций?

– Пьесы? Для чего пьесы?

– Так что же ставить?

– Да не ставить. А придут, посидят, расскажут друг другу свои переживания в октябрьские дни, пропоют три раза “Интернационал” и разойдутся. И у всех будет легко и тепло на душе.

Позволительно спросить этих “людей театра”, что же остается от *театра*? И не верно разве, что самый принцип, которым они хотят заставить *жить* свой “коммунистический театр”, есть принцип *смерти*?»³².

³¹ Мейерхольд В.Э. (1874–1940) – русский и советский режиссер, актер и педагог. До революции ставил спектакли в императорских театрах. Заведовал Театральным отделом (ТЕО) Наркомпроса. Народный артист Республики (1923). Был арестован в июне 1939 г. 2 февраля 1940 г. расстрелян.

³² Волконский С.М. Указ. соч. Т. 2. С. 309–310.

Здесь необходимо пояснение. С.М. Волконский, лишенный революцией титула (каковым он, к слову, никогда не гордился: князем был по рождению), добрался до Москвы летом 1918 г. Все, что связывало его с прежней жизнью, осталось позади – брошенным, разграбленным, уничтоженным. К.С. Станиславский помог устроиться ему, бывшему директору императорских театров, преподавателем сценической речи и пластики в студии Художественного театра. Нужно было как-то зарабатывать на хлеб насущный, иметь скудный, но паек! И Сергей Михайлович удивительным образом вписался в театральную действительность первых лет революции. Стал преподавать в рабочих театральных кружках, в пролеткульте, в Вахтанговской студии, где познакомился с Мариной Цветаевой. Марина Ивановна напишет позже о С.М. Волконском как об учителе жизни, выскажется о нем и его мемуарах, как никто после нее – по-своему, ярко, образно.

Революция многолика. Одно из ее лиц – большевик Дмитрий Николаевич Бассалыго. Фамилия выходца из Минской губернии пишется иной раз и по-белорусски: Басалыга, как и обозначил ее Волконский.

Для нас важен прежде всего непреложный факт: Дмитрий Бассалыго стоял у истоков саратовского театра для детей в 1918 г. Он дожил не только до полувекового юбилея советского государства, но и до 50-летия театра юного зрителя, ставшего родным для нескольких поколений саратовцев! А вот сам создатель ТЮЗа остался как бы за кулисами. То есть имя его особенно не было на слуху, если судить обывательски. Высказываю свою личную точку зрения.

Это теперь в архивных материалах я читаю упоминания о первых шагах отдела искусств при Саратовском губисполкоме, вижу имя его руководителя³³. Восполнили также пробел в моих знаниях некоторые статьи, опубликованные в местных изданиях³⁴.

Как бы то ни было, до последнего времени имя Дмитрия Бассалыго никак не связывалось *для меня лично* с любимым мною когда-то саратовским театром. Возможно, потому, что десятилетиями гремело другое имя – главного режиссера ТЮЗа Ю.П. Киселева (1914–1996), возглавлявшего первый в стране детский театр несколько десятилетий. Но Юрий Петрович появился в Саратове на четверть века позже, чем Д. Бассалыго, который, строго говоря, и открыл первую страницу будущего ТЮЗа. Именно он и был ини-

³³ ГАСО. Р-329: Саратовский губернский отдел народного образования. Оп. 1. Д. 2. Л. 12 об. – 13 об.

³⁴ Савельева Е.К. Я верю! // Заря молодежи. 14 марта. 1987; Морван Д. Отец ТЮЗа и Дома кино // Общественное мнение. 2013. № 12 (171).

циатором воплощения в жизнь этой идеи в 1918 г. Как, впрочем, и национализации саратовских театров тогда же.

Конечно, о «театре юности» писали много и многие, прославленный коллектив и его феерические спектакли были в поле внимания и благодарных зрителей, и профессиональных авторов. Откроем, например, книгу, изданную в 1958 г. областным управлением культуры, когда отмечалось 40-летие саратовского ТЮЗа. «Это было 4 октября 1918 года. В помещении буржуазного кафе-шантана (ныне там филармония) открывался для детей саратовского пролетариата бесплатный советский драматический театр имени В.И. Ленина. На ветру билась афиша: “Синяя птица“ Мориса Метерлинка. Пьеса в 7 картинах. Начало спектакля в 5 часов. Очередь все прибывала. Наконец, двери театра распахнулись: входите, юные хозяева! На сцену поднялся человек в военной гимнастерке – начальник Саратовского отдела искусств при губисполкоме Дмитрий Николаевич Бассалыго. Он поздравляет ребят с открытием их театра и предлагает послать В.И. Ленину, чье имя носит театр, приветственную телеграмму. Это предложение маленькие зрители встречают шквалом аплодисментов» [Давыдова 1958, с. 3].

Так же, как и Алексей Бабин, Дмитрий Бассалыго приезжает в Саратов в 1917 г. Но если преподаватель английского языка Бабин – сугубый консерватор, крайне негативно относившийся ко всякой революционной деятельности, то мобилизованный товарищ Бассалыго – уже закаленный революционер. Член РСДРП, он руководил боевыми дружинами в Харькове в 1905 г., был вместе с Лениным и его единомышленниками на Пятом Лондонском съезде в 1907-м, посидел в тюрьме. Дальнейшая судьба Дмитрия Николаевича необычна и прихотлива: до Первой мировой войны бывший узник царских тюрем не только успел поработать в Москве на кинофабрике (помощником режиссера в акционерном обществе «А. Ханжонков и К^о»), но и учился в студии МХАТ, играл на сцене Малого театра. Однако в революционных событиях 1917 г. и в период Гражданской войны роли его уже не сценические, а вполне реальные, в духе времени. Хотя, отметим, и актерское дело он не забывал.

Оказавшись в Саратове в составе 92-го пехотного запасного полка, Д. Бассалыго создает для солдат и силами солдат труппу драматического театра. В дальнейшем вместе с боевыми товарищами проводит национализацию местных театров и кинотеатров. Яркий этап его деятельности – работа в Саратовском губисполкоме: Д. Бассалыго сначала председатель военной секции, а с марта 1918 г. – руководитель отдела искусств и заведующий драматической секцией. Именно по его инициативе и был открыт 4 октября этого года бесплатный детский театр, будущий ТЮЗ, который осенью 2023 г. отметил свое 105-летие.

Вспоминали ли имя организатора и вдохновителя театра в дни юбилейных торжеств? Нет. О советском «деятеле театра и кино» не знают и в Театральном институте при Саратовской консерватории. Какими документами о Д.Н. Бассалыго располагает театральный музей, созданный при ТЮЗе в 2014 г.? Немногими. Но крохотная фотография – в экспозиции. А ведь оригиналы снимков разных лет, подаренные когда-то самим Дмитрием Николаевичем, хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения. Это портретные фото – с подписями, сделанными его рукой.

В музее есть увесистый том воспоминаний старого большевика, жившего до своей кончины в Москве. Называется эта рукопись, вернее, ее машинописный вариант: «У истоков советского театра. Саратовские театральные сезоны. 1917–1918. Часть первая»³⁵. Написанные в 1950-х гг. по настоятельной просьбе тогдашнего директора музея Марии Ивановны Малышевой, воспоминания сына своего века изобилуют такими подробностями и деталями, которые я никогда и нигде не встречала. Некоторые исправления в тексте свидетельствуют: перед тем, как подарить свой многолетний труд саратовским музейщикам, автор вычеркивал то, что ему, партийному человеку с огромным опытом, казалось уже не совсем уместным. Это не соответствовало духу нового времени. Так, «партия Ленина-Сталина» в правке автора лишилась второго имени, оставшись лишь ленинской.

Скорее всего, Дмитрий Николаевич думал о том, чтобы со временем написать и вторую часть воспоминаний, которые касались бы другого этапа его жизни. А может быть, и написал их – и его потомки сохранили записи? Вопрос несправедливый. Где они – эти записи и потомки, и есть ли они вообще?

Саратов Д.Н. Бассалыго покинул летом 1919 г. Сначала был фронт и работа в политуправлении Северо-Кавказского военного округа. Потом Москва, Наркомпрос РСФСР, где он продолжил заниматься театральным делом. Тогда его путь кратковременно пересекается вдруг с жизненной дорогой С.М. Волконского, бывшего директора императорских театров царской России. Все театры уже национализированы, а сам «бывший», с подозрительной «буржуйской» фамилией, каким-то образом уцелел. Не знаю, вспоминал ли встречу со «светлейшим князем», преподавателем московских курсов «некто Басалыга», а вот его, сподвижника Мейерхольда, Сергей Волконский не мог забыть и в эмиграции, вероятно. Любопытно, что оба в разные годы написали мемуары, которые мы сегодня читаем, удивляясь и даже как бы не совсем веря написанному.

³⁵ Саратовский областной краеведческий музей. НВСП (научно-вспомогательный фонд) 21961.

Если в памяти сохраняется не все, то музей, чаще всего, хранит свои сокровища полно и даже истово. Сохранился и адрес, по которому до 1969 г. жил Д.Н. Бассальго: Москва, улица Грановского, дом 3, кв. 106. И номер телефона, представьте, тоже есть. Только как позвонить в прошлое? И надо ли?..

Литература

- Бондаренко 2014 - *Бондаренко Т.Ю.* Деятельность иностранных организаций помощи голодающим в Саратовской губернии в 1920-х годах глазами русского эмигранта: Из воспоминаний А.В. Бабина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 2. С. 120–124.
- Давыдова 1958 – *Давыдова Н.А.* Театр юности: Из истории Саратовского театра юного зрителя им. Ленинского комсомола. Саратов: Кн. изд-во, 1958. 60 с.
- Демченко 2015 – *Демченко А.И., Демченко Г.Ю.* «Золотой фонд» столицы Поволжья: Очерки музыкальной культуры Саратова. Саратов: Саратовтеатрфильм-Добродя, 2015. 238 с.
- Кочукова, Кочуков 2023 – *Кочукова О.В., Кочуков С.А.* Письма друзей и родственников С.В. Ковалевской саратовскому губернатору А.И. Косичу (1891) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 24–46.
- Пивоваров 2002а – *Пивоваров Е.Г.* Научно-педагогическая и просветительская деятельность А.В. Бабина (1866–1930): Автореф. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 25 с.
- Пивоваров 2002б – *Пивоваров Е.Г.* А.В. Бабин: 1866–1930 гг. СПб.: Петрополис, 2002. 192 с.
- Рейли 1994а – *Рейли Д.Дж.* Саратов от августа 1914 до августа 1991: Россия глазами американца: [Ст., очерки, эссе]: пер. с англ. Саратов, 1994. 239 с.
- Рейли 1994б – *Рейли Д.Дж.* Саратов и губерния в 1917 г.: события, партии, люди. Саратов: Гос. учеб.- науч. центр «Колледж», 1994. 120. с.
- Рейли 1995 – *Рейли Д.Дж.* Политические судьбы Российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов: Слово, 1995. 395 с.
- Соломонов 1999 – *Соломонов В.А.* К истории возникновения научной библиотеки СГУ // История и историография: Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999. С. 207–212.
- Raleigh 2002 – *Raleigh D.D.* Experiencing Russia's Civil War: politics, society, and revolutionary culture in Saratov. 1917–1922. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2002. 438 p.

References

- Bondarenko, T.Yu (2014), "Activities of foreign famine relief organizations for the hungry in the Saratov province in the 1920s through the eyes of a Russian émigré. From the memoirs of A.V. Babin", *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 120–124.

- Davydova, N.A. (1958), *Teatr yunosti: Iz istorii Saratovskogo teatra yunogo zritelya im. Leninskogo komsomola* [Theater of youth. From the history of the Saratov Lenin Komsomol Theater for Young Spectators], Knizhnoe izdatel'stvo, Saratov, USSR.
- Demchenko, A.I. and Demchenko G.Yu. (2015), «*Zolotoi fond*» stolitsy Povolzh'ya: *Ocherki muzykal'noi kul'tury Saratova* ["Golden Fund" of the capital of the Volga region. Essays on the musical culture of Saratov], Saratovtelefilm-Dobrodeya, Saratov, Russia.
- Kochukova, O.V. and Kochukov, S.A. (2023), "Letters from the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya to Saratov governor A.I. Kosich (1891)", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 24–46.
- Pivovarov, E.G. (2002), *Nauchno-pedagogicheskaya i prosvetitel'skaya deyatelnost' A.V. Babina (1866–1930)* [Scientific, pedagogical and educational activities of A.V. Babin (1866–1930)], Abstract of Ph.D. dissertation, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
- Pivovarov, E.G. (2002), *A.V. Babin: 1866–1930 gg.* [A.V. Babin. 1866–1930], Petropolis, Saint Petersburg, Russia.
- Raleigh, D.J. (1994), *Saratov ot avgusta 1914 do avgusta 1991: Rossiya glazami amerikantsa: [Stat'i, ocherki, esse]* [Saratov from August 1914 to August 1991: Russia through the eyes of an American <Articles, studies, essays>], Saratov, Russia.
- Raleigh, D.J. (1994), *Saratov i guberniya v 1917 g.: sobytiya, partii, lyudi* [Saratov and the province in 1917. Events, parties, people], Gosudarstvennyi uchebno-nauchnyi tsentr «Kolledzh», Saratov, Russia.
- Raleigh, D.J. (1995), *Politicheskie sud'by Rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove* [Political destinies of the Russian province: 1917 in Saratov], Slovo, Saratov, Russia.
- Raleigh, D. (2002), *Experiencing Russia's Civil War: politics, society, and revolutionary culture in Saratov. 1917–1922*, Princeton University Press, Princeton, Oxford, USA.
- Solomonov, V.A. (1999), "On the history of the emergence of the SSU scientific library" in *Istoriya i istoriografiya: Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya L.A. Derbova* [History and historiography: Proceeding of the scientific conference commemorating the 90th anniversary of L.A. Derbov], Saratov, Russia, pp. 207–212.

Информация об авторе

Маргарита Н. Шапкина, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Кутякова, д. 15; ritaplus@mail.ru

ORCID ID: 009-0008-2075-3348

Information about the author

Margarita N. Shashkina, Saratov Region State Archives, Saratov, Russia; 15, Kutyakova St., Saratov, Russia, 410012; ritaplus@mail.ru

ORCID ID: 009-0008-2075-3348

Персональная история

УДК 930.253:327(470+495)

DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-80-93

Капитан Иван Борисов на острове Самос в августе 1771 г.: к истории русско-греческих отношений в период первой Архипелагской экспедиции

Дмитрий В. Гусев

*Российский государственный архив Военно-Морского Флота,
Санкт-Петербург, Россия, rascol@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматривается небольшой период пребывания командира корабля «Святой Иануарий» капитана Ивана Борисова на греческом острове Самос в 1771 г., во время Русско-турецкой войны 1769–1774 гг. Несмотря на достаточно краткое, всего около месяца, нахождение на острове, благодаря сохранившемуся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота рапорту командира мы имеем возможность проанализировать социальные отношения местных деревень между собой, а также к русским военно-морским силам. Приводимый документ показывает, что греческое население, при явном сочувствии к России, не было однородного мнения о том, принимать ли покровительство Российской империи и вступать ли в открытую конфронтацию со Стамбулом, в чьей власти они находились. Часть острова, включая духовенство, имела консервативную позицию и не хотела нарушать установившиеся с Османской империей более или менее стабильные отношения. Другая часть была резко против такой позиции и настойчиво просила Борисова как представителя российской власти принять их в подданство, несмотря на опасность карательных мер Турции в дальнейшем. Данный микросюжет можно частично применить и к греческому народу в целом, благодаря чему становится лучше видна природа таких противоречивых вещей, как, с одной стороны, готовность греков к борьбе и участию в войне на стороне русских, с другой – несостоявшееся восстание в Пелопоннесе и непонимание российской правящей элитой причин этой неудачи.

Ключевые слова: первая Архипелагская экспедиция, Русско-турецкая война, история Военно-морского флота, И.А. Борисов, Османская империя, Екатерина II, А.Г. Орлов, Г.А. Спиридов

© Гусев Д.В., 2024

Статья поступила в редакцию 3 января 2024 г.;

принята к публикации 4 марта 2024 г.

Для цитирования: Гусев Д.В. Капитан Иван Борисов на острове Самос в августе 1771 г.: к истории русско-греческих отношений в период первой Архипелагской экспедиции // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 80–93. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-80-93

Captain Ivan Borisov
on the island of Samos in August 1771.
On the history of the Russian-Greek relations
during the first Archipelago expedition

Dmitrii V. Gusev

Russian State Naval Archives, Saint Petersburg, Russia, rascol@bk.ru

Abstract. The article considers the short staying of stay of the commander of the “Saint Ianuarius” ship, captain Ivan Borisov, on the Greek island of Samos in 1771. during the Russian-Turkish War of 1769–1774. The Russian naval forces were on the island for only about a month. But, thanks to the report of the ship commander preserved in the Russian State Naval Archives, we have the opportunity to analyze the social relations of the local villages among each other, as well as evaluate their attitude towards the Russian naval forces. The cited document shows that with apparent sympathy for Russia, there was no uniform opinion as regards whether to accept the patronage of the Russian Empire and whether to enter into open confrontation with Istanbul, in whose power they were. One part of the island’s population, including the clergy, had a conservative position and did not want to disrupt the more or less stable relations established with the Ottoman Empire. The other part was strongly opposed to such a position and persistently asked Borisov, as a representative of the Russian government, to take them as [Russian] subjects despite the threat of the punitive measures from Turkey in the future. That micro-narrative could be partially applied to the Greek people on the whole. Within that picture, the nature of such contradictory things becomes more clearly visible: on the one hand, it was the readiness of the Greeks to participate in the war on the Russian side, on the other – the failed uprising in the Peloponnese and the Russian ruling elite’s lack of understanding of the reasons of that failure.

Keywords: first Archipelago expedition, Russian-Turkish war, history of the navy, I.A. Borisov, Ottoman Empire, Catherine II, A.G. Orlov, G.A. Spiridov

The article was submitted 3.01. 2024;

accepted for publication 4.03. 2024.

For citation: Gusev, D.V. (2024), "Captain Ivan Borisov on the island of Samos in August 1771. On the history of the Russian-Greek relations during the first Archipelago expedition", *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 80–93, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-80-93

Введение

После Чесменского сражения в ночь с 25 на 26 июня 1770 г. стало очевидно, что русские военно-морские силы, до поры казавшиеся слишком дорогим и авантюрным капризом Екатерины II, теперь полностью контролируют все Эгейское море, «из чего, – по словам современных историков, – напрямую проистекала возможность блокировать Дарданеллы и вести активные действия на морских сообщениях Османской империи» [Лебедев 2008, с. 64]. С разгромом турецкого флота в тисках Чесменской бухты не было более у Порты морских сил, способных противостоять эскадре Спиридова и Орлова.

Военные успехи позволили России также проводить более смелую политику по защите (а в перспективе и объявления независимости) местного греческого населения, находившегося под властью турок. В конце октября 1770 г. граф Алексей Орлов призвал греческий народ, живущий на островах Эгейского моря, публично признать протекторат России, тем самым фактически выйдя из подчинения Стамбула¹. 14 февраля 1771 г. первые острова подписали прошение Екатерине с просьбой принять их под защиту российской короны². В течение весны – лета 1771 г. к ним присоединились и другие острова, среди которых частично был и Самос. Таким образом образовалось Архипелагское великое княжество, просуществовавшее до конца Русско-турецкой войны. Это уникальное политическое образование, созданное при посредстве России на территории Османской империи, не так хорошо изучено отечественной историографией³, и лишь в последние два

¹ РГАВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 4. См. также: [Смилянская 2011, с. 149].

² Там же. Л. 80.

³ На сегодняшний день есть три монографии, достаточно подробно изучающие положение греков в первую Архипелагскую экспедицию и функционирование Архипелагского княжества. Прежде всего это книга Е.Б. Смилянской «Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье» (М., 2015), коллективная монография И.М. Смилянской, М.Б. Велижева, Е.Б. Смилянской «Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой» (М., 2011)

десятилетия некоторые историки начали пристально обращать внимание на эту проблему.

То обстоятельство, что остров Самос вступил под протекторат России не сразу и только с частью населения, весьма и интересно для истории русско-греческих отношений в период Архипелагской экспедиции.

Целью настоящей статьи является анализ положения греческого населения острова Самос в 1771 г. и выявление на его примере социальных противоречий, которые не позволили грекам выступить единой силой против турецкого владычества, на основе делопроизводственных документов военно-походной канцелярии адмирала Г.А. Спиридова. Данная канцелярия создана в июле 1769 г. при отправке судов эскадры из Кронштадта в Архипелаг и являлась центральной по отношению к канцеляриям других судов, до тех пор, пока управление экспедицией не перешло к Елманову. Документы канцелярии поступили в архив Адмиралтейств коллегии (ныне – Российский государственный архив Военно-морского флота) в 1775 г., после окончания Русско-турецкой войны. В делах канцелярии отложились рапорты командиров судов эскадры, адресованные адмиралу Г.А. Спиридову. Среди них есть ценный исторический источник – рапорт⁴ командира корабля «Святой Иануарий»⁵ Ивана Антоновича Борисова.

Рапорт Ивана Борисова

Фрагменты этого рапорта были опубликованы в монографии Е.Б. Смилянской «Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье» [Смилянская 2015, с. 114–118], где рассматривается политика России по отношению к Архипелагу, однако здесь нас будет интересовать социальный конфликт среди населения, описанный Борисовым в данном рапорте.

Сам Иван Борисов был достаточно квалифицированным военным моряком⁶. Историками установлено, что он был в числе волонтеров, поехавших в 1762 г. в Великобританию, согласно указу Правительствующего сената [Гребенщикова 2007, с. 84]. 17 июля 1769 г., когда Г.А. Спиридова назначили командующим эскадрой, Иван Борисов получил под свое управление линейный корабль «Святой

и обобщающая монография Г.А. Гребенщиковой «Балтийский флот в эпоху Екатерины II» (СПб., 2007).

⁴ РГАВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 63.

⁵ В другом написании «Януарий», что является равнозначным.

⁶ Общий морской список. Т. 2. СПб., 1885. С. 52–53.

Иануарий» и в составе этой эскадры отплыл в Архипелаг. «Иануарий» содержал на своем борту 597 человек призыва 1768 и 1769 гг., имел 66 пушек [Гребенщикова 2007, с. 209].

И.А. Борисов участвовал в Чесменском сражении, после него получил приказ начинать бомбардировку острова Хиос. Это говорит о том, что командиры экспедиции вполне ему доверяли. Также Борисов хорошо показал себя как переговорщик с местным населением. Когда эскадра нуждалась в полевом госпитале на одном из островов для содержания тяжелораненых, в греческую деревню был послан именно Борисов, которому удалось подыскать удобное место для этих целей. Результатом стало предложение расселить некоторых проживавших там греков в соседние деревни, а в освобожденные дома и кельи находящегося рядом монастыря перевезти больных [Гребенщикова 2007, с. 310]⁷.

С января по апрель 1771 г. «Святой Иануарий» находился в порту Аузо, затем совершал крейсерские плавания в районе острова Патмос⁸.

1 августа «Святой Иануарий» бросил якорь возле острова Самос⁹.

Остров Самос располагался на востоке Эгейского моря и был как бы немного в стороне от основной россыпи греческих островов. Зато непосредственная близость к берегам Малой Азии делала его географически наиболее «турецким», хотя остров также населяли греки.

Некоторые исследователи указывают на его стратегически выгодное положение для российского флота как находящийся вблизи от пролива Дарданеллы [Смилянская 2015, с. 114], однако, по нашему мнению, нельзя сказать, что он настолько близок, чтобы размещение военной базы на нем могло оказывать решающее значение в блокировке пролива. Ценность острова, скорее, представляла его достаточно большая площадь (более 450 квадратных километров) и многочисленное греческое население¹⁰, а также близость к Анатолийскому берегу. Важным условием также можно считать наличие корабельного леса и плодородные почвы. Все это в условиях войны было необходимым для организации надежного тыла и обеспечения продовольствием.

Описывая ситуацию на Самосе, Борисов рисует удивительную картину царящего там беспокойства, борьбы и междоусобиц среди жителей деревень, отсутствия единого духа и мнений по поводу

⁷ РГАВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 38. Л. 199; Д. 37. Л. 17.

⁸ Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 10386.

⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 10386. Л. 108 об.

¹⁰ Более 12 тысяч жителей обоего пола [Смилянская 2015, с. 116].

собственного положения в условиях Русско-турецкой войны. Прежде всего, едва оказавшись на берегу, Борисову стали поступать довольно серьезные жалобы от архиереев и приматов¹¹ деревень на двух греков, уполномоченных ранее здесь бывшим полковником Толем на сбор рекрутов среди местного населения. Греки-соотечественники чинили обиды жителям, видимо, превышая свои полномочия и вступая в конфликты с приматами, а потому не пользовались популярностью и поддержкой жителей острова. Раздражение было настолько сильным, что Борисов поспешил сослать этих греков с острова, дабы жители скорее успокоились. В рапорте отмечено, что «приматы были весьма довольны»¹², после чего начались более тонкие переговоры. Речь стала идти о нежелании принятия российского покровительства. Борисову было предложено оставить их под владением турок, исходя из экономических трудностей: дело в том, что на острове, как они говорили, не было своего хлеба, он закупался в Анатолии, т. е. на территории Турции. Возможно, принятие российского подданства могло бы нарушить эти поставки хлеба и тем самым навести на остров голод. Можно предположить, что дело могло быть и не только в голоде, но и боязни неприятностей от турок, ведь Самос располагался очень близко к берегу и в случае карательного похода мог первым попасть под удар. К тому же наверняка у влиятельных греков были свои дела и договоренности с турецкими чиновниками, расстраивать которые не очень хотелось, но и отказываться от возможности получить блага от русской эскадры тоже шаг неправильный, поэтому, видимо, приматами был выбран в качестве местной политики разумный нейтралитет с предпочтением стороны того, кто в данный момент контролировал остров.

Борисов оказался в непрестом положении, ведь одной из целей экспедиции было выведение греков из-под турецкого владычества, и это должно быть зафиксировано принятием верности императрицы. Если этого не было, откуда взять гарантии, что в нужный момент греки не предадут интересы эскадры, и как тогда размещаться на острове, где российскому флоту требуется поддержка местных?

Борисов рассудил так. Поскольку он не имел приказаний насильно принуждать местное население к принятию российского подданства, то и не отказал в просьбе приматов. Но далее он имел возможность убедиться, что настроения, выраженные ему в такой неудобной просьбе, далеко не соответствуют настроению всех жителей острова. Вскоре приматы деревень Илеонда и Мили также

¹¹ Выборная административная должность в греческих деревнях в период Османской империи. Приматы управляли деревнями и разбирали судебные тяжбы жителей [Смилянская 2015, с. 163].

¹² РГАВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

предстали перед Борисовым и, наоборот, «просили слезно», чтобы он принял их в российское покровительство. Притом жители этих деревень совершенно не боялись остаться без хлеба, лишь бы больше не иметь дела с турками. Такое разделение мнений поставило Борисова в некоторое замешательство, и он, выслушав просьбу этих приматов, порекомендовал пока повременить и быть в одном положении с другими деревнями, а сам тем временем решил обсудить этот вопрос с адмиралом Спиридовым.

Но на следующий день ситуация изменилась еще более радикальным образом. К Борисову пришли приматы других семи деревень, но не одни, а с крестьянами, женами и детьми, и всем миром также просили Борисова взять их под российское покровительство. Очень любопытная деталь – жители сообщали, что от российских сил они не будут требовать ни хлеба¹³, ни даже защиты от турок, что способны стоять за себя сами, но только чтобы их взяли под российское покровительство.

Эта перемена положения повлияла на Борисова, и он, понимая, что нужные настроения на острове достаточно сильны, согласился. По просьбе жителей Борисов написал архиерею и приматам других деревень, оставшихся под турецким владычеством, чтобы никаких «обид не чинили», на что те дали обещание, по словам Борисова, «к их стыду», т. е. архиереи больше всего хотели оставаться под турками.

Однако ситуация, сложившаяся на острове, который теперь частично находился под протекторатом России, а частично нет, требовала установления каких-либо обязательств России перед Самосом. В первую очередь, защиты принятых деревень на острове от турок (а возможно, и от соседних деревень) в отсутствие эскадры. Борисов размышлял над этим, и одной из его идей была постройка двух или трех вооруженных галер, отданных в распоряжение самосским жителям, чтобы в случае нападения с турецкого берега они могли защитить себя.

Но местные жители (жившие на берегу восточного мыса) и архиереи, узнав о таком предложении Борисова, решительно воспротивились ему. Наличие военных галер могло спровоцировать турок напасть на остров, а в этом случае те деревни, что остались под турецким владычеством, могли потерять свое имение и доход

¹³ Хотя, что касается хлебного обеспечения, у России был хороший опыт организации хлебной политики и соответствующие наработки по обеспечению хлебом даже те места, где он был в дефиците. Как показывают некоторые современные исследования, хлебный вопрос был одной из приоритетных задач, которые ставила перед собой Екатерина II [Рогожина 2020, с. 131–144].

с острова, который, по оценкам Борисова, составлял около 40 000 в год¹⁴.

Оставлять остров в таком положении ему было жаль, и Борисов пишет Спиридову о том, что, конечно, неплохо было бы здесь оставить управителя, но это, ввиду разности взглядов местного населения, может вызвать междоусобное противостояние между самосскими деревнями.

Турок действительно следовало опасаться. Несмотря на превосходящее положение российского флота в Эгейском море на тот момент, турецкие суда все же существовали и могли наносить чувствительные удары по русским и греческим маломерным судам.

Об этом наглядно рассказывает вторая часть рапорта Борисова, в которой он описывает подобную ситуацию. Было послано идрибское судно под командованием грека Георга и еще две соколены к восточному мысу Самоса с целью присмотра за транспортными судами, везущими хлеб с азиатского побережья на остров Хиос, лежащий чуть севернее Самоса. Причем соколены прибыли точно к мысу, а судно Георга, надеясь на свое вооружение (состоящее из шести пушек), решило отправиться ближе к азиатскому берегу, но ночью на море наступил штиль и судно лишилось маневренности, благодаря чему стало добычей трех турецких полугалер, открывших стрельбу. Командир судна, понимая, что сопротивляться не может, отдал приказ судно поджечь, а команда попрыгала за борт. Впоследствии турки выдвинули требования об обмене пленных греков на своих соотечественников, которые находились у Борисова.

Русская эскадра не просто располагалась на острове, но и контролировала проход мимо идущих судов, в том числе торговых. Борисов рапортовал Спиридову, как он по распискам получал пшено с венецианских и французских кораблей, причем в некоторых случаях одной расписки было достаточно, чтобы не платить, а в других деньги отпускались из адмиралтейской казны. Остров становился хорошей опорной базой для кораблей экспедиции. И пока русская эскадра находилась на острове, грекам беспокоиться было нечего, однако местное население понимало, что северные единовольцы очень скоро покинут остров, а оставшиеся проблемы предстоит решать уже самим.

Рапорт Борисова был подписан 19 августа 1771 г., когда он еще находился на берегу. Через неделю, 26 августа, в пятом часу утра, согласно вахтенному журналу, «пришла испод Аузы присланная к нашему командующему спакетами от контр-адмирала Елманова тартана под нашим вымпелом на оной командир грек Мануила»¹⁵.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

¹⁵ Там же. Ф. 870. Оп. 1 Л. 121.

После этого последовали краткие сборы, и в три пополудни «Св. Иануарий» поднял якорь, и Иван Борисов покинул Самос¹⁶.

Особенности социального положения греческого населения в Османской империи

Недолгое пребывание русского офицера на греческом острове позволяет нам сделать некоторые заключения, вполне важные для понимания ситуации взаимоотношений между группами греческого населения в условиях Русско-турецкой войны. Одной из идей императрицы Екатерины II было поднятие греческого восстания на Пелопоннесе, для чего перед началом экспедиции в Средиземноморье был послан граф Орлов с целью агитации местного населения [Тарле 1959, с. 23]. Е.В. Тарле пишет: «Греки волновались, слухи о скором их освобождении от турок приводили их в восторг. Алексей Орлов совершенно убежден был, что как только русская эскадра появится у берегов Мореи, тотчас же весь этот полуостров будет охвачен пламенем восстания» [Тарле 1959, с. 24].

До самого прибытия эскадры казалось, что этот замысел должен был осуществиться. Но несмотря на воодушевление, которое охватило греков при виде кораблей русской эскадры, несмотря на оказанную помощь и даже службу России многих греков, предполагаемое восстание, не успев как следует начаться, тут же затухло. Боевые действия в Мореи велись unsuccessfully, турки хорошо защищались, а боеспособность русско-греческих сил стремительно падала. По словам Арша, «потерпев неудачу при осаде турецких крепостей Модона (Метони) и Корона (Корони), что создало угрозу для базы русского флота в Наварине, А.Г. Орлов решил покинуть греческий полуостров. 26 мая (7 июня) 1770 г. русские силы, предварительно взорвав крепостные сооружения Наварина, покинули его» [Арш 2013, с. 30]. Однако невысокая боеспособность – следствие не только плохой подготовки, но и глубоких социальных проблем.

Ситуация на острове Самос – один из частных случаев, объясняющих, насколько при видимой готовности греческое население было разобщено и неспособно вести последовательную борьбу с покорившими их турками.

Хотя турецкая власть была и презируема греками, однако общество под ее началом распределило так социальные роли, что каждый грек находился в приемлемых для себя условиях, особенно это касалось зажиточной населения. Именно эти процессы мы можем наблюдать в приводимом выше рапорте, когда перед обществом

¹⁶ Там же. Л. 121 об.

встал вопрос, оставаться ли в терпимых условиях либо рискнуть восстать, но с вероятностью потерять имущество, положение в обществе и даже свою жизнь. Отсюда и проистекает та двойственность, с которой столкнулся Иван Борисов, беседуя с жителями острова Самос.

Договоренности с турками, позволявшие торговать, особое положение Православной церкви, которая могла в случае неудачи подвергнуться репрессиям со стороны османской власти, – все это создавало условия пассивного поведения в отношении действующей власти. Греческие деревни были разобщены между собой, и потому их желания не согласовывались, причем настолько, что существовала реальная угроза открытых столкновений. Амплитуда мнений греческих деревень была невероятно высока – с одной стороны, жесткое требование архиереев и приматов не включать остров в подданство России под разными предложениями, с другой – воодушевление активных деревень и не менее твердое желание уйти из-под власти турок, даже несмотря на экономические трудности и угрозу самим защищаться. Это значит, что рано или поздно под влиянием последующих событий одно из положений должно будет перевесить другое настолько, что Греция окажется либо на грани войны с Турцией, либо останется навсегда в составе Османской империи.

История стала развиваться по первому сценарию, хотя до обретения независимости еще было очень далеко. Национальные идеи уверенно развивались в сознании греческого народа. Немало этому способствовали условия заключения мира после Русско-турецкой войны 1769–1774 гг., юридически защищавших православное население Османской империи и открывавших новые экономические перспективы для греков. По словам Арша, «после заключения Кючук-Кайнарджийского договора для греческих островов, помимо Франции и в целом Западной Европы, открылись торговые пути и в Россию. С 80-х годов XVIII в. объем торговли Греции с Россией неуклонно возрастает... Особенно большого размаха русская торговля достигла с греческими островами восточной части Эгейского моря. Так, остров Самос в 80-х годах XVIII в. ежегодно посещали 30–40 кораблей под русским флагом. В 1786 г. 72 русских корабля посетили Хиос. В том же году первое судно под российским флагом побывало и в Пелопоннесе» [Арш 2013, с. 60]. Повсюду появлялись российские консульства, имеющие цель защиты греков и наблюдение за политической ситуацией. Е.А. Дружинина, всесторонне анализируя Кючук-Кайнарджирский договор и его значение в истории, также отмечает, что одним из важных его социальных значений было создание условий для борьбы народов Османской империи против турецкого владычества [Дружинина 1955, с. 4]. Сама же империя, по мнению историка, переживала не лучшие времена:

«Во второй половине XVIII в. центробежные силы, направлявшие Османскую империю как государственное целое к застою и упадку, обнаружились с очевидностью. Движения угнетенных национальностей потрясали империю со всех сторон... На островах Хиосе и Кипре происходили столкновения греческого населения со сборщиками налогов... В снабжении Порты покоренные области играли огромную роль. От поставок продовольствия с островов Архипелага во многом зависело питание жителей Константинополя... Поэтому волнения подвластных Турции народов не могли не отражаться на понижении экономического потенциала ее армии» [Дружинина 1955, с. 94]. На фоне роста торговых перспектив покоренных народов, также их национального самосознания, просветительских идей, – гражданское положение греков в составе империи продолжало оставаться почти бесправным. Арш приводит свидетельство одного французского консула в Македонии, который, наблюдая за положением греков, сравнивает их с положением американских негров своего времени [Арш 2013, с. 68]. Подобные условия существования в Османской империи, при ее нарастающем политическом кризисе, постоянно подталкивали греческий народ к мыслям, а затем и действиям, направленным к борьбе за свою независимость.

Заключение

Приводимая выше дифференциация греческого общества показывает, что греки не были политически пассивными, причем дело касается не только Самоса, но и всего Пелопоннеса. Хотя Алексей Орлов, оправдываясь перед Екатериной, и уличал греков в робости¹⁷, современные историки не склонны безусловно доверять его оценке. Так, Арш показывает, что многие греки в Морее продолжали сопротивляться после ухода русских сил, многие и дальше служили в русском флоте. И несмотря на то что восстание так и не состоялось,

¹⁷ И сама Екатерина такое мнение вполне разделяла. «Еще в сентябре 1770 г., по получении известия о неудаче под Модоном, убеждение ее в трусливости, развращенности и неспособности греков к свободе уже вполне установилось... Вся экспедиция была, в сущности, результатом увлечения... К сожалению, как быстро было увлечение, так же быстро было и разочарование. Размеры русской помощи разочаровали греков, размеры греческой помощи разочаровали русских, нестройные толпы греческих повстанцев, подкрепленные сотнями русских солдат, рассеялись перед турецкими войсками, а Екатерина философически вывела отсюда заключение, что “греки, бывшие спартанцы, выродились...”». См.: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. С. 121–123.

«оно стало важной вехой в истории борьбы Греции за национальное освобождение» [Арш 2010, с. 74]. А историк А.А. Лебедев, объясняя успехи компании русского флота в 1771 г., говорит, что «способствовало такому развитию событий то, что греческое население в целом поддерживало русских моряков. В январе 1771 г. население более 25 островов Архипелага приняло подданство России. Эти острова превратились в опорные пункты русского флота. Более того, даже в Египте началось восстание под предводительством Али-бея, стремившегося освободиться от султанской власти» [Лебедев 2009, с. 41–42].

После же подписания Кючук-Кайнаджирского мира, сдачи Порте Россией греческих островов и распада Архипелагского княжества, когда, казалось бы, ожидания греков не оправдались, все равно авторитет Российской империи продолжал поддерживаться достаточно многими, хотя и с поправкой на свои национальные интересы. Е.В. Булычева по этому поводу замечает: «С одной стороны, греки весьма одобрительно относились к финансовой помощи России, получая от этого соответствующую выгоду. С другой стороны, опасались вмешательства русского правительства в политику греческого государства» [Булычева 2021, с. 24].

Перспектива развития положения греческих земель в составе Османской империи показала, что национальное самосознание греков как независимого от власти султана народа взяло вверх и менее чем через полвека привело к появлению Греции как нового независимого государства на карте мира.

Литература

- Арш 2010 – *Арш Г.Л.* Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770–1774 гг. // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 60–72.
- Арш 2013 – *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. М., 2013. 279 с.
- Булычева 2021 – *Булычева Е.В.* Отношение греческого общества к России во второй половине XIX в. (по воспоминаниям русской интеллигенции) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 20–29.
- Гребенщикова 2007 – *Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в эпоху Екатерины II. СПб., 2007. 720 с.
- Дружинина 1955 – *Дружинина В.Г.* Кючук-Кайнаджирский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. 368 с.
- Лебедев 2008 – *Лебедев А.А.* Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Гангут. 2008. № 50. С. 16–58.

- Лебедев 2009 – *Лебедев А.А.* Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // *Гангут*. 2009. № 51. С. 20–54.
- Рогожина 2020 – *Рогожина А.С.* «Чтобы цена хлеба всегда в моих руках была»: Екатерина II и формирование хлебозапасной системы в России // *Вестник архивиста*. 2020. № 1. С. 131–144.
- Смилянская 2015 – *Смилянская Е.Б.* Греческие острова Екатерины II: Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М., 2015. 423 с.
- Смилянская 2011 – *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье: Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. 838 с.
- Тарле 1959 – *Тарле Е.В.* Собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. М., 1959. 878 с.

References

- Arsh, G.L. (2010), “Russian emissaries in the Peloponnese and the Archipelago expedition of 1770-1774”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 6, pp. 60–72.
- Arsh, G.L. (2013), *Rossiya i bor'ba Gretsii za osvobodzhdenie: ot Ekateriny II do Nikolaya I* [Russia and the Greek struggle for liberation. From Catherine II to Nicholas I], Moscow, Russia.
- Bulycheva, E.V. (2021), “The attitude of the Greek society towards Russia in the second half of the 19th century (according to the memoirs of the Russian intelligentsia)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 20–29.
- Druzhinina, V.G. (1955), *Kyuchuk-Kainodzhirskii mir 1774 goda (ego podgotovka i zaklyuchenie)* [Kyuchuk-Kainajir Peace Treaty of 1774 (its preparation and conclusion)], Moscow, USSR.
- Grebenshchikova, G.A. (2007), *Baltiiskii flot v epokhu Ekateriny II* [The Baltic fleet in the era of Catherine II], Saint Petersburg, Russia.
- Lebedev, A.A. (2008), “Strategic and tactical review of the activities of the Russian fleet in the Russian-Turkish War of 1768–1774”, *Gangut*, no. 50, pp. 16–58.
- Lebedev, A.A. (2009), “Strategic and tactical review of the activities of the Russian fleet in the Russian-Turkish War of 1768–1774”, *Gangut*, no. 51, pp. 20–54.
- Rogozhina, A.S. (2020), “‘So that the price of bread would have always been in my hands’. Catherine II and the formation of the grain supply system in Russia”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 131–144.
- Smilyanskaya, E.B. (2015), *Grecheskie ostrova Ekateriny II: Opyty imperskoi politiki Rossii v Sredizemnomor'e* [Greek islands of Catherine II. Essays on the Russian imperial policy in the Mediterranean], Moscow, Russia.
- Smilyanskaya, I.M., Velizhev, M.B. and Smilyanskaya, E.B. (2011), *Rossiya v Sredizemnomor'e. Arkhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoi* [Russia in the Mediterranean. The Archipelago expedition of Catherine the Great], Moscow, Russia.
- Tarle, E.V. (1959), *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collected works in 12 volumes], vol. 10, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Дмитрий В. Гусев, Российский государственный архив Военно-морского флота, Санкт-Петербург, Россия; 197227, Россия, Санкт-Петербург, Серебристый б-р, д. 24, корп.1; rascol@bk.ru

ORCID 0000-0002-1011-7072

Information about the author

Dmitrii V. Gusev, Russian State Naval Archives, Saint Petersburg, Russia; bldg. 1, bld. 24, Serebristy Blvd., Saint Petersburg, Russia, 197227; rascol@bk.ru

ORCID 0000-0002-1011-7072

Профессор А.А. Кузин:
Линия жизни в документах фонда ученого
в Научно-образовательном центре
«Гуманитарный архив РГГУ»

Юлия И. Новосельская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, novoreality@mail.ru*

Аннотация. Цель работы – изучение документов фонда архива доктора технических наук профессора А.А. Кузина в составе фондов Научно-образовательного центра «Гуманитарный архив РГГУ» (НОЦ ГА РГГУ) как источников по истории формирования научно-образовательного направления в контексте профессиональной биографии ученого и педагога. Рассмотрены история передачи и описание документов архива. Прослеживаются основные факты биографии А.А. Кузина (1911–1993 гг.), особенности его личности и интеллекта, сочетающие способности к точному инженерному мышлению и широкому гуманитарному видению процессов и явлений. Дана характеристика и архивоведческие параметры документов фонда с точки зрения их тематической направленности, типо-видовых и функциональных свойств. Предложен условный «тезаурус», содержащий предметно-тематические рубрики для систематизации документов фонда. Приводится обзор документов, отражающий основные этапы жизни и деятельности А.А. Кузина: формирование интеллектуальной творческой личности в ранней юности, освоение инженерных знаний, получение историко-архивного образования, начало научно-исследовательской и педагогической деятельности в ИАИ, научно-исследовательская работа по истории науки и техники, развитие ее приоритетных направлений, создание кафедры научно-технических архивов в МГИАИ, создание новой области архивоведческого знания – архивоведения научно-технических и кинофотофонодокументов. Делаются выводы о том, что фонд документов А.А. Кузина является фондом личного происхождения полидисциплинарной тематической направленности, документы фонда позволяют изучать этапы развития академического знания по истории науки и техники и его интеграции в содержание архивоведческого образования. А.А. Кузин – новатор историко-технического и архивоведческого знания второй половины XX в., документы его фонда

в НОЦ ГА РГГУ обладают значительным источниковедческим потенциалом по истории науки и образования, истории научных и образовательных организаций (ИИЕиТ РАН и ИАИ РГГУ).

Ключевые слова: А.А. Кузин, Гуманитарный архив РГГУ, архивный фонд личного происхождения, история науки и техники, архивоведение научно-технических документов, МГИАИ, ИАИ РГГУ, кафедра научно-технических архивов и кинофотофоноархивов, ИИЕиТ РАН

Статья поступила в редакцию 10 октября 2023 г.;

принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Для цитирования: Новосельская Ю.И. Профессор А.А. Кузин: Линия жизни в документах фонда ученого в Научно-образовательном центре «Гуманитарный архив РГГУ» // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 94–106. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-94-106

Professor A.A. Kuzin.
The lifeline in documents of the scientist's foundation
at the Science and Education Centre
of the Human Studies Archives
of the Russian State University for the Humanities

Yulia I. Novoselskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, novoreality@mail.ru*

Abstract. The purpose of the work is studying the foundation documents of prof. A.A. Kuzin, doctor in Engineering; the records that are kept in the funds of the Science and Education Centre of the Human Studies Archives of the Russian State University for the Humanities. Those documents are viewed as the source on the history of forming the scientific and educational direction within the context of the professional biography of a scholar and an educator.

The article considers history of the transfer and the description of the archive documents. The author analyzes the main facts of the biography of A.A. Kuzin (1911–1993), the features of his personality and intellect, which helped him to combine the ability to precise engineering thinking and a broad humanitarian vision of processes and phenomena.

The characteristic and archival parameters of the fund documents are presented in terms of their thematic focus, type-species and functional properties. A conditional “thesaurus” is proposed, containing the subject-thematic headings to systematize the documents of the fund. A review of the documents reflecting the main stages of A.A. Kuzin's life and work is

provided: the formation of an intellectual creative personality in early youth, the development of engineering knowledge, getting an education in history and archives, the beginning of scientific-research and pedagogical activities at the IAI (History and Archives Institute), the research work on the history of science and technology, the development of the priority areas of that research, the creation of the Department of Scientific and Technical Archives at the MGIAI (Moscow State History and Archives Institute), the advancement of a new area of archival knowledge – archiving of scientific, technical and film-photo-phono documents.

Conclusions are drawn that the documental fund of A.A. Kuzin is a fund of personal origin of a multidisciplinary thematic orientation; the materials of the fund make it possible to study the stages of the development of academic knowledge in the history of science and technology and its integration into the content of archival education. A.A. Kuzin is an innovator of historical, technical and archival knowledge of the second half of the 20th century; the documents of his fund in the Science and Education Centre of the Human Studies Archives of the Russian State University for the Humanities have a significant source-studying potential for the history of science and education, the history of scientific and educational organizations (IHST RAS [Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences] and IAI RSUH).

Keywords: A.A. Kuzin, Human Studies Archives of the Russian State University for the Humanities, archival fund of personal origin, history of science and technology, archiving of scientific and technical documents, MGIAI, IAI RSUH, Department of Scientific and Technical Archives and Film-Photo-Phono Archives, IHST RAS.

The article was submitted 10.10.2023;
accepted for publication 19.02.2024.

For citation: Novoselskaya Yu.I. (2024), “Professor A.A. Kuzin. The lifeline in documents of the scientist’s foundation at the Science and Education Centre of the Human Studies Archives of the Russian State University for the Humanities”, *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 94–106, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-94-106

Введение

Современное гуманитарное образование в значительной степени базируется на принципах универсализации знания, а учебный процесс по направлениям социальных коммуникаций (музейное дело, библиотечное дело, архивное дело) – на стандартах этих видов деятельности, связанных, в том числе, с их включенностью в электронную информационную среду. Особо значение в таком контексте

приобретает история образования и науки, включающая антропологическую составляющую, которая несет печать самобытности, раскрытия личностных качеств ученых и педагогов и их влияние на складывание научного знания и педагогических концепций. Такие исследовательские возможности предоставляются архивными фондами личного происхождения, хранящимися в Гуманитарном архиве РГГУ (ГА РГГУ).

В 2017 г. в Гуманитарный архив был принят архив профессора, доктора технических наук Александра Авраамиевича Кузина (1911–1993 гг.), выдающегося историка науки и техники, основоположника архивоведения научно-технических и кинофотофонодокументов, создателя кафедры научно-технических и кинофотофоноархивов (НТиКФФА) и ее руководителя с 1969 по 1985 г.

Описание фонда А.А. Кузина осуществлялось в несколько этапов, в частности в период хранения документов в учебно-научной лаборатории кафедры НТиКФФА, куда они были переданы вдовой ученого М.Д. Засовой в 1993 г. Первичная обработка фонда велась студентами и аспирантами МГИАИ под руководством преподавателей кафедры. Результаты этой работы были обобщены на научной конференции «Чтения памяти Р.Н. Прокопенко в Российском государственном архиве древних актов» ст. преп. Ю.И. Новосельской в 1995 г. В 2015 г. на кафедре истории науки, научно-технических и экономических архивов под руководством доц. Ю.И. Новосельской также была подготовлена дипломная работа С.В. Жучкова, посвященная документам фонда А.А. Кузина [Новосельская, Тараторкин 2020]. И, наконец, научная обработка и описание фонда были осуществлены в Гуманитарном архиве РГГУ.

Проведенная работа позволяет говорить об особенностях документов фонда, архивоведческих проблемах, источниковедческом потенциале документов и возможностях и реалиях их использования в учебном процессе РГГУ.

Биография А.А. Кузина: персональное и профессиональное

Интерес к личности ученого, педагога, создателя нового учебно-научного направления архивоведения был активизирован, начиная с передачи его архива на кафедру НТиКФФА в 1993 г. Через год, к 25-летию кафедры, экспонировалась выставка документов из архива А.А. Кузина. Группировка документов по разделам выставки уже намечала контуры его биографии и представляла А.А. Кузина как студента, преподавателя МГИАИ, руководителя кафедры,

научного редактора, историка науки и техники, создателя направления «Научно-технические и кинофотофоноархивы», популяризатора науки.

Материалы архива в качестве одной из групп источников были использованы профессором, доктором исторических наук С.С. Илизаровым в его статье, посвященной 100-летию со дня рождения ученого [Илизаров 2011]. Автор акцентирует внимание на биографии А.А. Кузина как историка науки и техники и его деятельности в Институте Истории естествознания и техники АН СССР (ИИЕиТ). Существенным моментом стал факт длительного общения С.С. Илизарова с А.А. Кузиным, восприятие им личности Александра Авраамиевича и эволюция этого восприятия во времени. Важными являются размышления автора о некоем противоречии между персональной поведенческой закрытостью, аскетичностью А.А. Кузина и значительной глубиной, широтой и продуктивностью его профессиональной деятельности, еще не до конца оцененной. Тем не менее думается, что подлинная характеристика яркой личности А.А. Кузина воплощается именно в профессиональной деятельности, в научных трудах, в учебниках и учебных пособиях нового поколения, острых рецензиях и других документах [Хорхордина 2020].

Основные факты биографии А.А. Кузина были опубликованы нами в работе, посвященной истории кафедры научно-технических архивов МГИАИ-ИАИ (1969 – начало 1990-х гг.) [Новосельская 2019]. Среди них такие, как: обучение на вечернем отделении Института механизации и электрификации сельского хозяйства (окончил в 1938 г.); работа на предприятиях авиационной промышленности (1938 – начало 1940-х гг.); обучение в Историко-архивном институте – ИАИ (1942–1946 гг.); начало преподавания и обучение в аспирантуре в ИАИ (1946–1949 гг.); защита кандидатской диссертации (1949 г.); начало работы по совместительству в Комиссии по истории техники при отделении технических наук АН СССР. Далее выпуск первого учебного пособия «Технические архивы» (1956 г.); продолжение работы в качестве преподавателя-почасовика (1960-е гг.). И, наконец, знаковое событие – открытие кафедры научно-технических архивов и назначение А.А. Кузина зав. кафедрой (1969 г.). Наиболее яркий и продуктивный период работы в МГИАИ: написание учебников и учебных пособий по научно-техническим и кинофотофоноархивам и, главное, создание модели подготовки специалиста по научно-техническим и кинофотофоноархивам (1969–1985 гг.); защита докторской диссертации в ИИЕиТ АН СССР (1972 г.); завершение работы в должности профессора кафедры НТиКФФА МГИАИ (1985–1987 гг.); продолжение работы в ИИЕиТ вплоть до 1993 г.

Я знала Александра Авраамиевича с 1969 г., когда пришла на кафедру научно-технических архивов (НТА) преподавателем-почасовиком для чтения курса «Техническая библиография», а затем поступила в аспирантуру и продолжала работать преподавателем под руководством А.А. Кузина как зав. кафедрой вплоть до его ухода из МГИАИ в 1987 г. Мне представляется, что его «закрытость» и «догматичность», о которых говорит С.С. Илизаров [Илизаров 2011], была частью «внутреннего цензора», присущего большинству советских людей поколения 1910–1920-х гг. рождения. Конечно, психологический образ каждого человека имеет двойную оптику в глазах смотрящего, определяемую взаимодействием в общении. Александр Авраамиевич был, на мой взгляд, ровен и доброжелателен, никогда не демонстрировал начальственность и административные интонации. Он проявлял профессиональное доверие к молодым педагогам и, в частности, предоставлял им полную творческую свободу в формировании учебных дисциплин, методических подходов в преподавании.

Весь период строительства кафедры и нового учебно-научного направления (1969–1985 гг.) представлял собой время принципиальных новаций в преподавании архивного дела в области науки, техники, производства [Новосельская 2018; Хорхордина 2020]. Идея изучения науки и техники как базы источниковедческого и архивоведческого анализа научно-технических документов, выдвинутая А.А. Кузиным, в определенном смысле «перевернула» принципы построения учебного плана историко-архивной подготовки. В нем появляются дисциплины «История науки и техники», «Научно-техническое документирование», «Основы технического черчения», «Стандартизация научно-технических документов». Фокусом концепции нового направления становится понятие «техника». В этом смысле закономерной явилась и концентрация в учебном плане сюжетов кинофотофонодокументов и архивов, само создание и бытование которых подразумевало наличие специальной техники и технологии. А.А. Кузин, безусловно, является автором новой для второй половины XX в. концепции специализации архивного образования. Это стало возможным благодаря его незаурядным интеллектуальным качествам, сочетающим глубокие знания в области технических наук, истории науки и техники, архивоведения и способности философского системного видения архивного дела научно-технической сферы как инструмента концентрации и трансляции научно-технического знания и практики.

Характеристика и архивоведческие параметры документов фонда А.А. Кузина

Работа с фондом А.А. Кузина была обусловлена рядом исходных факторов. Документы были переданы в МГИАИ вдовой ученого М.Д. Засовой, которая ряд лет была преподавателем кафедры НТА МГИАИ и прекрасно ориентировалась в их составе и содержании, а также в направлениях деятельности кафедры. Можно предположить, что до передачи документов ею уже была осуществлена определенная экспертиза их ценности. Важно и то, что были переданы как документы, отражающие деятельность А.А. Кузина и в качестве преподавателя, а затем профессора и завкафедрой, так и те, которые связаны с ИИЕиТ АН СССР. Практически весь период своей профессиональной деятельности Александр Авраамиевич совмещал работу в ИИЕиТ (в качестве ведущего научного сотрудника, зав. сектором) и в МГИАИ. Это двуединство не только отражало конкретные реалии работы ученого и педагога, но и обусловило созданную им концепцию архивоведения научно-технических документов (НТД), базирующуюся в значительной степени на методологии истории науки и техники.

Документы были переданы в уже сформированных самим фондообразователем единицах хранения. Редкое исключение составляли небольшие массивы россыпей и отдельных текстов (статей, набросков, планов-проспектов научных работ), которые были нами преобразованы либо в монодокументные единицы хранения, либо комплексированы в тематико-хронологические единицы хранения.

Фонд насчитывает более 200 единиц хранения документов, охватывающих период с 1909 по 1991 г. По своему содержанию фонд является полидисциплинарным и отражает тематику, соответствующую интеллектуальным в целом и конкретным научным интересам А.А. Кузина: историческая наука; науковедение; история науки и техники, включая проблемы современной научно-технической революции; К. Маркс и история техники; история научно-технических обществ России; история техники и технологий по отраслям – горнодобывающая техника и горное дело, общее машиностроение, энергомашиностроение, химическое машиностроение и химическая технология, сельскохозяйственное машиностроение; художественное конструирование; строительство и архитектура. Самостоятельное значение имеют архивоведение, научно-технические документы и архивы, кинофотофонодокументы и архивы, документоведение и организация делопроизводства, история архивного дела, история госучреждений.

Документы фонда полностью отвечают критериям понятия «архивный фонд личного происхождения», понимаемом как «совокупность архивных документов, образовавшихся в процессе жизни и деятельности физического лица, семьи, рода, исторически связанных между собой»¹. Мы акцентируем внимание на устоявшемся определении, так как ряд историков, архивоведов не относят документы учебной и профессиональной деятельности к документам личного происхождения. Такого рода трактовку можно найти в уже упомянутой выше работе С.С. Илизарова [Илизаров 2011]. Именно документы учебной и профессиональной деятельности фонда А.А. Кузина, по нашему мнению, раскрывают его индивидуальность как человеческую, так и профессиональную.

Будем опираться на определение «документа личного происхождения» как продукта жизни и деятельности физического лица вне зависимости от функциональных признаков документа [Альтман 2021; Медведева 2022]. В фонде А.А. Кузина присутствуют следующие виды документов: документы об образовании, дипломы о присуждении ученых степеней, приглашительные билеты, поздравительные адреса, студенческие конспекты, записи интеллектуальных увлечений (шахматных партий), рукописи научных работ (статей, монографий, научных сборников, рецензий, научных отчетов, диссертаций, научной переписки), рукописи учебной литературы, планы, наброски, варианты, гранки, верстка с авторскими правками, вставками, выписки из архивных документов и печатных произведений для научной и педагогической деятельности.

Тематическая, функциональная и видовая структура всего массива документов фонда А.А. Кузина может быть осмыслена как тезаурус биографии ученого и истории созданного им учебно-научного направления.

Будем понимать в этом контексте под термином «тезаурус» условный словарь базовых понятий, характеризующих личность и деятельность ученого, а в качестве «системы взаимосвязей» – факты конкретной личной и профессиональной биографии фондообразователя. Исходя из этого рассуждения, представим картину жизни и деятельности А.А. Кузина в документах его фонда.

Процессы формирования неординарной творческой личности А.А. Кузина отражены в записях шахматных турниров с участием

¹ Методические рекомендации по комплектованию, описанию, учету и использованию документов личного происхождения в государственных и муниципальных архивах / ВНИИДАД. М., 2021. С. 13.

автора в период 1926–1929 гг.², в тетрадях по изучению японского языка, 1930 г.³

Этапы профессионального становления, получение первого высшего инженерного образования продokumentированы в тетрадях с записями лекций по курсам «Тракторы. Расчетный курс», 1936 г. и «Электропривод», 1937 г.⁴

Обучение в Историко-архивном институте подтверждается скрупулезно записанными конспектами лекций по архивоведению, истории госучреждений, 1946–1948 гг.; подготовка кандидатской диссертации на тему «Очерки по истории технических документальных материалов (русского чертежа)» просматривается в материалах к диссертации. Оформление карт и чертежей XVIII–XIX вв.⁵

Начало методической и педагогической деятельности в ИАИ отражено в документах 1952–1956 гг.; старт исследованиям по проблематике истории науки и техники был дан А.А. Кузиным в 1953–1956 гг.⁶

Работа над темой «Карл Маркс и история техники», а также перевод текстов К. Маркса велись в период 1955–1977 гг.⁷

Первые учебные пособия по научно-техническим архивам и документам были подготовлены А.А. Кузиным в 1956–1959 гг.; развитие проблематики исследований по современной научно-технической революции просматривается в документах 1964–1988 гг.⁸

Организация и деятельность кафедры НТиКФФА под его руководством прочитывается в документах 1969–1985 гг.; построение модели специалиста-организатора НТИ и научно-технических архивов зафиксировано в документе 1978 г.⁹

Подготовка и защита докторской диссертации «Причины, результаты и закономерности развития техники геологоразведочных работ в России до середины XX в.» отражены в круге документов по сбору первичного научного материала (выписки из документов архивов, музеев и специальной литературы), а также собственно материалов по теме диссертации, 1960–1971 гг.¹⁰

Научные исследования А.А. Кузина с его постоянными соавторами, сотрудниками ИИЕиТ, доктором исторических наук

² НОЦ ГА РГГУ. Ф. 25. Д. 1, 2.

³ Там же. Д. 4.

⁴ Там же. Д. 7, 9.

⁵ Там же. Д. 10, 13–16.

⁶ Там же. Д. 18, 21, 24, 25, 29.

⁷ Там же. Д. 27, 28, 123.

⁸ Там же. Д. 29, 35, 54, 55, 57–59, 80, 82, 86, 94.

⁹ Там же. Д. 78, 81, 84, 93, 126, 129, 151, 153, 158, 171, 174, 181.

¹⁰ Там же. Д. 45, 47–49, 60–62, 99, 100, 104.

С.В. Шухардиным и кандидатом исторических наук Н.Н. Стосковой. Тексты монографий и сборников статей за период 1960–1976 гг. широко представлены в фонде ученого; опыт теории и практики работы с научно-техническими документами и архивами был обобщен А.А. Кузиным в подготовленном им сборнике научных статей, написанных лично и в соавторстве с доктором исторических наук Н.Г. Филипповым, 1977 г.¹¹ Рукописное оглавление, структура сборника, автографированные А.А. Кузиным, представляют собой сложившуюся структуру архивоведческого знания в области научно-технических архивов и документов.

Научно-педагогическое завещание профессора А.А. Кузина содержится в его неопубликованной монографии «Структура и принципы использования архивных документов в программах преподавания и исследования истории техники», 1988 г.¹² Автор выражает крайнюю озабоченность и уровнем преподавания истории науки и техники в вузах и недостаточной работой по активизации использования научно-технических документов советского периода как источников по истории науки и техники. Здесь же им была предложена концепция создания архива или отдела рукописей по истории техники при музее истории техники.

Таким образом, систематизация документов фонда А.А. Кузина предстает в виде следующих ключевых предметно-тематических рубрик: интеллектуальные юношеские увлечения, инженерное образование, историко-архивное образование, кандидатская диссертация, начало преподавания в ИАИ, научные исследования по истории науки и техники, работа над темой «Карл Маркс и техника» и переводы его текстов, учебные пособия по научно-техническим и кинофотофонодокументам, исследования проблематики современной научно-технической революции, докторская диссертация, создание кафедры научно-технических архивов в МГИАИ, совместные труды с историками науки и техники, завещание ученого и педагога.

Заключение

Документы, хранящиеся в НОЦ ГА РГГУ, представляют собой уникальную источниковую базу по истории науки, образования, общественной мысли в персоналиях. Документы фонда доктора технических наук профессора А.А. Кузина позволяют проследить этапы развития академического знания в области истории науки

¹¹ Там же. Д. 46, 79, 107, 144, 145, 176.

¹² Там же. Д. 199/1.

и техники и его интеграции в содержание архивоведческого образования второй половины XX в.

Фонд документов А.А. Кузина является фондом личного происхождения полидисциплинарного содержания. Документы фонда – это и источники по истории науки и образования, научных и образовательных учреждений, и истории формирования и развития личности ученого.

Передача, описание и систематизация документов фонда датируются 1993–2022 гг. В фонде имеется значительный массив авторизированных документов, демонстрирующих творческую лабораторию исследователя и педагога. Особого внимания заслуживают документы по созданию модели специалиста по научно-техническим и кинофотофоноархивам, в которых соединились три базовые составляющие: документирование научно-технической деятельности, история науки и техники, архивоведение научно-технических документов. Среди документов фонда присутствуют рукописи неопубликованных статей и монографии, не утратившие своего значения и в настоящее время.

Фонд А.А. Кузина начиная с 2018 г. по настоящее время является базой проведения производственной архивной практики бакалавров и магистрантов ФАД ИАИ РГГУ, в ходе которой отработывались приемы и методы работы с документами личного происхождения. Фонд также привлекает внимание молодых исследователей, аспирантов. Так, в частности, аспирантом ИИЕиТРАН ведется работа с документами фонда по проблематике преподавания истории науки и техники. В дальнейшем видятся возможности использования документов фонда для написания студенческих курсовых и выпускных квалификационных работ.

Сложившиеся подходы к систематизации документов фонда, оценка их источниковедческого значения позволяют увидеть доктора исторических наук профессора А.А. Кузина как новатора историко-технической и архивоведческой мысли второй половины XX в., знаковую фигуру в истории МГИАИ.

Литература

- Альтман 2021 – *Альтман М.М.* Комплектование РГАЭ документами личного происхождения: история и опыт // Отечественные архивы. 2021. № 6. С. 28–37.
- Илизаров 2011– *Илизаров С.С.* Историк техники и педагог, профессор А.А. Кузин (к 100-летию со дня рождения) // Институт истории, естествознания и техники им. С.И. Вавилова: Годичная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения С.И. Вавилова, 2011. М.: Янус-К, 2011. С. 37–44.

- Медведева 2022 – *Медведева О.В.* Фонды личного происхождения как объект архивного хранения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 27. 2022. С. 1099–1101.
- Новосельская 2018 – *Новосельская Ю.И.* Гуманитарные основы преподавания архивоведения научно-технических документов в цифровую эпоху // Документ. Архив. Информационное общество: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Москва, РГГУ, 28 сентября 2017 г. / сост.: Е.М. Бурова, О.Е. Антонова. М.: Термика.РУ, 2018. С. 285–292.
- Новосельская 2019 – *Новосельская Ю.И.* Из истории кафедры научно-технических архивов МГИАИ – ИАИ РГГУ: Персоналии (1969 г. – начало 1990-х гг.) // История и архивы. 2019. № 3. С. 143–157.
- Новосельская, Тараторкин 2020 – *Новосельская Ю.И., Тараторкин Ф.Г.* Документальное наследие профессоров и преподавателей Историко-архивного института РГГУ в профессиональной подготовке историков и архивистов // Отечественные архивы. 2020. № 3. С. 37–44.
- Хорхордина 2020 – *Хорхордина Т.И.* Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930–2020. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2020. 449 с.

References

- Altman, M.M. (2021), “Completing the RGAE with the documents of personal origin. History and experience”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 6, pp. 28–37.
- Ilizarov, S.S. (2011), “Technology historian and teacher, professor A.A. Kuzin (on the 100th anniversary of his birth)”, in *Institut istorii, estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova: Godichnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 120-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Vavilova, 2011* [Vavilov Institute of History, Natural Science and Technology. Annual Scientific Conference Commemorating the 120th anniversaries of S.I. Vavilov, 2011], Yanus-K, Moscow, Russia, pp. 37–44.
- Khorkhordina, T.I. (2020), *Istoriko-arkhivnyi institut v istorii otechestvennoi vysshei shkoly: 1930–2020* [Institute for History and Archives in the history of Russian higher education, 1930–2020], RGGU, Moscow, Russia.
- Medvedeva, O.V. (2022), “Funds of personal origin as an object of archival keeping”, *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 27, pp. 1099–1101.
- Novoselskaya, Yu.I. (2018), “The humanitarian foundations for teaching archival science of scientific and technical documents in the digital age”, in Burova, E.M. and Antonova, O.E., comp., *Dokument. Arkhiv. Informatsionnoe obshchestvo: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, RGGU, 28 sentyabrya 2017 g.* [Document. Archive. Information community. Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference, RGGU, Moskva, September 28, 2017], Moscow, Russia, pp. 285–292.

- Novoselskaya, Yu.I. (2019), "From the history of the Department of Scientific and Technical Archives of the MGIAI – IAI RSUH: Personalities (1969 – early 1990s)", *History and Archives*, no. 3, pp. 143–157.
- Novoselskaya, Yu.I. and Taratorkin, F.G. (2020), "Documentary heritage of the professors and teachers of the Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities in the professional training of historians and archivists", *Otechestvennye arkhivy*, no. 3, pp. 37–44.

Информация об авторе

Юлия И. Новосельская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; novoreality@mail.ru

ORCID ID: 0009-0006-5329-4817

Information about the author

Yulia I. Novoselskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; novoreality@mail.ru

ORCID ID: 0009-0006-5329-4817

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25(44)

DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-107-128

Проблемы французского архивоведения в XX в. в свете теоретического наследия В.Н. Автократова

Виктория Б. Прозорова-Томас

*Консалтинговая компания «Abylsen», Париж, Франция;
Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе, Корбей-Эссон, Франция,
prozorovaviktoriya@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены возможности применения общей и частных теорий архивоведения, созданных В.Н. Автократовым, для анализа причин и путей разрешения кризиса во французском архивоведении, показана идентичность констатаций кризисных явлений во французском архивоведении, сделанных В.Н. Автократовым и Ш. Кечкемети независимо друг от друга, и обоснована научная значимость анализа причин этого кризиса, который позволяет провести разработанный В.Н. Автократовым теоретический подход. Документный бум второй половины XX в. бросил вызов всей архивной науке, но каждая архивная школа преодолела его по-разному. Во французском архивоведении произошел кризис, вызванный отходом от принципа единства фонда и проявившийся в изменениях в использовании архивных документов во Франции. Анализ этого кризиса с теоретических позиций, сформулированных В.Н. Автократовым, позволил показать, как слабая разработка отдельных теоретических проблем (понятия фондообразователя, вопросов внутрифондовой систематизации, ценности и полезности) отразилась на профессиональной подготовке архивистов и на деятельности архивов во Франции по комплектованию и использованию, в частности в области фондирования и политики создания архивных справочников. Показаны сильные и слабые стороны французской архивной теории и практики, и сформулированы рекомендации для профессиональной подготовки архивистов в России.

Ключевые слова: Автократов В.Н., архивы Франции, Ш. Моррас, Ш. Кечкемети, принцип единства фонда, документный бум, история государственных учреждений, потребители архивной информации, иммиграция

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2023 г.;

принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Для цитирования: Прозорова-Томас В.Б. Проблемы французского архивоведения в XX в. в свете теоретического наследия В.Н. Автократова // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 107–128. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-107-128

The issues of the French archival science during the 20th century in the light of the theoretical heritage of V.N. Avtokratov

Victoria B. Prozorova-Tomas

“Abylsen”, Paris, France;

Magazine “Herald of an Archivist” in Europe, Corbeil-Essonnes, France;

prozorovaviktoriya@gmail.com

Abstract. The article considers the possibilities of applying the general and specific theories of archive studies, created by V.N. Avtokratov, for analyzing the causes and ways of resolving the crisis in the archive studies in France. It shows the similarity of the crisis phenomena observations in the French archive studies made independently by V.N. Avtokratov and Ch. Kecskemeti, and substantiates the scientific significance of analyzing the causes of this crisis, which allows for the development of V.N. Avtokratov's theoretical approach. The document boom of the second half of the 20th century posed a challenge to the entire archival science, but each archival school was to overcome it in a different way. A crisis that occurred in the French archive studies was caused by the departure from the principle of unity of the fund and manifested itself in the changes in the use of archival documents in France. The analysis of that crisis from the theoretical positions formulated by V.N. Avtokratov helped to demonstrate how a weak development of certain theoretical issues (the concept of a creator of a fond, the issues of intra-fund systematization, the notions of value and utility) affected the professional training of archivists and the archival activities in France in terms of acquisition and use, particularly in the field of fund management and the policy of creating archival finding aids. The strong and weak aspects of the French archival theory and practice are shown in the article, and recommendations for the professional training of archivists in Russia are formulated.

Keywords: Avtokratov V.N., French archives, Charles Morras, Charles Kecskemeti, the principle of unity of the fund, the documentary boom, users of records, immigration

The article was submitted 12.09.2023;
accepted for publication 19.02.2024.

For citation: Prozorova-Tomas, V.B. (2024), "The issues of the French archival science during the 20th century in the light of the theoretical heritage of V.N. Avtokratov", *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 107–128, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-107-128

Введение

Чтение работ В.Н. Автократова, и прежде всего его труда «Теоретические проблемы отечественного архивоведения» [Автократов 2001a] навело меня на мысли о французской архивной практике, которыми хотелось бы поделиться. Для удобства изложения проблемы французской архивной практики, ключ для понимания которой содержит этот труд, сгруппированы в три блока: нарушение связи теории с методикой и практикой и вызванный ими отход от принципа единства фонда; актуальность теоретических положений об использовании документов и, наконец, проблемы дифференциации архивных дисциплин и подготовка архивистов.

Нарушение связи теории с методикой и практикой и отход от принципа единства фонда

Как пишущему практику, мне особенно важно было понять, почему во второй половине XX в. произошла деградация архивных теории и практики во Франции, тем более что французская архивистика, в отличие от американской, имела глубокие исторические корни [Автократов 2001a, с. 46] и теоретические достижения мирового значения в XIX в.

В «Теоретических проблемах отечественного архивоведения» В.Н. Автократов аргументированно показал, что основополагающие понятия и принципы архивоведения группируются вокруг ключевого понятия архивного фонда [Автократов 2001a, с. 45], что методическая деятельность обеспечивает внедрение теоретического знания в практику, и апробированные научные решения могут эффективно применяться, если они соотносены с научными положениями более высокого порядка. Он показал, как развивались и применялись в советском архивоведении принцип единства фонда, теория фондирования и ее понятийный аппарат. И советское, и французское архивоведение столкнулись с документным бумом и кризисом комплектования в 1960-е гг., поэтому мне было очень интересно рассмотреть данные процессы во Франции

с обоснованных В.Н. Автократовым позиций. Тем более что многие исследователи, как показала юбилейная конференция памяти ученого, и о чем написал уже в 2015 г. В.И. Тихонов [Тихонов 2015, с. 10], справедливо считают теорию В.Н. Автократова «вершиной отечественного теоретического архивоведения».

Нельзя умолчать, что смысловое ядро советского архивоведения явно отличалось, по мысли В.Н. Автократова, от французского, ибо в последнем на самых высоких уровнях теоретической подготовки с 1960-х гг. уделялось большое внимание вопросам проектирования архивных зданий, а комплексы НТД и ККФД не воспринимались как отличные от документов остального госаппарата из-за общей слабой выраженности в то время в структуре архивной документации в масштабах страны пофондовой классификации, при очень ограниченном внимании ко всей проблематике, связанной с фондозавозателями.

Тем не менее сравнение возможно, поскольку контакты между архивными школами двух стран существуют уже два столетия и уровень развития их теории и методики в принципе сопоставим. Так, для российского (признаки фонда) и для французского (понятие национального достояния [Прозорова 2017, с. 22] архивоведения было одинаково характерным определение, состоящее из «перечисления и описания признаков» [Автократов 2001а, с. 180]. Причем французское понятие «национальных сокровищ» в первой статье Кодекса национального достояния постоянно удлинняется (с мая 2021 г. у него появилась нематериальная компонента – французский язык) и уточняется, в частности через понятие «национального сокровища»¹. К первоначальному определению «совокупность движимых и недвижимых ценностей, находящихся в государственной или частной собственности и представляющих исторический, художественный, археологический, эстетический, научный или технический интерес», в мае 2021 г. были добавлены «нематериальные культурные элементы (согласно международной конвенции от 17 октября 2003 г.) и лингвистическое достояние, состоящее из французского языка и региональных языков <Франции>». Напомним, что определение архивов во французском законодательстве²

¹ Code du patrimoine art. L 1.L111-1; Национальное достояние // Архивная терминология: франко-русские архивные словари М.: РГГУ, 2018. С. 148. Редакция 2021 г. доступна на официальном сайте законодательства Франции (<https://www.legifrance.gouv.fr>). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006074236/LEGISCTA000006129160/#LEGISCTA000006129160 (дата обращения 14.03.2024).

² Code du patrimoine art. L 1.L211-1. Доступно на официальном сайте законодательства Франции (<https://www.legifrance.gouv.fr>). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

не менялось с 7 июля 2016 г., когда в его начало добавили упоминание о том, что «архивы, это совокупность документов, включая данные», превратив определение в плеоназм, так как и раньше оно содержало уточнение, что архивным может быть документ «на любом носителе». Продолжение расширения перечислительных понятий без серьезных методических дискуссий говорит о слабости теории. Хотя и критерием теоретической зрелости выступают не наличие «синтаксических» определений, а применимость, эффективность данных понятий для формирования и развития методики и практики, позволяющих оптимально решать актуальные задачи.

Сравнение опыта России и Франции корректно и потому, что, во-вторых, понятие информационного взрыва у В.Н. Автократова – «резкое нарастание объема документов, образующихся в стране» [Автократов 2001а, с. 165] аналогично понятию третьей архивной революции у Ш. Кечкемети – «проблема документной «массы», которую архивы должны обрабатывать». Правда, Ш. Кечкемети добавляет еще критерий «органической включенности архивов в систему государственных учреждений и интеллектуальную жизнь», но они не противоречат теоретическим воззрениям В.Н. Автократова [Kecskemeti 2000, p. 14]. И российское, и французское архивоведение столкнулось с экспоненциальным ростом объема документных фондов. Однако положение двух архивных отраслей существенно различалось.

Прежде всего во второй половине XX в. во Франции и в СССР была разная динамика изменений госаппарата. Во Франции структура министерств и подчиненных им центральных учреждений менялась очень часто, иногда хаотично, сравнительно со статичностью советского госаппарата. Поэтому для СССР было адекватно предложенное В.Н. Автократовым определение «источников комплектования» как «фондообразователей, документы которых поступают на государственное хранение» [Автократов 2001а, с. 163]. И в ситуации советской стабильности В.Н. Автократов обоснованно посчитал излишним применять понятие «фондодержателя» к юридическим лицам.

Во Франции ситуация была и остается кардинально иной: юридическое лицо, передающее документы на хранение (фактически «фондодержатель»), очень часто не является фондообразователем: либо это новая структура, унаследовавшая функции предыдущей, либо это результат слияний и разделений каких-либо юридических лиц, иногда с передачей им полномочий, – и архивов как

www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006074236/LEGISCTA000006159940/#LEGISCTA000006159940 (дата обращения 14.03.2024).

инструментов их осуществления, – третьих юридических лиц, ликвидированных некоторое время назад. Такая ситуация не создала для французских архивистов посылков для размышления над понятием фондообразователя, а понятия «источник комплектования» и «фондодержатель» для архивистов-практиков стали почти равнозначны.

Понятие «фондообразователя» во Франции не сложилось, потому что после Первой мировой войны и до сего дня учреждения центрального аппарата, работа с фондами которых могла бы его сформировать, имеют чрезвычайно зыбкие внешние границы и абсолютно непостоянную внутреннюю структуру (переименование, слияние подразделений и перераспределение функций между ними каждые 3–5 лет). Документный бум после Второй мировой войны ухудшил ситуацию во Франции. При отсутствии номенклатур фонды подразделений внутри министерств часто перемешивались, и в 1960-е гг. в государственные архивы начали поступать произвольные части фондов, названные в 1979 г. «поступлениями». Этот термин никак не был теоретически обоснован, потому что любое его обоснование вынудило бы французских коллег признать факт отхода от принципа единства фонда, ведь «поступление» – «переданная на хранение в архив *произвольно* (курсив мой. – В. П.) выбранная фондообразователем часть архивного фонда»³.

Здесь мы видим, как внешняя по отношению к архивному делу ситуация, – управленческая чехарда в Третьей, Четвертой и в особенности Пятой республиках, – нанесла урон не только управлению страной и документальной памяти об этом управлении, но и отрицательно сказалась на развитии архивной науки.

Тот же документный бум привел к возникновению в отечественном архивоведении понятия документного фонда, наряду с уточнением понятия об архивном фонде. Тихонов справедливо указал, что для В.Н. Автокротова ядром общей теории архивоведения было фондообразование [Тихонов 2015, с. 14]. Судя по тому, что наше архивоведение справилось с последствиями архивной революции и не отошло от принципа единства фонда – это действительно так. На мой взгляд, ядром французского архивоведения является представление об архивах как о специфическом виде национального достояния, которое возникает спонтанно, сохраняется под влиянием принципа уважения к фонду и используется обществом и государством в работе с исторической памятью. Именно потому, что принцип единства фонда не был предметом теоретических размышлений французских архивистов, им и не удалось его сохранить.

³ Франко-русский глоссарий (2018) // Архивная терминология: франко-русские архивные словари. С. 194. Франко-русский глоссарий (2018) // Архивная терминология: франко-русские архивные словари. С. 194.

Забота о чистоте фондов и оптимизация их структуры мало свойственны французской архивной практике: нередко архивная власть настаивает на включении в «поступление» от учреждения документов, которые данному архиву не удалось получить другим путем. Как правило, речь идет о документах, полученных для утверждения или принятия к сведению, которые по перечням должны были быть сданы в исторический архив другим учреждением, чего не случилось из-за отсутствия в штате архивиста или из-за разрыва связи с архивом после переезда. Эту практику можно было бы оценить положительно, если бы потом проводилось воссоздание фондов из таких вот «следов» и «осколков». Но этого не случается, поскольку объединяющие рамки «серии» считаются достаточными.

Поскольку принцип происхождения применяется прежде всего на этапах фондирования и классификации / систематизации [Автократов 2001а, с.121], то отход от него французской архивной практики именно на этих этапах действительно имел катастрофические последствия.

Мы уже писали о том, что НСА до 2011 г. даже в Национальном архиве никак не связывал поступления между собой, а третья версия программы Priam, внедренной в 1977–1978 гг., Priam-3 (1989 г.) сделала лишь первые шаги к выявлению «поступлений» одного фондообразователя, позволив полнотекстовый поиск по заголовкам «поступлений» и названиям источников комплектования. Теоретическая опасность такого подхода также показана В.Н. Автократовым на российском материале, дававшем для этого куда меньше примеров. «Необходимо, – настаивал В.Н.Автократов, – ...соединять пофондовую систематизацию с основными вехами исторического развития учреждений, а именно это “кусочно-разрывная” система поступлений и не позволяет делать». Разбивка фондов на «поступления», насколько мне позволяет судить опыт работы в центральных и напрямую им подчиненных учреждениях, обусловлена в той же степени этапами истории фондообразователя, в какой и наличием или отсутствием помещений для архива или переездом в новое здание. А еще Борис Иосафович Анфилов, которого цитировал В.Н. Автократов, считал, что «простое переименование и передача учреждения другому ведомству также не связаны с возникновением нового фондообразователя [Автократов 2001а, с.182], но во Франции во второй половине XX в. эти факты всегда обуславливали обособление нового «поступления».

Справедливо будет указать, что, даже описывая раздробленные на «поступления» фонды, французские архивисты с момента внедрения ПО Приам-3 в 1989 г. стремились, чтобы между этими частями не возникало информационной противоречивости: при подготовке поступлений серии W в Национальный архив и в неко-

торые департаментские архивы от источника комплектования требовали, чтобы принцип систематизации документов в описи хотя бы примерно соответствовал принципам, примененным в предыдущих описях того же фонда, т. е. если уже была принята, например, структурно-хронологическая схема систематизации, ее рекомендовали соблюдать для следующих «поступлений» данного фонда. Можно говорить о том, что «поступление» является скорее учетной, чем классификационной единицей. Но на практике с различными поступлениями одного фондообразователя архивисты не работают всегда как с одним фондом, хотя в последнее время и появились описи «поступлений» от одного фондообразователя, а наименее удачные «поступления» проходят пересистематизацию в Национальном архиве. Большинство проблем раздробления фондов в серии W национальных и департаментских архивов могло бы быть решено через создание объединенных архивных фондов по признакам, которые указал Автократов [Автократов 2001a, с.185], но во французском архивоведении и этого понятия не сложилось.

В свете теоретических воззрений Автокротова становится ясно, что причина архивного нестроения во Франции периода третьей архивной революции – именно не сформированная полностью теория фондирования, если ее определять как «совокупность научных установок на фондовую организацию документов в соответствии с их происхождением» [Автократов 2001a, с. 179] и ее понятийный аппарат. За более чем столетие работы в соответствии с принципом единства фонда французская архивная теория не обрела достаточную устойчивость, чтобы ее ядро, – сформулированный с французскими особенностями «мягкий» принцип единства фонда, – смог решить новые задачи и загадки, предложенные новым документным бумом. Именно поэтому серии-склады (W) с валовой нумерацией поступлений (частей фондов) внутри хронологического года и без всякой их связи между собой в собственно фонды так прочно утвердились в практике работы департаментских архивов.

Случившийся во французской архивной практике отход от принципа единства фонда полностью подтвердил постулат В.Н. Автокротова о необходимости проверки методики теорией: именно когда французские методисты в 1960-е гг. перестали сопоставлять принимаемые ими решения с научной формулировкой принципа единства фонда, и произошел этот разрыв, на преодоление которого ушло около 50 лет. Если применить понятия и положения теории фондирования, сформулированной В.Н. Автократовым, к французской архивной практике комплектования и описания в форме «поступлений», то можно прийти к интересным выводам о причинах современных кризисных явлений во французском архивоведении.

Понятие «фонда» к концу XIX в. замерло в своем развитии, и весь XX в. почти ничем не обогатилось. После учебника Дежардена (1890 г.) никто определение фонда не уточнял. Возможно произошло потому, что оно возникло внутри системы «серий» и продолжало развиваться внутри этой смешанной происхожденческо-тематической схемы классификации, оперирующей большими группами фондов и их разделами, называя и то и другое сериями. Эта стагнация не ускользнула от внимательного взгляда В.Н. Автократова, который был знаком с курсом лекций и определением фонда Дежардена и согласился с негативной оценкой В.А. Черных «принципа уважения к шифрам», к сложившимся схемам классификации [Автократов 2001b, с. 301–302].

В 1960-е гг. французские архивисты дали лишь уточняющие понятия «открытого», «закрытого» и «частного» фондов. В то же время куда динамичнее развивалось понятие классификационной единицы больше или меньше фонда с неясным основанием – «серии». «Серии», как и фонды, могут быть «открытыми», «закрытыми», «древними», «органическими» (это очень важное прилагательное, описывающее связь между документами, отсутствовало в определении фонда у Дежардена) и «учрежденческими». Состоящие из нескольких десятков фондов, «серии» двух последних типов похожи на объединенные архивные фонды или группы фондов одной категории, созданных фондообразователями одной подчиненности. Появление «учрежденческих» серий можно рассматривать как внедрение принципа единства фонда во французскую архивную практику, а можно и как подтверждение того, что понятие «фонда» оказало сильнейшее влияние на эволюцию понятия «серии», как все более основанной на принципе происхождения единицы классификации, но не смогло преодолеть каркаса серий и заменить это понятие в практике местных, департаментских, крупных ведомственных и Национального архивов. При этом Л. Фавье открыто признала, что понятие серии не соответствует реалиям фондов [Прозорова 2017, с. 242].

Поскольку принцип единства фонда был сформулирован, исходя из практики ответов Административной секции Национального архива на все возрастающий в 1830-х гг. поток ведомственных запросов от фондообразователей, возможно, этот принцип воспринимался лишь как описание существовавшей профессиональной практики.

Когда «Циркуляр святого Сильвестра» 31 декабря 1979 г. приостановил комплектование «старых» серий, заменив их на серию-склад «W», французские архивисты, по сути, сделали то же самое, что и в 1841 г.: попытались если не теоретически, то методически обосновать новую ситуацию, новую практику работы в комплектовании «силой эмпиризма».

Объяснение терминологической слабости французской теории фондирования и вызванной этим ее неспособности констатировать отклонения практики от теории, мы также находим у В.Н. Автократа. Он указал, что для появления категории фонда требуется развитие истории государственных учреждений [Автократов 2001а, с. 153], причем не только высших и политических эпохи Старого порядка и XIX в., как это до 1980-х гг. преподавалось в Школе хартий, а современных, центральных и местных, как преподавали и преподают в ИАИ РГГУ. Ни один из десяти шартистов, которым В. Прозоровой удалось задать этот вопрос, не считал, что курс «истории государственных учреждений», читавшийся в Школе хартий в 1993–1999 гг., оказал существенное влияние на их формирование как профессионалов. И это так же, как и отсутствие монографических исследований по всему, а не только высшему государственному аппарату Пятой Республики, очень показательны.

В.Н. Автократов указал и на другие отдаленные последствия слабости истории государственных учреждений для теории фондирования: при отсутствии понятия фондообразователя нет существенного стимула для специального изучения с позиций архивоведения его истории и нет источника правильных суждений об условиях фондообразования, границах и структуре фондов [Автократов 2001а, с. 111]. Таким образом, во Франции существовали и теоретические предпосылки для возникновения порочного круга, в котором не могло сложиться понятие «категории фонда», а вместо фондообразователя использовалось понятие «источника комплектования».

Поскольку последние 70 лет во Франции стратегия отбора на хранение реализуется через составление исключительно отраслевых перечней, мы можем сказать, что сама рефлексия о важности тех или иных фондов заперта в рамках каждой отдельной отрасли. Это неудивительно, поскольку разработка этих стратегий доверена миссиям Национального архива, которые как раз и копируют отраслевую структуру. Еще одним последствием стагнации развития учения о фонде стало отсутствие представления о категориях фондов, которые в российском архивоведении отражают их информационный потенциал.

Последовательно выстроенное поколениями «шартистов» сосредоточение французского архивоведения на исторических документах придало ему «исторический» характер, импониовавший французским архивистам и историкам, обусловило направление его методических усилий на интерпретацию, включение в научный оборот и использование наиболее ценных исторических источников (аналогичных по значимости документам российских фондов I категории), но в то же время заложило медленную

бомбу под его теоретическое развитие в XX и XXI вв. Е.В. Старостин считал этот «исторический» характер не минусом, а достойной изучения особенностью, но он также отмечал, что «западным архивистам свойственно пренебрежительное отношение к изучению теоретических основ архивоведения» [Старостин 1997, с. 41]. В.Н. Автократов также не восхищался таким методическим креном французского архивоведения, а проницательно заметил, что позиционирование архивов как «житниц» или «лабораторий» истории «привело к радикальному разрыву между учреждениями и историческими архивами» [Автократов 2001а, с. 35]. Разрыв между французской архивной теорией XIX в. – 1930-х гг. и последующей архивной практикой связан в том числе и с тем, что архивная служба выпустила из рук методическую опеку, прежде всего над центральными госучреждениями и их текущими архивами после 1919 г. В самом начале обратного движения французской архивной отрасли к фондообразователю, отразившимся в учебнике 1970 г., В.Н. Автократов увидел это стремление восстановить связи с фондообразователем. Для нас исключительно важно, что Владимир Николаевич связывал успех этого демарша с развитостью теоретической базы архивоведения [Автократов 2001а, с. 35].

С работами Шарля Кечкемети, Бруно Галана и Мари-Анн Шабен французское архивоведение вступило в теоретическую стадию, но мы серьезно опасаемся, что значительное понижение как качества населения за счет эмиграции из стран Африки и арабского мира, так и качества подготовки специалистов архивной отрасли, одновременно с уменьшением финансирования политики по сохранению документального наследия приведут к тому, что оно либо не успеет завершить теоретическую стадию, либо не успеет внедрить ее достижения в архивную практику до исчезновения современной французской цивилизации. Сегодня мы знаем, что пока эта попытка восстановить контроль над фондообразователями не увенчалась успехом.

В.Н. Автократов не просто констатировал, что современное понятие фонда отличается как от классической формулировки «принципа уважения к фонду» во французском архивоведении XIX в., так и от «провениенципринципа», применявшегося в XIX в. в германском архивоведении. Он, по мнению Е.В. Старостина, внес решающий вклад в разрушение негативного отношения к «регистрацпринципу» в советском архивоведении и в формирование современных представлений об архивном фонде [Старостин 1997, с. 49.]. Эта оценка была дана еще до выхода главной работы В.Н. Автократова. Сделаем еще одно предположение: возможно, именно доработка этого, пусть и «перечислительного», определения фонда, его присутствие в сфере профессионального внимания

советских архивистов и придало нашей архивной системе дополнительную устойчивость. Важно, что В.Н. Автократов показал, как именно через несколько последовательных дискуссий методически более зрелое советское архивоведение смогло найти лучшее решение, чем французское.

Важность развитой теоретической базы национального архивоведения позволяет оценить следующие факты: после Второй мировой войны один и тот же феномен («документный бум», «архивная революция») спровоцировал в СССР дискуссию 1958–1963 гг. [Хорхордина 2022, с. 457–461] о методах комплектования, и допустимости выборочного комплектования как в отношении частей фондов, так и в отношении целых фондов, а во Франции он привел к исключению принципа пофондовой систематизации из работы по комплектованию (официальное утверждение произвольной разбивки фондов на «поступления» с валовой нумерацией последних внутри календарного года, даже если они происходят из разных фондов и без обязательной пересистематизации).

При сравнительном изучении истории французского и советского архивоведения XX в. поражает, насколько тот факт, что наши архивисты постоянно разрабатывали теоретические основы архивоведения (в 1920-е гг. это было понятие архивного фонда, в 1930-е гг. развивались принципы выборочного комплектования, и было дано понятие фондообразователя, – напомним, что во Франции оно до сих пор четко не сформулировано, – позволил минимизировать ущерб исторической документной памяти от еще одной «архивной революции»). К моменту последней архивной, точнее документно-компьютерной революции, начало которой Ш. Кечкемети относил к 1919–1945 гг. [Прозорова 2015], российское архивоведение подошло более подготовленным, и благодаря наличию теоретического и методического инструментария мы потеряли в этом цунами послевоенной массы документов гораздо меньше интересных источников, чем французы. Наша система приема на хранение и учета, в отличие от французской, не сломалась. Отечественные коллеги смогли сохранить связи между документами одного фонда, связи между органически связанными между собою фондами и связи между учреждениями и подразделениями – правопреемниками. Это чрезвычайно важно для эффективного функционирования не только исторической науки, но и государственного аппарата.

Положения теории фондирования, разработанные В.Н. Автократовым, позволили выявить во французской архивной практике и другие, более отдаленные, но явные последствия отхода от принципа уважения к фонду. Так, В.Н. Автократов обосновал очень интересное положение, что творческое развитие принципа единства фонда в ситуации документного бума и использование этого

принципа для его преодоления в 1960 – начале 1970-х гг. дало толчок для развития в СССР в 1970-е гг. теории научно-справочного аппарата и теории научной и управленческой ценности архивных документов.

Во Франции, напротив, отход от принципа единства фонда привел к последовательной деградации научно-справочного аппарата на протяжении 30 лет и прекращению всяких научных дискуссий о его развитии. Интуитивно понимая, что эти два явления связаны между собой, мы нашли объяснение этой глубинной связи только у В.Н. Автократова: «В 1960-е годы было утеряно имевшее прежде понимание того, что пофондовая и внутрифондовая систематизация – единая предметная область» [Автократов 2001а, с. 44]. Правда, ученый адресовал этот упрек советским архивистам, но я полагаю, что в гораздо большей степени его можно адресовать французским коллегам. Еще одним важным следствием отхода от принципа единства фонда в комплектовании и описании публичных архивов Франции стал механистический подход к созданию НСА: наиболее распространенным архивным справочником стал «обзор новых поступлений», потому что составление любого другого аналитического справочника требовало комплексной экспертизы поступлений, формирования фондов или отказа от принципа происхождения. «Обзор новых поступлений» составляется и обновляется по хронологическим критериям, и его составление не ставит перед архивистами неудобных вопросов, по замечанию В.Н. Автократова, что «появление ложных внутрифондовых структур создаёт дезинформирующий эффект, проявляющийся уже на стадии поиска документов и влекущий последующие искажения содержательного характера» [Автократов 2001а, с. 178]. Первый шаг к осознанию и преодолению этой проблемы был сделан в 2000-е гг. с появлением обзоров поступлений определенных министерств или центральных учреждений, а завершающий – в 2011 г. с созданием автоматизированного (по стандарту ЕАС–CPF) списка комплектования для Национального архива.

В завершение обзора этой проблемы необходимо подчеркнуть объясняющую силу теоретических построений В.Н. Автократова. Ученый таким образом сформулировал теорию фондирования и ее понятийный аппарат, что, применяя их как к отечественной, так и к французской архивной практике (причем рассмотрение последней она не предполагала), мы можем не только выявить методические недостатки, но и объяснить их причины, лежащие в области теории. Он обосновал наличие тесной связи между наличием и практическим применением понятий «фондообразователь» и «категория фонда» как источников правильных суждений об условиях фондообразования, границах и структуре фондов [Автократов 2001а,

с. 111, 153] и развитостью национальной истории всех, а не только «престижных» и высших государственных учреждений.

Особенно хочется отметить аналитическую актуальность положений теории фондирования. Поразительно, что систематизированный В.Н. Автократовым актуалистический метод выявления лакун и восстановления единства фондов был сформулирован им на основе анализа эмпирического материала задолго до того, как уже после его кончины, в 1993 г., началась разработка архивного описания в ЕАД–ЕАС в калифорнийском университете Беркли. С распространением этой методики описания фондов и фондообразователей теоретические положения, высказанные В.Н. Автократовым, обрели действительно непреходящую ценность [Автократов 2001а, с. 87] для отбора методик описания, позволяющих оптимально восстанавливать единство фондов и историю фондообразователей. Особенно в свете позднейшего появления менее удачных онтологий, либо субъективистских, либо перегруженных несущественными характеристиками фондообразователей и фондов, являющихся образцами того леса, за которыми не видно деревьев.

Актуальность теоретических положений об использовании документов на примере Франции

Теоретические подходы к использованию архивных документов, к проблеме их ценности и востребованности, разработанные В.Н. Автократовым, также позволяют лучше понять особенности происходящих в архивах Франции процессов.

Архивоведение как практическая область деятельности воздействует на документный фонд страны, преобразуя его в архивный при помощи методики, и делает этот архивный фонд доступным как для построения логического и научного дискурса о национальной и мировой истории, так и для общества, не исключая и коллективное общественное бессознательное. Сложно спорить с тем, что «фактор актуализации составляет социальный смысл существования и развития архивной информационной среды» [Автократов 2001а, с. 98]. «Смысл и конечная цель существования архивов и всей государственной архивной службы – обеспечение общества необходимой ему документной ретроспективной информацией», – писал В.Н. Автократов [Автократов 2001а, с. 25]. Ценю это определение, но мне всегда хотелось добавить к нему «и государства», ведь интересы государства и общества до некоторой степени никогда не совпадают, а ответственность за сохранение документальной памяти народа лежит на них обоих.

Автократов отметил два очень важных для успешного использования архивных источников фактора: «подготовленность аудитории к восприятию информации и соответствие информации содержанию потребностей в ней» [Автократов 2001а, с. 256]. Во Франции серьезно нарушены обе эти предпосылки использования национального архивного фонда: первая – из-за катастрофического снижения уровня образования (периоду правления Наполеона I во французском лицее уделяется 15–20 минут, тогда как в российской средней школе – это три урока), а вторая – из-за замены коренного французского населения мигрантами. По принципу обратной связи постоянно понижающийся уровень исторической компетентности населения отражается и на архивном деле. Во Франции из-под пера архивистов для широкой публики по-прежнему выходят только классические тематические или посвященные фондам одного архива путеводители, тогда как в России уже появились научно-популярные издания нового типа, «основным сюжетом которых является история эволюции персональных документов официального происхождения» [Слепцова 2020, с. 154], которыми французский исследователь семейной истории, не имеющий исторического образования, просто не смог бы пользоваться. Во Франции существуют неплохие методики привлечения в архив потенциальных потребителей информации, но они не решают названных проблем.

Кризис государственности и значительные изменения структуры и характеристик общества затронули архивное дело, и архивная отрасль также переживает потрясения. Эти потрясения могут быть связаны не столько с тем, что в архивы МИД и высших и центральных учреждений придут «революционные матросы» («желтые жилеты» или «моджахеды»), сколько с тем, что само изменившееся общество изменит фокус своих интересов в отношении исторического прошлого. В результате современного «переселения народов» может случиться, что внутри общности «французский народ» одна коллективная личность, связанная с территорией Франции и проживавшими на ней французами и европейцами, будет в течение трех ближайших поколений заменена на другую коллективную личность, связанную с Северной и Центральной Африкой. И тогда вся накопленная в государственных архивах информация о прошлом Франции не будет иметь для этих людей почти никакой актуальности или полезности, что будет куда трагичнее, чем использование в департаментах Оран и Константин на территории современного Алжира в XIX в. школьных учебников по истории, начинавшихся фразой «наши предки галлы», хотя эти явления взаимосвязаны. Собранные за предыдущий исторический период фактически другим обществом документальные сокровища могут очень быстро оказаться невостребованными. Причем отсутствие запроса

на ретроспективную информацию может быть как пассивным, так и активным, доходящим до вандализма, как это было после революций 1789 г. во Франции и 1917 г. в России. Вандализма можно избежать, только если привить новому населению любовь к истории Франции. Казалось бы, архивная служба должна стать эффективным инструментом решения этой задачи. Но в реальности, поскольку отсутствует политическая воля для консолидации французской нации, происходит совершенно другой процесс. Уже сегодня мы можем говорить о смещении вектора актуальности в сторону иммиграционной и колониальной проблематики как о свершившемся факте. Это изменение общественных запросов и адаптация к ним политики создания научно-справочного аппарата и, в целом, научно-популяризаторской работы французской государственной архивной службы очевидны. В 1999–2005 гг. ассоциация «Женерик», созданная в 1987 г. для сохранения памяти иммиграции во Францию и в Европу, подготовила при участии и содействии архивной службы Франции справочник в четырех томах «Иностранцы во Франции. Путеводитель по государственным и частным архивам: XIX–XX вв.»⁴. Примечательно, что он был издан с предисловием министра культуры той поры. Первые три тома были посвящены департаментским архивам в алфавитном порядке наименований департаментов, а четвертый том – Национальному архиву. Разумеется, проект такого масштаба мог быть реализован только при помощи архивной службы. По размаху это был национальный проект, затмивший собой, если говорить о мобилизации внутренних ресурсов архивов, годовщины революционных войн и Первой империи. Не потому ли, что не так много осталось во Франции тех, чьи семьи пережили вместе со страной XIX век? В 2021 г. не менее 40% современных граждан Франции имели иностранные корни. Во всяком случае, это направление истории «Другого» получило дальнейшее развитие: в 2007 г. был подготовлен первый путеводитель по источникам о работорговле во французских архивах⁵, в 2015 и 2017 гг. вышли путеводители по источникам по генеалогии и Мартиники⁶ и заморских территорий Франции, а в 2019 г. был создан «Фонд

⁴ Les étrangers en France [Texte imprimé]: guide des sources d'archives publiques et privées: XIXe – XXe siècles en 4 volumes. Paris: Direction des archives de France, 1999–2005.

⁵ Guide des sources de la traite négrière, de l'esclavage et de leurs abolitions / sous la direction de Claire Sibille... avec le concours des Services d'archives publics. la Direction des archives de France. Paris: la Documentation française, 2007. 625 p.

⁶ Taffin Dominique, Meslien Athanase. Guide d'aide à la recherche généalogique en Martinique / Conseil général de Martinique. Archives

памяти о рабстве», координирующий всю работу в стране по выявлению источников на эту тему. Очевидно, что французская архивная служба не только адаптируется к запросам меняющегося общества, но и использует свои документы и человеческие ресурсы для участия в политике национального примирения ситуации назревающей во Франции гражданской войны. Эти сборники и связанные с их публикацией выставки обслуживают общественный запрос нового вышедшего из иммиграции французского населения на мягкую версию ВЛМ и на покаяние французского государства за его действия в отношении предков иммигрантов, которые в очень недалеком будущем составят большинство населения Франции.

Взгляд на эти процессы с точки зрения сформулированной В.Н. Автократовым теории использования позволяет предположить, что существуют значительные риски продолжительной сохранности для отложившихся во Франции документальных комплексов. Поэтому мы рекомендуем всем заинтересованным в выявлении и введении в научный оборот архивной россики специалистам активизировать усилия, в том числе и с использованием положения об «общем архивном достоянии», сформулированным Ш. Кечкемети, чтобы сохранить для российской исторической науки источники о русской диаспоре во Франции и о франко-русских отношениях.

Проблемы дифференциации архивных дисциплин и подготовка архивистов

Хочется сказать немного о продолжающейся дифференциации архивоведения и его интеграции с другими информационными дисциплинами, о которых так много размышлял Владимир Николаевич Автократов. Вопрос о том, являются ли дипломатика, история государственных учреждений, источниковедение и археография составляющими науки об архивах, очень важен [Автократов 2001а, с. 31]. От ответа на данный вопрос зависит, имеют ли архивисты, – как практики, так и теоретики, – право определять, что именно является допустимым в использовании исторических документов, в частности какая публикация ключевых источников (например, в форме регеста) имеет научный и достоверный характер, а какая является формой их фальсификации за счет вырывания документов или их отрывков из контекста, некорректной работы с версиями текста. Археографическая компетенция историков в значительной

départementales de Martinique. Archives départementales de la Martinique, 2015. 45 p.

степени определяет их возможность повлиять на дискуссии о фальсификации истории. Во Франции, где история государственных учреждений и археография развиты крайне слабо, в 2018 г. произошло характерное событие. Национальный архив, занимавшийся с 1979 г. составлением календаря памятных событий французской истории, был лишен этой функции. Это произошло после исключения годовщины рождения Шарля Моррасса, все влияние которого на правые политические силы Франции, включая Ш. Де Голля, свели к антисемитизму, из списка памятных дат⁷. Почти все официальные консультанты – историки Комитета по памятным датам при Национальном архиве (10 из 12 историков, профессионально работавших в архивах) в ответ на этот акт политической цензуры вышли в отставку. И с 2021 г. комитет, ответственный за разработку календаря памятных дат, уже в новом составе, стал называться «Память Франции» (*France Mémoire*) и подчиняться политкорректному и официозному Институту Франции – аналогу Академии наук, всегда отличавшемуся сильнейшим элитизмом и консерватизмом. Напомним лишь, что именно из Института Франции Ш. Моррасса и исключили в декабре 1944 г. Это еще один яркий пример победы политкорректности над объективностью.

На французском и российском материале осмелюсь предположить, что чем меньше интерпретирующих и объясняющих источник дисциплин включается на конкретном историческом этапе в конкретной стране в архивоведение (прежде всего при подготовке архивистов), тем в более политизированный дискурс вписывает власть исторические источники, запрещая их хранителям выразить свою точку зрения, а пользователям – сформировать ее. Представляется, что вопрос о составе научно-учебной дисциплины «архивоведение» напрямую связан с практикой использования архивных документов. Однако на разных этапах развития архивоведения его состав определялся различно несколькими теоретиками, как это убедительно показал В.Н. Автократов в своей монографии. Повидимому, дифференциация научных и научно-практических дисциплин является необходимым этапом их развития. На примере Франции это подтверждает опыт выделения из практики сохранения «национального достояния» защищающих его отдельных дисциплин (библиотечного, архивного, музейного дела, археологии, защиты памятников архитектуры и государственного краеведения (инвентаря)) в Эпоху просвещения и их последующая интеграция в глобальную концепцию «национального достояния» в конце XX в.

⁷ Доступ к статье в историческом онлайн-журнале «Геродот»: URL: https://www.herodote.net/Maurras_Commemorer_ce_n_est_pas_celebrer_actuelite-300.php (дата обращения 14.03.2024).

[Прозорова 2017, с. 53, 160–161]. Но для того, чтобы дифференциация не привела к разрыву между некогда едиными дисциплинами (будь то науки об архивах и исторических источниках или научно-практические дисциплины, защищающие «национальное достояние» – «историческое наследие») и была бы возможна интеграция на новом, более высоком теоретическом и методическом уровне, необходимо поддерживать живую связь между ними.

Признаюсь, мне сложно было согласиться с В.Н. Автократовым в том, что «документоведение – прикладная дисциплина науки о социальном управлении, а не часть архивоведения» [Автократов 2001а, с. 92]. В.Н. Автократов признавал, что и признаки фонда были сформулированы потому, что «архивоведческая мысль глубоко проникла в сферу документообразования» [Автократов 2001а, с. 183], фактически документирования. Поэтому полагаю, что в интересах архивистов считать, что документоведение – часть как управленческих наук, так и архивологии в понимании Е.В. Старостина, поскольку оно изучает закономерности документирования, а отсутствие этого архивологического элемента в теории, а затем и в методике работы, может способствовать отрыву текущего или ведомственного архива от исторического, со всеми известными нам по французскому опыту последствиями, о которых мы уже сказали.

Наблюдая за архивной наукой и архивным образованием во Франции, я пришла к выводу, что поддержание такой междисциплинарной связи, сохраняющей, по сути, научно-учебную целостность дисциплины «архивоведение» и формирующей корпус всесторонних и достаточно гибко подготовленных профессионалов, возможно лишь при условии, что в процессе подготовки архивистов в вузе и вузе достаточно широко представлены все архивные дисциплины и достаточно подробно изучены их теоретические основы. К сожалению, большинство архивных факультетов Франции, за исключением Школы хартий, не отвечают этому требованию. Но практически на всех архивных факультетах как университетов, так и высших прикладных школ сохраняется связь архивоведения с другими дисциплинами, занятыми изучением и сохранением «национального достояния». Знакомство с последствиями этого странного перекоса побуждает меня просить всех имеющих отношение к обучению российских архивистов очень бережно относиться к советскому наследию в высшей школе и сохранить все то лучшее в программах специального и высшего образования, что обеспечивает подготовку архивистов самой широкой компетенции. При выходе из Болонского процесса, который, в сущности, готовит поверхностных недоучек, «проскакавших» несколько лет по разным факультетам и получивших диплом со специальностью последнего года обучения, нам необходимо сохранить унаследованную от советской высшей

школы, а также российской и германской традиций фундаментальную подготовку историков-архивистов. Сохранив наше традиционное архивное образование, мы тем самым сохраним баланс между дифференциацией и интеграцией архивоведения и смежных с ним дисциплин и увидим, как российское архивоведение, независимо от возможной внешнеполитической изоляции, выйдет ко второй половине XXI в. на новый теоретический уровень.

Заключение

Хотя положительная оценка В.Н. Автократовым французского архивоведения конца 1970-х гг. как соблюдающего принцип единства фонда (поскольку последствия «новогоднего» циркуляра 1979 г. в то время еще не проявились в полной мере), к сожалению, устарела, гораздо важнее, что научная программа исследования архивной теории, а также определения и теоретические положения, предложенные В.Н. Автократовым, сохранили свою актуальность. Разработанные В.Н. Автократовым теоретические положения и сегодня сохранили объяснительную и предсказательную силу, они будут актуальны до тех пор, пока ядром архивной теории будет оставаться принцип единства фонда.

Сделанный В.Н. Автократовым на французском материале анализ понятий позволил очень четко объяснить причины методических проблем пробелами в теории фондирования, оценить риски для использования документов французских архивов в будущем и важность сбалансированных научных программ для подготовки архивистов.

Разработанные В.Н. Автократовым частные архивоведческие теории позволяют оценивать состояние архивной теории и методики не только российского архивоведения, но и архивоведения других стран, использующих принцип единства фонда.

Литература

- Автократов 2001а – *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения / предисл. Т.И. Хорхординой. М., 2001. 392 с.
- Автократов 2001б – *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. С. 299–312.
- Прозорова 2017 – *Прозорова В.Б.* Архивы – национальное достояние Франции XVIII–XX вв. СПб.: Алетейя, 2017. 382 с.

- Прозорова 2015 – *Прозорова В.Б.* Шарль Кечкемети: Жизнь архивиста // Труды ИАИ РГГУ. 2015. Т. 41. С. 335–359.
- Kecskeméti 2000 – *Kecskeméti Ch.* La problématique actuelle des archives // Kecskeméti Ch. Suveregny disputed claims professional culture essays of archival policies. Bruxelles, 2000. 365 p.
- Тихонов 2015 – *Тихонов В.И.* Архивная теория В.Н. Автократова: анализ основных положений и подходов // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 1. С. 9–28.
- Слепцова 2020 – *Слепцова А.А.* «Каждый человек на протяжении своей жизни неизбежно и постоянно сталкивается с необходимостью использовать различные документы»: к выходу в свет книги «История документов в России в лицах и судьбах (историко-правовые и документоведческие аспекты)» / под общ. ред. В.Н. Егорова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2020. 376 с. // История и архивы. 2020. № 2. С. 149–156.
- Старостин 1997 – *Старостин Е.В.* Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М.: Русский мир, 1997. 332 с.
- Хорхордина 2022 – *Хорхордина Т.И.* История архивов и архивного дела в России. М., 2022. 626 с.

References

- Avtokratov, V.N. (2001), *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya*. [Theoretical issues of the Russian archival science], Moscow, Russia.
- Avtokratov, V.N. (2001), “From the history of the formation of classification representations in archive studies during 19th – early 20th century”, in Avtokratov, V.N. *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of Russian archival science], Moscow, Russia, pp. 299–312.
- Prozorova, V.B. (2017), *Arkhiy – natsional’noe dostoyanie Frantsii XVIII–XX vekov* [Archives as a national heritage of France in the 18th – 20th centuries], Aleteya, Saint Petersburg, Russia.
- Prozorova, V.B. (2015), “Charles Kecskeméti. The life of an archivist”, in Trudy IAI RGGU [Proceedings of the IAI RGGU], vol. 41, pp. 335–359.
- Kecskeméti, Ch. (2000), « La problématique actuelle des archives », in Kecskeméti Ch., *Suveregny disputed claims professional culture essays of archival policies*, Brussels, Belgium.
- Tikhonov, V.I. (2015), “Archival theory of V.N. Avtokratov. The analysis of the main provisions and approaches”, RSUH/RGGU Bulletin. Series “Records Management and Archive Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security”, no. 1, pp. 9–28.
- Sleptsova, A.A. (2020), “ ‘During their lifetime, every person inevitably and repeatedly faces a need to use various documents...’: on the publication of the book ‘History of documents in Russia. Personalities and fates’ (historical, legal and records management aspects)”, ed. by V.N. Egorov, Ul’yanovsk: Korporatsiya tekhnologicheskogo prodvizheniya, 2020, 376 p.”, *History and Archives*, no. 2, pp. 149–156.

- Starostin, E.V. (1997), *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Foreign archival science. Issues of history, theory and methodology], Russkii mir, Moscow, Russia.
- Khorhordina, T.I. (2022), *Istoriya arkhivov i arkhivnogo dela v Rossii* [History of archives and archives administration in Russia], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виктория Б. Прозорова-Томас, кандидат исторических наук, Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе (Корбей-Эссон, Франция); Франция, 91100, г.; prozorovaviktoriya@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-2583-2519

Information about the author

Victoria B. Prozorova-Tomas, Cand. of Sci. (History), Abylsen group consultant, Head of mission of the magazine “*Herald of an Archivist*” in Europe, Corbeil-Essonnes, France, 75000;; prozorovaviktoriya@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-2583-2519

Теория архивоведения: становление принципов и метода классификации исторических документов

Ирина В. Сабенникова

*Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела, Москва, Россия,
sabennikova@mail.ru*

Аннотация. В задачу данной статьи входит реконструкция вклада в общую теорию архивоведения принципов и метода классификации и фондирования исторических документов. Вопросы о принципах классификации были подняты в процессе дискуссии в Историко-архивном институте в рамках читавшегося там курса источниковедения. В результате обсуждений была принята научная классификация исторических источников по их видам, отвергавшая превалирующий в 1970-х гг. идеологический подход тематической классификации с произвольным разделением источников по степени их важности.

Автор придерживается мнения, что данные принципы классификации исторических источников создают общую рамку понимания всей совокупности имеющейся документации как единого информационного фонда, они заложили систему основных категорий и служат ориентиром в практической работе архивной отрасли.

Быстроразвивающиеся технологии ведут к созданию новых видов документов, главным образом цифровых, функционирующих в изменяющемся информационном пространстве. В связи с этим архивам необходимо решать задачи по приему на хранение и дальнейшему использованию электронных документов, создаваемых в разных видовых формах (цифровых фотоматериалов, видеороликов и др.), что потребует уточнения некоторых положений, связанных с комплектованием, хранением и использованием этих документов.

Тем не менее, несмотря на видимое изменение структуры документального оборота, прежде всего видовых форм документов, выходящих за традиционные определения, такие определяющие принципы архивоведения, как принципы информационной непротиворечивости, недробимости фонда (также в случае фонда нового типа), связи документа фонда с фондообразователем, выявление структурных и генетических связей

документов, определяющихся организацией информационного обмена, иерархией управления и функциями соответствующих носителей информации, в настоящее время сохраняют свое значение.

Ключевые слова: архивоведение, вид, исторические источники, документы, классификация, теория фондирования, архивный фонд

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2023 г.;

принята к публикации 4 марта 2024 г.

Для цитирования: Сабенникова И.В. Теория архивоведения: становление принципов и метода классификации исторических документов // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 129–139. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-129-139

Theory of archival science. Formation of the principles and of the method of classification of historical documents

Irina V. Sabennikova

*All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives
Management (VNIIDAD), Moscow, Russia, sabennikova@mail.ru*

Abstract. The article considers the principles and method of classifying and funding the historical documents as a contribution to the general theory of archival science, focusing upon its reconstructing. There were a lot of issues concerning the principles of classification that were raised during the discussion at the Institute for History and Archives as part of the Source Study Course taught there. As a result of discussions, a scientific classification of historical sources according to their types was adopted, rejecting the prevailing in the 1970s ideological approach to a thematic classification with arbitrary division of sources according to their degree of importance.

The author is of the opinion that such principles of classification of historical sources create a general framework for understanding the totality of the available documentation as a single information fund, they also founded the system of the main categories and now guide the practical work in the archival sphere.

Rapidly developing technologies lead to the creation of the new types of records, mainly digital, which are functioning in a changing information space. Hence, archives need to resolve the issues of accepting for keeping and further use of the electronic documents created in various forms (digital photographic materials, videos, etc.), which will require clarification of some of the provisions related to the acquisition, depositing and use of those records.

Nevertheless, despite the apparent change in the structure of documentary circulation (and primarily, in the specific forms of the records that go beyond the traditional definitions), such delineating principles of archiving as the principles of information consistency, of the non-splitting of the fund (also in the case of a new type of the fund), of the connection of the fond document with the fund creator, of the identification of the structural and genetic links between the records ascertained by the information exchange organization, by the hierarchy of the management and by the functions of the corresponding information carriers – all those principles are still relevant today.

Keywords: archival science, form, historical sources, documents, classification, theory of archival funding, archival fund

The article was submitted 10. 11. 2023;

accepted for publication 04.03. 2024.

For citation: Sabennikova, I.V. (2024), "Theory of archival science. Formation of the principles and of the method of classification of historical documents", *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 129–139, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-129-139

Введение

В свете системных и структурно-функциональных теоретических подходов гуманитарного знания XX в. принципиальное значение приобретают вопросы классификации исторических источников. Дилемма формулируется следующим образом: системный подход к корпусу взаимосвязанных (генетически) источников как исторических явлений, как феноменов культуры, или, напротив, – представление о неструктурированном резервуаре источников, из которого каждый свободен самостоятельно выбрать нечто приоритетное на основе его собственной ценностной иерархии. Первый подход отсылает к критерию естественного (исторического) происхождения документов, второй – к содержательным (определяемым логикой исследования) и неизбежно субъективным критериям классификации. В архивоведении данная дилемма выражается противопоставлением принципа происхождения (провениенципринцип) и принадлежности (пертинентность).

*Классификация исторических источников
как область междисциплинарного синтеза источниковедения,
архивоведения и документоведения*

Проблематика классификации возникает на определенном этапе развития каждой науки, когда при критическом накоплении множества реальных объектов исследования создаются необходимые условия для теоретического их осмысления как целостной совокупности. Поэтому принятая классификация и логические принципы ее построения являются своеобразным признаком такого состояния науки, когда она достигла периода теоретизации, то есть перехода от первичной эмпирической стадии накопления и последующей систематизации данных к теоретической стадии. В этом контексте система деления источников на типы, роды и виды, опирающаяся на присущие им качества и особенности функционирования в обществе той или иной эпохи, выступает уже как средство познания их свойств в рамках классификационных групп [Медушевская 2017, т. 2, с. 317].

Именно поэтому дискуссия начала 1970-х гг. о проблемах классификации исторических источников, в которой приняли активное участие не только историки и источниковеды, но и документоведы и архивисты, имела определяющее значение для ряда вспомогательных исторических дисциплин – источниковедения, документоведения и архивоведения. Начало им положила дискуссия, возникшая в Историко-архивном институте в рамках концепции курса общего источниковедения по вопросам принципов классификации источников в программе курса [Медушевская 2017, т. 4, с. 290–295]. Было выдвинуто вполне четкое решение проблемы – научная классификация источников по видам, противостоявшая предлагавшемуся тогда альтернативному решению – группировать источники тематически (с учетом идеологических критериев – по принципу обзоров, произвольной селекцией на более и менее важные).

Еще более четко эта альтернатива проявилась в документных классификациях, при обсуждении которых достаточно остро встал вопрос о соотношении содержательных видовых и тематических группировок. Тогда же была выдвинута концепция единого информационного фонда, наиболее четко разработанная в трудах К.И. Рудельсон [Рудельсон 1973], согласно которой единый информационный фонд включает всю имеющуюся в стране документацию и обеспечивает комплектование, учет, научную обработку и использование информации на сходных принципах. Эти идеи были использованы рядом документных систем: библиотечной, архивной, делопроизводственных документов, стандартов, патентов, справочно-информационной. В перспективе предполагалось обеспе-

чить единство системы классификации документной информации, которое должно базироваться на теоретическом и практическом единстве ряда документных систем. Была выдвинута идея преодоления разобщенности, традиционно существовавшая в библиотечном деле, архивах, документационных центрах, библиографических учреждениях в отношении методов классификации и информационной деятельности; был проведен сравнительный анализ накопленного опыта в области классификации документных информации как в России, так и за рубежом; выявлены основные параметры для создания единой документной классификации. В этой дискуссии отмечалась приоритетность таких систем классификации, которые более четко отражают общие свойства однородных групп источников, в частности видовых классификационных схем, поскольку они позволяют анализировать большие группы источников, что невозможно при классификации, основанной на содержании. Классификации по содержанию не отвергались совсем, им отводилась роль «информационно-поискового языка», используемого при классификации документной информации.

В основе данного подхода к классификации лежит изучение общих структурных свойств источников для получения более разнообразной и точной информации, связанной с их функционированием в историческом и познавательном процессе. «Структурные свойства произведений (документов и вещей), – подчеркивала О.М. Медушевская, – обладают высочайшей степенью информативности не только о самих себе, но и о системе, в которой они функционируют». Поэтому те области гуманитарных наук (структурная лингвистика и антропология), которые ориентировались на реальные структуры, такие как язык, родство, коммуникации, оказались, с точки зрения точности и доказательности получаемой ими информации, в значительно более выигрышном положении. Осознание необходимости более четкого структурирования на базе выявления имеющихся типологий характерно и для гуманитарных наук. Данное обращение к общим категориям и закономерностям легло в основу новой парадигмы источниковедения и освоения исследовательских практик, формирующихся во взаимодействии таких дисциплин, как источниковедение и архивоведение.

*Видовая классификация исторических источников
и принцип неделимости архивных фондов*

В методологии истории О.М. Медушевской представляется наиболее актуальным созданное понятие «вид», выражающее структуру, конфигурацию интеллектуального продукта, создаваемого

в том или ином историческом сообществе, в созданной им системе опосредованного информационного обмена. Поэтому он структурирован в соответствии с теми функциями, которые этим сообществом востребованы и необходимы для поддержания баланса системы. Вид – структурная классификационная единица для разделения совокупности продукта на классы по признаку общности (сходства) структуры и функции. Вид, следовательно, есть подмножество интеллектуального продукта, имеющее общие признаки структуры, оптимально соответствующей тому предназначению или функции, для выполнения которых данный продукт создавался. О.М. Медушевская определяет вид в качестве той искомой структуры, «которая просвечивает сквозь индивидуальные параметры продукта и выступает как индикатор для мониторинга самоорганизации социальной системы» с целью выявления востребованных этой системой функций либо с тем, чтобы найти новые основания для изменения структурирования. «Вид – эталон оптимального, для конкретно-исторических условий его создания, совпадения функции и целенаправленно-формируемой структуры» [Медушевская 2017, т. 1, с. 350].

Этот вывод, подводя итог дискуссии о классификации источников, одновременно суммирует опыт таких дисциплин, как архивоведение, история и организация архивного дела, история государственных учреждений и других, опирающихся на принцип «недробимости фонда» и важности реконструкции структуры, компетенции и эволюции учреждений-фондообразователей для выявления внутренних информационных связей документооборота. Данный подход оказался особенно актуален в архивоведении, где особенно важно сохранение естественно-исторических связей документа и фонда в противоположность идее создания искусственных тематических серий (с параллельным дроблением фондов). Он получил развитие в трудах В.Н. Автократова [Автократов 2001, с. 306–309].

Теория фондирования В.Н. Автократова

Развитием этих идей в архивоведении следует признать теорию фондирования В.Н. Автократова. В ее основу положен системный подход в современной науке, согласно которому «всякое упорядочивание системы рассматривается как не энтропийный процесс, повышающий ее информативность» [Автократов 2001, с. 306–309].

Данный вывод, согласно его интерпретации, одинаково применим как в отношении Государственного архивного фонда в целом, так и для отдельных архивных фондов. Это – область знания, зани-

мающаяся вопросами пофондовой и внутрифондовой систематизации документов и одновременно – область деятельности, которая обеспечивает информационный потенциал фондов, минимизирует время поиска, необходимой информации и повышает его результативность, что особенно значимо для архивной практики и, соответственно, увеличивает эффективность использования документов.

Фондирование определялось В.Н. Автократовым как «частная архивоведческая теория», опирающаяся на принципы общей теории архивоведения – понятия происхождения, фонда и фондообразователя, принципы происхождения, информационной непротиворечивости, недробимости фонда и видовую классификацию исторических источников – архивных документов. Имеется в виду «естественноисторический процесс» фондообразования, не завершающийся самим фактом возникновения фонда, но предполагает упорядочивание и научный анализ его состава [Хорхордина 2001].

Центральной категорией данного анализа становится понятие «структуры фонда», которое в целостном виде выражает «видовой состав и семантику документов, а также их внутривидовые связи». Сама структура фонда имеет важный информационный потенциал, раскрытие которого происходит уже в процессе пофондовой и внутрифондовой систематизации документов, облегчая, в конечном счете, их поиск и дальнейшее научное изучение. На практике это ведет к важному практическому архивоведческому выводу – «структура фондов, оставляемых на постоянное хранение, должна максимально приближаться к их историческим структурам» [Автократов 2001, с. 176].

Вопросы реконструкции исторических архивных фондов и практические задачи архивоведения

В этом контексте особенно актуальны идеи В.Н. Автокротова о возможности реконструкции исторических фондов и заложенного в них информационного потенциала. Он различает в их формировании две группы факторов: одни представляют собой факторы, действовавшие в сфере самого документообразования, другие – результат более поздних влияний на уже сложившийся фонд, которые, даже соотвествуя его функциональной структуре, могут при этом вести к деформации исторически сложившегося фонда и искажению первоначальных интенций фондообразователя.

В эволюции документального оборота государственных учреждений имеют место два типа трансформации структуры фонда. Первый из них представляет собой замену хронологически-структурного построения фонда его структурно-хронологическим

построением, при котором генетические связи между документами не разрушаются, но проясняются. Второй – представляет собой создание новой структуры, которая вступает в конфликт с исходным построением. В этом втором случае возникает информационное противоречие двух структурных принципов и классификационных критериев, например видовой принцип классификации заменяется на проблемный. Исходя из этого, важной задачей теории фондирования выступает реконструкция первоначальной структуры фонда – изучение истории самого фондообразователя и особенностей его делопроизводства, т. е. понимание «истории самого фонда» в структурном аспекте [Автократов 2001, с. 176], определения его состава (включая проблему «скрытых фондов» и коллекций в его составе), а также установления точных хронологических границ фонда и фондообразователя.

Эти выводы имели принципиальное значение не только для теории архивоведения, но и архивоведческой практики – при решении вопросов пофондовой и внутрифондовой систематизации документов (архивных дел), определения структуры фондов в процессе их комплектования, при объединении фондов, установлении признаков самостоятельного фондообразователя (в отличие от несамостоятельного), при выделении фонда из всей массы документов, составлении правил фондирования. Сохраняя свое значение системообразующего принципа в архивной отрасли, теория фондирования В.Н. Автократа стала основой ряда важных проектов, в том числе и ВНИИДАД¹.

Классические принципы общей теории архивоведения и новые виды исторических источников

Ряд важных теоретических и практических проблем был поставлен применительно к изучению таких специфических видов источников, какими являются аудиовизуальные документы, видовые особенности аудиовизуальных документов изучались группой ученых, возглавляемой В.М. Магидовым [Магидов 2005]. Аудиовизуальные документы в настоящее время фиксируют фактически все направления повседневной человеческой деятельности. В современный информационный обмен включены не только фотографии, аудио- и видеозаписи, но и достижения Интернета – общение в социальных сетях, блогах и др., что позволяет поставить вопрос

¹ Государственность России: Виды и разновидности документов советского периода (1917–1991 гг.): Слов.-справ. / сост. И.В. Сабенникова, Н.И. Химиной. М.: Наука, 2016. 590 с.

о том, как вербальная и невербальная части информации формируют новый познавательный уровень и, возможно, новое живое восприятие истории и культуры.

Пространство современной «аудиовизуальной архивистики», «визуальной антропологии» [Аудиовизуальная антропология 2008] и устной истории включает общие, сквозные вопросы междисциплинарного подхода к архивам и документам, т. е. вопросы их создания, комплектования, хранения и использования, возможности доступа к ним, в том числе и онлайн-доступа по мере расширения технологических возможностей и запросов быстро формирующегося глобального общества, постоянном расширении и подвижности информационного пространства. Важно отметить, что эти выводы классиков отечественного источниковедения, архивоведения и документоведения не утрачивают своего значения в быстроменяющемся мире, находя последовательное применение в изучении различных видов источников, как традиционных, на бумажных носителях, так и новых, на электронных носителях [Сабенникова 2021, с. 520–531].

Заключение

Несмотря на очевидное изменение в настоящее время структуры документального оборота, прежде всего видовых форм документов (исторических источников), подчас трудно укладывающихся в традиционные определения, сохраняет значение ряд определяющих принципов архивоведения, среди которых следует указать принципы информационной непротиворечивости, недробимости фонда (также в случае фонда нового типа), связи документа фонда с фондообразователем, выявление структурных и генетических связей документов, определяющихся организацией информационного обмена, иерархией управления и функциями соответствующих носителей информации. Сохраняет значение вывод В.Н. Автократова о том, что выбор принципа, типа и признаков внутривидовой систематизации определяется не желанием архивиста, а является пониманием формирования фонда как естественноисторического процесса. «Построение схемы систематизации фонда обусловлено информационной природой фонда, его происхождением и фактическим составом документов» В.Н. Автократова [Автократов 2001, с. 191].

Данный подход к построению классификаций исторических источников, сочетающий деление по видам с выявлением специфики и функций документов и содержательными информационно-поисковыми группировками, сохраняет свое значение для архивоведения и документоведения и в настоящее время.

Литература

- Автократов 2001 – *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения / сост., авт. предисл. Т.И. Хорхордина. М.: РГГУ, 2001. 402 с.
- Аудиовизуальная антропология 2008 – *Аудиовизуальная антропология: теория и практика: Сб. статей.* М.: Изд-во МГУ: ТЕИС, 2008. 358 с.
- Магидов 2005 – *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 440 с.
- Медушевская 2017 – *Медушевская О.М.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. Т. 1. 820 с. 4; Т. 2. 880 с.; Т. 3. 530 с.; Т. 4. 665 с.
- Рудельсон 1973 – *Рудельсон К.И.* Современные документные классификации. М.: Наука, 1973. 267 с.
- Сабенникова 2021 – *Сабенникова И.В.* Электронные документы в системе информационного обмена архивов // *Вестник архивиста.* 2021. № 2. С. 520–531.
- Хорхордина 2001 – *Хорхордина Т.И.* Открытие В.Н. Автократа // *Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения.* М.: РГГУ, 2001. С. 5–22.

References

- Avtokratov, V.N. (2001), *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of national archival science], RGGU, Moscow, Russia.
- Audiovizual'naya antropologiya: teoriya i praktika: Sbornik statei [Audiovisual anthropology. Theory and practice: Collected articles] (2008), MGU, TEIS, Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2001), "Discovering V.N. Avtocratov", in Avtocratov, V.N. *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of Russian archival science], RGGU, Moscow, Russia, pp. 5–22.
- Magidov, V.M. (2005), *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* [Film and photo documents in the context of historical knowledge], RGGU, Moscow, Russia.
- Medushevskaya, O.M. (2017), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 4 vol., Direkt-Media, Moscow, Russia, Berlin, Germany.
- Rud'el'son, K.I. (1973), *Sovremennye dokumentnye klassifikatsii* [Contemporary documentary classifications], Nauka, Moscow, USSR.
- Sabennikova, I.V. (2021), "Electronic documents in the information exchange system of archives", *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 520–531.

Информация об авторе

Ирина В. Сабенникова, доктор исторических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, Москва, Россия; Россия, 117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82; sabennikova@vniidad.ru

ORSID ID: 0000-0002-3682-8999

Information about the author

Irina V. Sabennikova, Dr. of Sci. (History), All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (VNIIDAD), Moscow, Russia; 82, Profsoyuznaya St., Moscow, Russia, 117393; sabennikova@vniidad.ru

ORSID ID: 0000-0002-3682-8999

УДК 930.253

DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-140-152

Открытые письма магистрата Любека 1594 г. из Российского государственного архива древних актов

Артем В. Ушаков

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, demiardo13@gmail.com*

Аннотация. В статье представлено описание 16 открытых писем городского совета Любека, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов и выданных ганзейским купцам, отправлявшимся в Россию, и подтверждающих ганзейское происхождение перевозимых через границу товаров. Содержание открытых писем рассмотрено с целью выявления основных особенностей русско-ганзейской торговли после завершения Ливонской войны и до подписания торгового мира 1603 г., установившего правила русско-ганзейского товарообмена и перечень привилегий немецких купцов на российских рынках. Большое внимание уделено непосредственно купцам, которым выдавались открытые письма, для определения их связи с корпорацией «новгородских гостей» Любека – крупным коммерческим объединением любекских бюргеров, занимавшим важное место в русско-ганзейской торговле позднего Средневековья и раннего Нового времени. Предметом поисковой работы в этом направлении выступили рукописные материалы из Архива ганзейского города Любека. Кроме того, открытые письма магистрата Любека 1594 г. из Российского государственного архива древних актов сравнены с аналогичными документами из Таллиннского городского архива рассматриваемого периода. В приложении к статье представлен оригинальный текст одного из открытых писем, а также рисунки владельческих знаков ганзейских купцов, изображенных в исследуемых рукописных источниках.

Ключевые слова: Ганзейский союз, Любек, русско-ганзейская торговля, «новгородские гости», купеческая документация

Статья поступила в редакцию 10 января 2024 г.;
принята к публикации 4 марта 2024 г.

© Ушаков А.В., 2024

Для цитирования: Ушаков А.В. Открытые письма магистрата Любека 1594 г. из Российского государственного архива древних актов // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 140–152. DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-140-152

The Lübeck Magistrate 1594 open letters from the Russian State Archives of Ancient Documents

Artem V. Ushakov

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia, demiardo13@gmail.com*

Abstract. The article describes 16 open letters of the Lübeck City Council, kept in the Russian State Archives of Ancient Documents, and issued to the Hanseatic merchants travelling to Russia, and confirming the Hanseatic origin of the goods transported across the border. The contents of the open letters are analyzed to identify the main features of the Russian-Hanseatic trade after the end of the Livonian War and before the signing of the Trade Peace Agreement of 1603, which established the rules of the Hanseatic-Russian commodity exchange and the list of the German merchants' privileges in the Russian markets. Much attention is paid directly to the merchants who were given the open letters to determine their connection with the Corporation of Lübeck's "Novgorod guests" (Nowgorodfahrer), a Lübeck burghers' large commercial association that occupied an important place in the Russian–Hanseatic trade of the late Middle Ages and the early Modern Times. The subject of research in that respect were manuscript materials from the Archives of the Hanseatic city of Lübeck have become the subject of the research work. Moreover, the 1594 open letters of the Lübeck Magistrate from the Russian State Archives of Ancient Documents are compared with the similar documents of the period under review from the Tallinn City Archives. The original text of one of the open letters is appended to the article, as well as the drawings of the possessory signs of the Hanseatic merchants depicted in the studied handwritten sources.

Keywords: Hanseatic League, Lübeck, Hanseatic-Russian trade, Nowgorodfahrer, merchant documentation

The article was submitted 10.01.2024;
accepted for publication 4.03.2024.

For citation: Ushakov, A.V. (2024), "The Lübeck Magistrate 1594 open letters from the Russian State Archives of Ancient Documents", *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 140–152, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-140-152

Введение

В настоящее время русско-ганзейская торговля времен Ливонской войны (1558–1583) и после ее завершения крайне мало изучена, что обусловлено общим недостатком исследований по истории раннемодерной Немецкой Ганзы. Несмотря на то что на сегодняшний день мы располагаем ограниченным количеством работ, посвященных специфике русско-ганзейских отношений конца XVI в., они имеют большое значение для дальнейшего исследования рассматриваемой проблематики. В этой связи необходимо выделить статьи Н. Ангерманна, определяющие общий контекст развития русско-ганзейской торговли после завершения Ливонской войны [Angermann 1974; Angermann 1979; Angermann 1984; Angermann 2002], монографию И. Иванова, посвященную политической трансформации нововременного Ганзейского союза [Ivanov 2016], а также статьи М.Б. Бессудновой, содержащие ценную информацию, касающуюся отдельных аспектов коммерческой деятельности любечан в России после завершения Ливонской войны [Бессуднова 2021а; Бессуднова 2021б]. Для последующего изучения рассматриваемой проблематики необходимо расширение комплекса источников и круга исследовательских вопросов, которое возможно не только с привлечением источников из зарубежных архивов, но и с использованием рукописных материалов из отечественных архивных собраний. В этой связи в фокусе настоящего исследования оказались 16 отрывных писем (*offenen brieffe*), выданных городским советом Любека в сентябре-декабре 1594 г. ганзейским купцам, отправлявшимся торговать в Россию. Рассматриваемые источники хранятся в фонде 1490 Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА), именуемом «Коллекция русских грамот ганзейского архива».

Описание и содержание источников

Все открытые письма написаны на средненижненемецком языке, также именуемом ганзейским диалектом немецкого языка. Материалом выступает бумага, документы скреплены вислыми восковыми печатями городского совета Любека. Всего в РГАДА хранится 16 отрывных писем, и выданы они следующим ганзейским купцам: Гансу Гибельсу (*Hans Gibels*) и Иордану Вайландту (*Jordan Weilandt*) документы были выданы 11 сентября; Генриху Хюльхорсту (*Hinrick Huelschorst*) – 14 сентября; Юргену Коку (*Jurghen Kock*) – 14 октября; Францу Хёну (*Frans Hoen*) и Генриху Мартенсу (*Hinrick Martens*), а также Генриху Штенну (*Hinrick Stenn*) –

20 октября; Томасу Кюме (*Thomas Kueme*) – 21 октября; Гансу Дуре (*Hans Dure*), Балтцеру Гроде (*Baltzer Grote*) из Люнебурга (*van Lunenborch*), Юргену Райзеру (*Jergen Reiser*), а также Хеннинку Пархему (*Henninck Parchem*) – 1 ноября; Петеру Хакесу (*Peter Hakes*) – 13 ноября; Людеру Остерсену (*Lueder Ostersenn*) – 15 ноября; Альберу Риддеру (*Allbr Ridder*) и Гансу фон Луттерену (*Hans van Lutteren*) – 3 декабря; Захариусу фон Цинделю (*Zacharias vann Cyndell*) – 14 декабря; Берндту Гуссельберху (*Berent Gusselberch*)¹ – 19 декабря. На каждом из документов присутствует собственноручная подпись секретаря городского совета Любека. Одна часть писем² была написана Йоханом Брамбахом³, другая⁴ – Франциском Кнокертом⁵. На оборотах документов указаны имена и фамилии купцов, которым были выданы открытые письма.

Обращаясь к содержанию источников, все они удостоверяют ганзейское происхождение товаров, предназначенных для торговли в России, и сообщают о том, что к городскому совету Любека явился ганзейский купец, имевший право на получение подобного сертификата. По его просьбе любекские ратманы подтверждали, что на все товары и деньги (*alle de guder und gelde*), которые данный купец или его служащий (*dener*), или его торговый партнер – фактор⁶ (*factorn*) привезут в Россию (*Rußlandt*) для торговли по воде или по суше (*tho water edder tho lande*) из Любека или других мест (*van hir edder andern orte*) в 1594 г., отмеченные владельческим знаком данного купца⁷, распространяются ганзейские привилегии (*hanseschen*

¹ РГАДА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 40–55.

² Там же. Д. 40–43, 46, 52, 54, 55.

³ Йохан Брамбах (*Johan Brambach*) был уроженцем Ворбиса в Айхсфельде, получил степень магистра в Эрфуртском университете и в конце января 1591 г. был назначен секретарем любекского совета. В феврале 1610 г. был назначен третьим синдиком магистрата. Умер 4 сентября 1616 г. [Bruns 1938, S. 147].

⁴ РГАДА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 44, 45, 47–51, 53.

⁵ Франциск Кнокерт (*Franciscus Knockert*), сын любекского бюргера Йохана Кнокерта (*Johann Knockert*). Получил степень магистра в Лейпцигском университете. Был назначен секретарем любекского совета в июне 1582 г., по собственной просьбе, с апреля вел главную любекскую городскую книгу (*Oberstadtbuch*), с февраля 1603 г. известен как протонотарий. Умер 1 ноября 1619 г. и был похоронен 4 ноября [Bruns 1938, S. 145].

⁶ К примеру, о гамбургских факторах любекских купцов в XV–XVI вв. см. исследование Г.-Ю. Фогтхерра [Vogtherr 1993]. Примечательно, что эта статья также написана на основе открытых писем городского совета Любека.

⁷ Владельческие знаки (*Hausmarke*) ганзейских купцов см. в Прил. 2.

freiheit), которые не следовало нарушать. И подтверждением ганзейского происхождения этих товаров является выданное купцу открытое письмо, скрепленное печатью городского совета (*deß tho urkundt hebbe wi unser stadt secret siegell*).

Касаясь механизмов русско-ганзейской торговли после завершения Ливонской войны, в рассматриваемых источниках присутствует три примечательных аспекта. Во-первых, к концу XVI в. в ганзейской правовой традиции произошла окончательная легитимация деятельности торговых приказчиков (*geselle, kaufgeselle*), на деятельность которых также распространялись все ганзейские права и свободы. Следует полагать, что любекские купцы в это время редко торговали самостоятельно и пользовались услугами торговых представителей, к которым, к слову, ганзейские купцы активно прибегали еще в XV в. За исключением двух случаев имена торговых приказчиков любекских купцов неизвестны, так как, судя по всему, наиболее важным было наличие сертификата и присутствие владельческого знака на ввозимых товарах, а не имена сопровождавших товары людей. Однако известно, что служащим Юргена Кока был Генрих Берентс (*Henrich Berents*), а служащим Хеннинка Пархема – Юрген Паульсен (*Jurgen Pawelßen*). Во-вторых, в исследуемых источниках отражено особое место Пскова в системе Московского государства конца XVI в., являвшегося приграничным городом с определенными правилами нахождения в нем иностранцев⁸. В-третьих, одно из открытых писем было выдано городским советом Любека Бальтцеру Гроте из Люнебурга⁹, в то время как остальные сертификаты выдавались исключительно любекским бюргерам. Стоит предположить, это было обусловлено тем, что русско-ганзейские торговые договоренности после Ливонской войны распространялись главным образом на любечан [Бессуднова 2021а, с. 1354], и купцу из другого ганзейского города, отправлявшемуся торговать в Россию, потребовался документ, выданный именно магистратом Любека.

Стоит отметить, что содержание рассматриваемых открытых писем в отрыве от иных источников ганзейского происхождения

⁸ О трудностях, с которыми сталкивались любекские купцы, торговавшие в Пскове, смотрите жалобу «новгородских гостей» Любека 1598 г. (Archivder Hansestadt Lübeck. Private Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–10.3). № 156, fol. 88r. –90v.).

⁹ Составители описи данной архивной коллекции восприняли указание на происхождение купца (*van Lunenborch*) как часть его фамилии, однако, судя по всему, это неверно, так как в остальных документах речь идет о любекских купцах, на что указывает формулировка «наш бюргер» (*unser burger*). В случае с Бальтцером Гроте подобная формулировка отсутствует.

исследуемого периода не позволяет в полной мере раскрыть их содержание. Несмотря на это, они крайне важны для определения особенностей функционирования русско-ганзейской торговли конца XVI в.

Связь с документами из Любека и Таллинна

Для расширения круга исследовательских задач, формируемого на основе открытых писем 1594 г. из РГАДА, представляется логичным привлечение источников из Архива ганзейского города Любека (*Archiv der Hansestadt Lübeck, AHL*) и Таллиннского городского архива (*Tallinna Linnaarchiv, TLA*). В первую очередь важно рассмотреть связь ганзейских купцов, которым были выданы открытые письма, с корпорацией «новгородских гостей» Любека (*die Lübecker Nowgorodfahrer*) – крупным купеческим объединением состоятельных любекских бюргеров, занимавшим важнейшее место в русско-ганзейской торговле второй половины XVI–XVII вв. Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к источникам второй половины XVI в. из архива «новгородских гостей», хранящимся в Архиве ганзейского города Любека.

В постановлении «новгородских гостей» 1571 г. о необходимости плаваний в Ливонию исключительно в составе флотилии упоминается Томас Мартенс (*Thomas Martens*)¹⁰, однако на современном этапе исследования нет никаких оснований полагать, что он являлся родственником Генриха Мартенса, торгового приказчика Франца Хёна. Подобным образом в книге о нарвской торговле «новгородских гостей» 1563–1577 гг. в записях за 1577 г. упоминается Йош фон Луттерен (*Josch van Lutteren*)¹¹, но при этом о родственных связях с ним Ганса фон Луттерена на сегодняшний день нет никаких сведений. Стоит отметить, что данные об участии ганзейских купцов из открытых писем 1594 года в корпорации «новгородских гостей» все же были обнаружены: в записях, относящихся к 1577 г., упоминаются Бернд Гуссельберх¹² и Ганс Гибельс¹³. Можно обратить внимание, что указанные источники отделены от исследуемых открытых писем достаточно значительным хронологическим промежутком, но при работе с перепиской «новгородских гостей»

¹⁰ AHL. Private Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). No. 155, fol. 99r.

¹¹ Ibid. № 16, fol. 64r.

¹² Ibid. Fol. 62v.

¹³ Ibid. Fol. 64r.

с купцами в Ливонии и Дании 1574–1599 гг.¹⁴, упоминания любечан, которым были выданы сертификаты, хранящиеся в РГАДА, не были выявлены. В то же время стоит предположить, что подробное изучение большой книги олдерменов «новгородских гостей» 1521–1619 гг.¹⁵ заставит вновь обратиться к открытым письмам из РГАДА ввиду возможного наличия в книге списков купцов корпорации.

В коллекции писем городского совета Любека к магистрату Ревеля¹⁶ второй половины XVI в. в Таллиннском городском архиве хранится 15 открытых писем времен Ливонской войны и еще 6 сертификатов, выданных ганзейским купцам в конце столетия. Содержание этих открытых писем сильно отличается от подобных документов из РГАДА: в первую очередь они посвящены решению спорных вопросов, возникавших у любекских купцов при осуществлении коммерческой деятельности в Ливонии, но при этом служили подтверждением прав любечан на сохранение своих ганзейских привилегий в шведском Ревеле, что было особенно важно, учитывая неопределенный статус ливонских городов в составе Ганзейского союза во время и после Ливонской войны, а также принимая во внимание специфику устройства Немецкой Ганзы в контексте попыток ганзейских городов на фоне центробежных сил во второй половине создать в некоторой степени устойчивый не только экономический, но и политический альянс¹⁷. Наиболее близким к любекским сертификатам 1594 г. из РГАДА по содержанию является открытое письмо городского совета Любека, выданное торговому приказчику Магнусу Дульзену (*Mygnyß Dulsen*) 21 июня 1571 г. и подтверждавшее его право на торговлю перечисленными в письме товарами¹⁸. Примечательно, что это единственное открытое письмо из Таллиннского городского архива времен Ливонской войны, в котором указаны два владельческих знака. Кроме этого случая владельческие знаки присутствуют лишь в открытом письме, выданном городским советом Любека Гансу Зандтману (*Hans Sandtman*) и Вильяму (или Вильгельму) Шолле (*Wilm Scholle*) 30 июля 1594 г.¹⁹ При этом важно отметить, что 14 мая 1571 г. открытое письмо от любекских ратманов

¹⁴ Ibid. No. 156.

¹⁵ Ibid. No. 2.

¹⁶ В данной коллекции содержится порядка 1500 документов, хронологический охват которых 1400–1600 гг. В настоящее время коллекция разделена на 16 томов.

¹⁷ Подробнее об этом см.: [Iwanov 2016].

¹⁸ TLA, f. 230. BB 40 XV, fol. 34.

¹⁹ Ibid. Fol. 167.

получил Ганс Дуре²⁰. Однако на сегодняшний день – это единственный обнаруженный случай, когда сертификаты, хранящиеся в Таллиннском городском архиве и в РГАДА, были выданы одному и тому же купцу.

Дальнейшее изучение архивных источников из Любека – не только документов по истории предпринимательской деятельности «новгородских гостей», но и рукописных материалов фонда, относящегося к истории русско-ганзейской торговли (*Ruthenica*), а также документов Таллиннского городского архива может позволить значительно расширить информацию, содержащуюся в открытых письмах, хранящихся в РГАДА.

Заключение

В РГАДА хранится 16 открытых писем, выданных городским советом Любека ганзейским купцам, отправлявшимся торговать в Россию, в сентябре – декабре 1594 г. Указанные источники красноречиво свидетельствуют о расширении коммерческого присутствия любечан на российских рынках после завершения Ливонской войны и утраты ливонскими купцами посреднической роли в русско-ганзейском товарообмене. Ганзейские купцы, получившие сертификаты магистрата Любека, имели право торговать на всей территории Московского государства, включая пограничный Псков. Обращение к рукописным источникам из Архива ганзейского города Любека показало, что двое купцов, получивших открытые письма в 1594 г., в 1570-х гг. состояли в корпорации «новгородских гостей» Любека. Этот факт демонстрирует усиление роли данного купеческого объединения в русско-ганзейской торговле после окончания Ливонской войны. Привлечение открытых писем городского совета Любека из Таллиннского городского архива позволило судить о различиях их содержания и разнице в использовании, но важно отметить, что один из любекских купцов, в 1570-е гг. торговавший в Ливонии, в конце столетия перенес свою предпринимательскую деятельность в Россию. Сведения об именах любекских купцов, отправлявшихся в конце XVI в. торговать в Россию, а также данные об их владельческих знаках могут быть использованы в последующих исследованиях, основанных не только на рукописных материалах их архивов Любека и Таллинна, но и при изучении археологических находок.

²⁰ Ibid. Fol. 3.

Приложение 1

Открытое письмо городского совета Любека,
данное купцу Гансу Гибельсу
и подтверждающее ганзейское происхождение товаров,
отмеченных его владельческим знаком
и предназначенных для торговли в России.
11 сентября 1594 г.

РГАДА.Ф. 1490. Оп. 1. Д. 40.

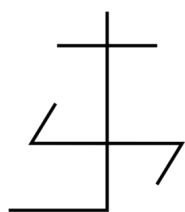
На обороте: Hans Gybels.

*Оригинал. Бумага. Вислая восковая печать городского совета
Любека коричневого цвета.*

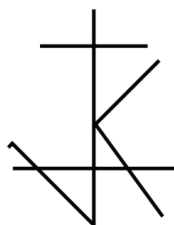
Wi, burgermeister und tradt der stadt Lubeck, bekennen unde betugen in undt mit | diesem unser[e]m offenen brieffe und don kundt j[e]rmenichliken, dat vor uns personlich ist erschienen unser | burger der Ersamer Hans Gibels und hefft mit uthgestrekedem arme und upgehaven sinen lifflicken fingern | richtes gestaveden eides tho godt dem allmechtigen, wo recht iß, schwerende certificirt und vahr gemaket, dat alle de | guder und gelde, so he sienen oder sin dener und factorn sinent halven na Rußlandtthowatereddertho lande | van hiredder andern orte in diesem vierundtnegentigsten jhare senden und aldar thor Pleßkow edder anders wohr vor | hand[e]len edder dorch sine dene und factorn under diesem marcke vorhandlen laten, wert sine das certifacanten | eigene guder sin und dat nimant so der hanseschen freiheit in Rußlandt nicht togevetende noch in Maschopey oder | dorch andern gelegenheit under wett schein, idt sein muchte daran enig part edder dehl hebbe ahne gelechte, als | eme dem certifacanten god so warlich helpen tholde und wan dan billich iß, der warheit gloywerdigen schein einem | jedern up sin geborlich ersokent mit tho dehlen. So vorseckern wi hirnan j[e]r demennichliken, dat sodane vorcertificirunge | in allermaten wo baven gemelt vor uns, also dar gedan und geschehen iß. Deß tho urkundt hebbe wi unser | stadt secret siegell witlich laten hangen benedden an diesen brieff, der gegeben iß den elften septem|bris anno eindisent viiffhundert vierundtnegentich²¹.

²¹ В нижнем правом углу присутствует собственноручная подпись секретаря городского совета Любека Йохана Брамбаха.

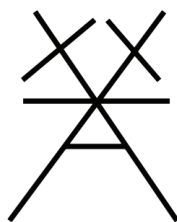
Владельческие знак

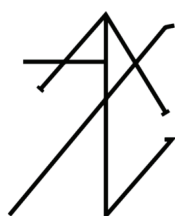
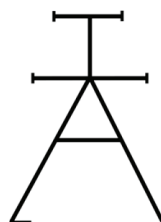
Ганс Гибельс

Юрген Кок

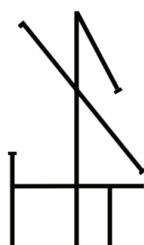
Франц Хён и Генрих Мартенс

Генрих Штенн

Томас Кюме

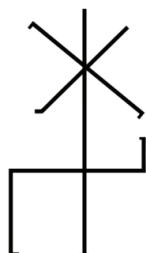
Ганс Дуре

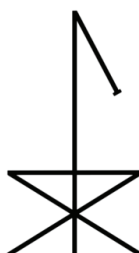
Бальтцер Гроте

Генрих
Хюльхорст

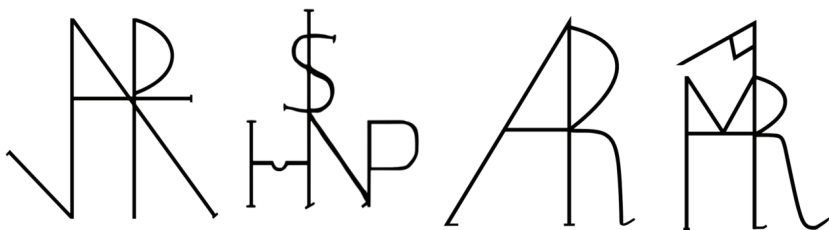
Иордан
Вайландт

Юрген Райзер

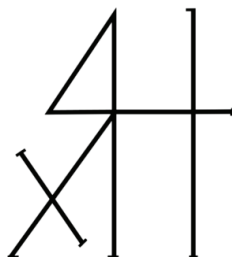
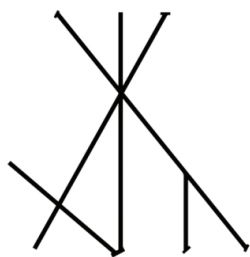
Людер
Остерзенн

Хеннинг Пархем

Петер Хакес

Альбер Риддер и Ганс фон Луттерн

Захариус фон Циндель

Берндт Гуссельберх

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00954 «Нарва в торговой стратегии Любека в контексте трансформации механизмов русско-ганзейского товарообмена времен Ливонской войны (1558–1583)», <https://rscf.ru/project/23-28-00954/>

Acknowledgements

The research was funded by the Russian Science Foundation grant, project No. 23–28–00954, within the framework of the scientific project: “Narva in the Lübeck trade strategy in the context of the transformations in the Hanseatic-Russian commodity exchange mechanisms during the Livonian War (1558–1583)”, <https://rscf.ru/project/23-28-00954/>

Литература

- Бессуднова 2021a – *Бессуднова М.Б.* Посольский отчет Захарии Мейера о поездке в Москву // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. № 4. С. 1349–1378. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.418>
- Бессуднова 2021b – *Бессуднова М.Б.* Торговля Ганзы в России после Ливонской войны в свете письма Томаса Фрайса 1589 г. // *Studiainternationalia: Материалы IX международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (1–2 июля 2021 г.) / ред. С.И. Михальченко, А.А. Чубур. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2021. С. 40–46.
- Angermann 1974 – *Angermann N.* Der Lübecker Hof in Novgorod // *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1974. Bd. 54. S. 81–86.
- Angermann 1979 – *Angermann N.* Der Lübecker Hof in Pleskau // *Zeitschrift des Vereins Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1979. Bd. 59. S. 227–235.
- Angermann 1984 – *Angermann N.* Die Hanse und Rußland in den Jahren 1584–1603 // *Hansische Geschichtsblätter*. 1984. Bd. 102. S. 79–90.
- Angermann 2002 – *Angermann N.* Deutsche Kaufleute in Nowgorod im 16. und 17. Jahrhundert // *Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse*. Köln: Böhlau, 2002. S. 97–116.
- Bruns 1938 – *Bruns F.* Die Lübecker Syndiker und Ratssekretäre bis zur Verfassungsänderung von 1851 // *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1938. Bd. 29. S. 91–168.
- Iwanov 2016 – *Iwanov I. A.* Die Hanse im Zeichen der Krise. Handlungsspielräume der politischen Kommunikation im Wandel (1550–1620). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2016. 420 S.
- Vogtherr 1993 – *Vogtherr H.-J.* Hamburger Faktoren von Lübecker Kaufleuten des 15. und 16. Jahrhunderts // *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1993. Bd. 73. S. 39–138.

References

- Angermann, N. (1974), “Der Lübecker Hof in Novgorod”, *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*, vol. 54, pp. 81–86.
- Angermann, N. (1979), “Der Lübecker Hof in Pleskau”, *Zeitschrift des Vereins Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*, vol. 59, pp. 227–235.
- Angermann, N. (1984), “Die Hanse und Rußland in den Jahren 1584–1603”, *Hansische Geschichtsblätter*, vol. 102, pp. 79–90.
- Angermann, N. (2002), “Deutsche Kaufleute in Nowgorod im 16. und 17. Jahrhundert”, *Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse*, Köln: Böhlau, pp. 97–116.
- Bessudnova, M.B. (2021), “The ambassador’s report of Zakharia Meyer on the trip to Moscow”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, vol. 66, no. 4,

- pp. 1349–1378, available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.418> (Accessed 11 Jan. 2024).
- Bessudnova, M.B. (2021), “Trade of the Hansa in Russia after the Livonian War in the light of Thomas Frice’s letter of 1589”, in Mikhalchenko, S.I. and Chubur, A.A., ed., *Studiainternationalia. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Zapadnyi region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh X–XX vv.» (1–2 iyulya 2021 g.)* [Studiainternationalia: Proceedings of the 9th International Scientific Conference “The Western region of Russia in international relations of the 10th – 20th centuries”, 1–2 July 2021], Bryansk State University Publishing House, Bryansk, Russia, pp. 40–46.
- Bruns, F. (1938), “Die Lübecker Syndiker und Ratssekretäre bis zur Verfassungsänderung von 1851”, *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*, vol. 29, pp. 91–168.
- Iwanov, I.A. (2016), *Die Hanse im Zeichen der Krise. Handlungsspielräume der politischen Kommunikation im Wandel (1550–1620)*, Böhlau Verlag, Köln, Weimar, Germany, Wien, Austria.
- Vogtherr, H.-J. (1993), “Hamburger Faktoren von Lübecker Kaufleuten des 15. und 16. Jahrhunderts”, *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*, vol. 73, pp. 39–138.

Информация об авторе

Арте́м В. Ушако́в, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; 173014, Великий Новгород, Антоново, д. 1; demiardo13@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6431-9721

Information about the author

Artem V. Ushakov, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; 1, Antonovo, Veliky Novgorod, Russia, 173014; demiardo13@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6431-9721

УДК 791(470)

DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-153-164

О кино, советской деревне и не только...:
к вопросу о возможности использования
игрового кинематографа
в качестве исторического источника
(о книге: *Мазур Л.Н., Горбачев О.В.*
Советские фильмы о деревне:
опыт исторической интерпретации
художественного образа. М.: РОССПЭН, 2022. 350 с.)

Иван Р. Соколовский

*Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия, sokolowski@yandex.ru*

Аннотация. В монографии Л.Н. Мазур и О.В. Горбачева раскрывается вопрос о возможности введения в научный оборот такого нетрадиционного источника, как игровой кинематограф. Рецензент же исходил из тезиса, что кинематограф относится к «параллельной реальности» и реальную жизнь кинематограф никак не отражает. По мере прочтения книги у рецензента создалось впечатление, что авторам удалось достаточно убедительно провести свой тезис в жизнь и доказать его. Автор подробно анализирует содержание монографии, ее удачные сюжеты и темы. Большое внимание уделяется выявлению теоретических аспектов рассмотрения проблемы, которые являются важными не только для узких специалистов, но и для всех историков. В некоторых случаях прослеживается путь от появления предмета в жизни до появления его в кино буквально по годам. Основным достоинством монографии является демонстрация возможностей кино как исторического источника. Рецензент согласен с мнением авторов рецензируемой работы, что кино о деревне показывает нам гораздо больше, чем хотели бы показать авторы и заказчики этих произведений. Особенно хорошо это видно в исторической динамике, когда историк рассматривает все фильмы на деревенскую тему «одним взглядом». Сделан вывод о теоретическом, методическом и историкоисследовательском вкладе авторов в изучение аудиовизуальных источников.

© Соколовский И.Р., 2024

Ключевые слова: советская деревня, игровые фильмы, исторический источник, художественный образ

Статья поступила в редакцию 8 января 2024 г.;

принята к публикации 4 марта 2024 г.

Для цитирования: Соколовский И.Р. О кино, советской деревне и не только...: к вопросу о возможности использования игрового кинематографа в качестве исторического источника (о книге: *Мазур Л.Н., Горбачев О.В.* Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. М.: РОССПЭН, 2022. 350 с.) // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 153–164. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-153-164

About the cinema, the Soviet village
and not only that...: on the issue of the possibility
of using feature cinema as a historical source
(book review: *Mazur L.N., Gorbachev O.V.*
Soviet films about the village:
the experience of historical interpretation of an artistic image.
Moscow, ROSSPEN, 2022, 350 p.)

Ivan R. Sokolovsky

*Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia, sokolowski@yandex.ru*

Abstract. The monograph by L.N. Mazur and O.V. Gorbachev addresses an issue of the possibility of introducing such an unconventional source as the cinema in the capacity of the primary source of a historical inquiry. The reviewer proceeded from the thesis that the cinema is a “parallel reality” and it in no way reflects the real life. As the reviewer continued reading the book, he got the impression that the authors managed to quite convincingly put their thesis into practice and prove it. The reviewer analyzes in detail the content of the monograph, its successful plots and themes. Much attention is paid to the identification of the theoretical aspects of the issue, that are important not only for specialists, but for all historians. In some cases, the path from the appearance of an object in life to its appearance in the cinema is traced literally year by year. The main advantage of the monograph is the demonstration of the potential of the cinema as a historical source. The reviewer agrees with the opinion of the authors of the refereed paper that the cinema about the village shows us much more than the authors and customers of those films would like to show. It’s particularly evident in historical dynamics, when a historian considers all the films on the village theme “with one eye.” A conclusion is drawn about the theoretical, methodological and source study contribution of the authors to the investigation of audiovisual sources.

Keywords: Soviet village, feature films, historical source, artistic image

The article was submitted 8.01. 2024;
accepted for publication 4.03.2024.

For citation: Sokolovsky I.R. (2024), "About the cinema, the Soviet village and not only that...: on the issue of the possibility of using feature cinema as a historical source (book review: Mazur L.N., Gorbachev O.V. Soviet films about the village: the experience of historical interpretation of an artistic image. Moscow, ROSSPEN, 2022, 350 p.)", *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 153–164, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-153-164

Всякая книжная рецензия, на наш взгляд, выполняет три важные функции: информационную, историографическую и оценочную. Именно единство этих трех функций одновременно сближают рецензию с исследовательской статьей и отделяют ее от статьи.

Информационная функция рецензии состоит в следующем. Мы продолжаем жить в век «информационного взрыва», и задача любого специализированного журнала – не только информировать своего читателя, но и снизить это информационное давление. Поэтому рецензия является реферирующим текстом, представляющим основные структурные характеристики рецензируемой работы. Рецензия должна за короткое время информировать читателя о тексте, чтобы читатель или читательница могли принять решение, стоит ли искать и покупать данную книгу или нет. Кроме того, рецензия информирует читателя о процессах, которые происходят в историографии, и о том, что может ему или ей быть полезным при будущих исследованиях. Понятно, что статьи, в отличие от рецензий, информационной функции не имеют.

Историографическая функция рецензии заключается в размещении рецензируемой работы в уже существующем историографическом поле. Особенно, если уже сложились какие-то «историографические группировки», которые получили свое название. Тогда работу можно отнести к трудам, условно, «реалистов» или «номиналистов». Если таких группировок нет, то выполнение этой задачи усложняется. Рецензент должен самостоятельно оценить новаторский характер работы и вписать ее в существующую историографическую структуру.

Наконец, рецензия – это оценивающий текст. Сложилось представление, что автор рецензии «с позиции небожителя» раздает авторам книги оценки, как учитель в школе. Указывает на ошибки или хвалит за достижения. На мой взгляд, эта функция рецензии является самой «переоцененной». Никто, кроме автора работы,

не знает лучше сильных и слабых сторон публикации, и, как правило, никто больше авторов не затратил времени и душевных сил для достижения результатов.

Поэтому в данной рецензии оценки будут сведены к минимуму. Рецензент придерживается строго научной точки зрения, которая показывает, что компетентность каждого человека имеет довольно четкие физические пределы. И эти пределы рецензент постарается не переступить. Что же до вписывания данной работы в историографический контекст, то тут автор рецензии также склонен проявить определенную осторожность. Надо понимать, что за годы существования кино кинематографическая литература (включая рецензии, заметки, газетные и журнальные публикации, а не только монографии) приобрела поистине необозримый характер. Например, библиотека ВГИК в Москве хранит около 200 изданий, в описание которых входит слово «деревня» (включая художественные произведения), и около полутора десятков произведений на тему «села» (включая рецензируемую монографию). Из последнего списка, с одной стороны, видно, что, например, Всесоюзный научно-исследовательский кинофотоинститут посвятил 69-й выпуск своих трудов 1971 г. теме социологии сельского кино¹. С другой стороны, в категории «Сельскохозяйственная тема в советском и российском художественно-игровом кино» присутствует только одна работа – рецензируемая монография. Поэтому основная задача данной рецензии – информационная.

Мы попытаемся представить структуру книги, которую не до конца раскрывает оглавление, показать некоторые важные (по крайней мере, для нас) связи; конечно, указать на некоторые небольшие недочеты, подчеркнуть то, что мы считаем достоинствами. В историографическом плане хочется отметить, что книга выдержана скорее в социологическом ключе, но не чуждается и искусствоведческих, и собственно исторических вопросов.

Один из важнейших вопросов всякой рецензии звучит так: «А имеет ли рецензент право?» В нашем случае мы можем его переформулировать так: может ли писать рецензию на книгу об истории советского периода человек, который всю свою научную жизнь занимался XVII веком? На это у рецензента есть несколько ответов. Во-первых, рецензент лично застал последнюю треть изучаемого авторами периода и примерно одну шестую этого периода был довольно сознательным, в том числе и для того, чтобы смотреть советское кино о деревне как советский зритель-горожанин.

¹ Труды Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута. Вып. 69: Социологические исследования кинематографа: Состояние кинообслуживания сельского населения. М.: НИКФИ, 1973. 135 с.

Во-вторых, XVII век – время безусловного доминирования крестьянства, и эта тема интересна рецензенту в любые столетия. В-третьих, по нашему мнению, данная работа имеет большое теоретическое значение, а занятие теорией истории полезно любому историку. И, наконец, слова авторов о том, что в художественном кинематографе представлена «вымышленная реальность, организованная по законам художественного произведения» (с. 5, ср. с. 18–19), являются отражением точки зрения рецензента, поэтому у него есть явное желание найти аргументы против такой позиции, прочитав эту книгу.

В таком важном вопросе, как обсуждение теоретической работы, следует ясно выразить методологические позиции автора рецензии. Мы считаем, что одним из крупных результатов советского периода было изменение социальной структуры общества (см. также с. 58, 82, 83, 202–205). В 1913 г. на территории будущего СССР сельское население (в том числе крестьянство) составляло 82% всего населения, а в 1990 г. сельских жителей было всего 33%. Для РСФСР (России) эта динамика может быть еще более наглядной. Например, в 2022 г. сельское население Российской Федерации составляло 25,55%. С другой стороны, крестьян и сельских обывателей в России еще достаточно много. Для сравнения, сельское население Франции – 10%, Исландии – 5%.

Книга Людмилы Николаевны Мазур и Олега Витальевича Горбачева производит положительное впечатление буквально с первой строки – с названия. Каждое слово в нем точно и выверено, отражает содержание книги, а кроме того, еще и «хорошо звучит», т. е. эстетически привлекательно.

Монография разбита на шесть глав. Первая глава, целиком посвященная теоретическим вопросам, называется «Художественный фильм как исторический источник». Вторая глава, повествующая о месте кино в советской деревне, называется «Кино о деревне и кино для деревни (1920–1980-е гг.)». В третьей главе содержится обзор советского кинематографа на деревенскую тему. Совершенно очевидно, что в такого рода книге подобная глава неизбежна, она называется «Советский сельский кинематограф: анализ фильмографии (1920–1991)». Пятая и шестая главы кажутся нам важнейшими (наряду с первой главой) и занимают ровно треть всего повествования: «Визуальные репрезентации материальной культуры российской деревни» и «Деревенская жизнь: прощание с традицией».

Хотя рецензент не является сторонником концепта «визуального поворота», он хотел бы обратить внимание читателей, что на с. 8–9 данный подход проанализирован с исчерпывающей точностью. Развивая тему «визуальной антропологии» и «визуальной истории» (включая трехмерную компьютерную реконструкцию),

авторы отмечают, что «... образ как научное понятие остается пока слабо структурированным и в значительной степени неопределенным, поскольку строится не на логических принципах моделирования, а на интуитивном “восприятии” (фактически визуализации), т. е. способе познания с опорой на чувственный опыт» (с. 13) [Мазур 2018]. В конструировании понятия «образ» авторы делают широкий заход в целый ряд дисциплинарных областей, включая философию, в особенности постмодерна, хотя их интерпретацию М. Хайдеггера трудно назвать особенно удачной (с. 15), в отличие от фрагмента на с. 107, где авторы обошлись с ним куда лучше. Гораздо больше авторам удалась проблематизация понятия «образ», которая, несомненно, будет полезна каждому (с. 17).

Авторы тонко подмечают, что «эмоциональное восприятие кино оказывается, как правило, более сильным, чем попытки его рационального анализа» (с. 18, ср. с. 6). И делают еще один важный вывод: «...кино становится отражением коллективного сознательного и бессознательного, в том числе общественных мифов и стереотипов» (с. 18, ср. с. 44).

Для авторов более важным является фундаментальное утверждение, что в кино изображены вещи (с. 21), такие же, какие существуют в реальной жизни, которое следует принять во внимание. Справедливости ради надо сказать, что, судя по рецензии К. Метца [Metz, 1965], статьям Л. Льюиса [Lewis 1982, см. также [Lewis 1974] и дословной цитате в статье Б. Тома [Thomas 2017, примеч. 15], Жан Митри (Jean Mitry, 1904–1988) все же имел в виду нечто прямо противоположное. Его мысль ближе всего к авторской концепции, изложенной на с. 22 (ср. с. 33), которая удачно дополняется списком вопросов для критического анализа (с. 22, 24). Не менее, чем вопросы, важны и ответы, которые дают авторы (с. 24–30). Так, читателю важно понимать, что «посредственные фильмы нередко содержат больше ценной для историка информации, чем шедевры» (с. 24).

Анализируя информационную структуру фильмов как исторического источника, Л.Н. Мазур и О.В. Горбачев приходят к выводу, что «...искусство в целом и кинематограф в частности, наряду с религией и образованием, могут рассматриваться в качестве инструмента социального программирования» (с. 32, ср. с. 44 или с. 94, где говорится о воспитании, развлечении, познании), что, однако, позволяет сохранить ему контакт с повседневностью (с. 33).

Пятый раздел первой главы (с. 35–44) ценен не только авторской интерпретацией взглядов А.С. Лаппо-Данилевского на методологию и историю исторического исследования (с. 35–38), но и тем, что в нем поистого раскрыта методика исследования (с. 41–44).

Теоретическая часть не исчерпывается первой главой. Важные теоретические положения о характере киноискусства содержатся

и в первом параграфе второй главы (с. 45–46). Социологический анализ во второй главе носит «боевой» характер. Выражение «лавирировать между Сциллой кассы и Харибдой идеологии» (с. 47) вполне претендует на то, чтобы стать крылатым. По крайней мере, я не встречал лучшего афористического описания дилеммы советского киноискусства. В этом отношении противоречивое восприятие публикой фильмов А. Довженко и С. Эйзенштейна (с. 53) было только началом. Неожданной для неподготовленного читателя является и статистика: в 1927 г. сельские кинопередвижки давали меньше 5% от общего дохода киноиндустрии, а доступ крестьян к кино был в 10 раз меньше, чем у горожан (с. 52, 55). В дополнение к небольшой главке на с. 57 (ср. с. 96) у автора рецензии есть личный социологический материал. По словам информантки 1944 г. р. (моей матери), взрослые 1925 г. р. (моя бабушка) воспринимали мир «Кубанских казаков» в предписанных рамках: «живут же люди», т. е. описанная в книге форма сознания была вполне целостной и адекватной потребностям тогдашнего зрителя.

Рассматривая вопрос о посещаемости киносеансов, авторы показывают процесс конвергенции зрительских предпочтений у жителей города и села (с. 58). Важными были финансовая сторона дела (с. 59–60), число копий (с. 62) и киноустановок (с. 64–65). Чрезвычайно интересны страницы о социологии сельского зрителя, который оказался весьма поляризованным (с. 66–70). Вопрос раскрывается, в частности, на материалах свердловских социологов. В целом, несмотря на обилие статистической информации, вторая глава тяготеет к тонкой, умной, наблюдательной и слегка грустной «деревенской прозе», развернутая характеристика которой дана в третьей главе.

Авторы сами не чуждаются интриги. Например, рассказывая о жанровом разнообразии «деревенского кино», они приводят данные о том, что четыре фильма были посвящены «столкновению городской и сельской цивилизации» (с. 79, ср. с. 91), но названий фильмов не приводят, оставляя читателя (например, меня) в состоянии неудовлетворенного любопытства. В целом же обзор жанрового разнообразия советского кино о деревне очень детальный и интересный (с. 73–88). Приводится классификация основных протагонистов советского сельского кино (с. 88–91), самых важных сквозных его тем (с. 91–104).

Посвященная визуальным репрезентациям материальной культуры четвертая глава открывается глубоким теоретическим введением (с. 105–108, ср. с. 142 (одежда), важные соображения в заключении главы, с. 156–157). Двойственный характер вещного мира – утилитарный и символический – позволяет авторам построить модель, где они выделяют статусные вещи, объекты престижного

потребления (табл. 5 на с. 108–109), которые являются не только «идеологически правильными», но и маркируют реальные социальные изменения, о которых мы сказали в самом начале рецензии. Авторы подмечают странные отношения между «базисом» и «надстройкой» в рамках крестьянского хозяйства (но не деревни в целом) (с. 109). Опираясь на доступный круг источников, включая архивные фонды, авторы разворачивают картину изменений материального мира села во второй половине XX в. (с. 110–157), сравнивая ее с отраженной на экране.

Авторы убедительно показывают, что наиболее правдиво советский кинематограф отражал архитектурный облик села, особенно в фильмах критической направленности (с. 115–117, 122), даже если речь шла о единичных репрезентациях (с. 122, ср. с. 131). Кино правдиво отражало фокус интересов населения (с. 118), хотя тема транспорта уже проходила определенный фильтр (с. 120). Иногда фильтр был не идеологическим, а эстетическим, который, впрочем, совпадал с реалиями повседневной жизни деревни, когда речь, например, шла о колодцах (с. 123, ср. с. 140).

Довольно правдиво кинематограф отражал уровень телефонизации села (с. 124), одну из самых интересных историй периода советской модернизации: специальная программа телефонизации фактически провалилась, и село пережило две волны телефонизации только в 1990–2000-е гг., причем реально успешной была только вторая, на базе мобильной связи. История печальная и поучительная, но авторы не могли остановиться на ней достаточно подробно.

В книге интересно рассказывается о том, как в кино нашел отражение переход с ламповых приемников на транзисторные (с. 133, ил. на с. 134), однако упускается возможность использовать этот сюжет, чтобы посмотреть, насколько советский кинематограф отражал реальность (как это сделано с темой холодильников на с. 138). Согласно данным анонимных авторов Википедии, ВЭФовские приемники «Гауя» (1961) попали в кино почти сразу после начала массового производства (в фильме 1963 г.). Но можем ли мы сказать то же самое о приемниках «Ленинград», «Нева», «Пионер ЦС-1», «Спидола», «Чайка» (1960)? Не менее интересна в этом контексте и тема телевидения (с. 136–138).

Очень интересен раздел об одежде, косметике и аксессуарах (с. 142–157), но сохраним интригу для будущих читателей книги, отметим только, что этот раздел являет собой плавный переход к последней, пятой главе книги.

Пятую главу открывает содержательный анализ крестьянской семьи (и советской семейной политики в целом) (с. 158–168). Авторы убедительно показывают, что советское кино о деревне не хотело и не могло полностью затушевывать социально-демографические

изменения на селе. Хотя, добавим от себя, представленная в монографии картина эволюции семейных отношений охватывает только наиболее значимые проблемы (с. 168).

В параграфе о сельском труде присутствуют сведения о количестве получивших звание «Герой Социалистического Труда» (с. 169), опираясь на которые рассматриваются проблемы сельскохозяйственной модели социалистического производства и их отражение в кино.

Любопытны почти этнографические наблюдения над репрезентацией праздничной культуры в кино и ее трансформацией во времени (с. 177–187). По мнению авторов, кино адекватно отражает позицию государства в отношении религии и некоторые религиозные практики широких слоев населения (с. 187). В параграфе, посвященном религии в кино, ставится вопрос об усложнении советского общества в последней четверти XX в., когда проявились результаты урбанизации (с. 187).

Последний параграф главы посвящен миграции населения из села в город (с. 202–220), который, как и многие другие части работы, открывается содержательным теоретическим введением (с. 202–205). Далее следует увлекательный разбор отражения миграционных процессов в кинематографе, снабженный одиннадцатью иллюстрациями (с. 205–220).

Последняя, шестая глава, показывает, как в советском кинематографе отражались основные события, даже целые периоды советской истории, в наибольшей степени повлиявшие на деревню (с. 221–253). Из четырех сюжетов (коллективизация, Великая Отечественная война, хрущевские реформы и освоение целины) остановимся только на последнем. Используя данные социологического опроса, авторы выясняют, что «целина» является почти полностью забытым явлением, в чем, среди прочего, виновата весьма ограниченная фильмография этого явления. По собственному опыту отметим, что наши знания о целине базируются на печатных публикациях и рассказах очевидцев. Интересным является факт, что кинокартину «Иван Бровкин на целине» видели 30,8% опрошенных (по данным 2016 г.!). Жаль только, что в приведенных авторами сведениях нет информации о возрасте респондентов. В «целинном» кинематографе отмечены те же тенденции, что и в «деревенском» кино в целом – постепенное усложнение, попытки углубленного анализа, рост психологизма. Показана история появления фильма А. Сахарова «Вкус хлеба» (1979), при этом раскрываются механизмы и обстоятельства, малоизвестные современному читателю (с. 252–253). Однако фильм, созданный талантливым и прославленным режиссером, учеником С.И. Юткевича, оказался слабо востребованным зрительской аудиторией (с. 253).

«Заключение» (с. 254–256) полностью выполняет свою функцию. Оно хорошо обобщает результаты, полученные авторами в работе, но, с другой стороны, может быть (в эпоху свободы от жанровых ограничений) прочитано и как введение, открывая перед читателем карту, где спрятаны интеллектуальные сокровища данной книги.

К книге приложена база данных на более чем 500 фильмов (523 строки), отобранных из более чем шести тысяч кинокартин, снятых в СССР. Она, в частности, позволяет «лицам, родившимся в прошлом тысячелетии», сравнить свой опыт кинопросмотра с образцовым, провести, так сказать, социологическое мини-исследование. Кроме того, эта часть книги может быть использована как «киногид», но в отличие от работы С. Жижека, это будет киногид здорового человека.

Всякая рецензия должна содержать критические замечания, и мы сделаем попытку написать таковые.

В таблицах 2, 3, 4 есть столбец процентов (с. 75, 87, 95). Однако хронологические периоды, за которые проценты вычислены, не равны по длительности. Более того, из текста книги и таблиц ясно, что начиная с 1950-х гг. среднее производство фильмов о деревне было довольно стабильным – примерно десять картин в год. Поэтому проценты можно читать только в пределах строки, «синхронно». Сравнение же процентов в столбце («диахронно») представляется бессмысленным.

По нашему мнению, на с. 96 и 98 имеются опечатки, где табл. 4 названа табл. 3. В первом случае факт опечатки почти несомненный, так как хронологические рамки табл. 3 и 4 не совпадают. На с. 98 сокращение «реж.» вкралось в середину названия фильма «Кастусь Калиновский» (1923, реж. В. Гардин). В одном месте примечаний пропущены кавычки.

Если говорить не об упущениях, а о тех мыслях, на которые наталкивает книга, то отдельной интересной темой могло бы быть изучение иностранного влияния на советский образ села. Оно, возможно, имело минимум три источника: 1) личный опыт кинематографистов в отношении сельских поселений Западной Европы и Северной Америки, но не только; 2) репрезентация этих поселений в игровом и документальном кино²; 3) опыт взаимодействия со странами «социалистического лагеря», через кино, прессу, новости, турпоездки (ГДР, ПНР, ЧССР, отчасти ВНР). Несомненно также, что прочтение книги побуждает сильный интерес к такому же разбору «сельской прозы», книг писателей-«деревенщиков».

² A home of the future (1944). URL: <https://youtu.be/B7kfL0-QhpM> (дата обращения 20.11.2023).

Но мы не знаем, что происходит в творческой лаборатории авторов. Может быть, они уже вынашивают подобные замыслы?

Подведем некоторые итоги. Текст книги четок, ясен, прост, доступен для восприятия, написан красивым русским языком. Однако идейная насыщенность ее такова, что многие важные линии переплетаются, как в кельтском узоре. Местами книга превращается в сложный гипертекст, связывающий многими нелинейными связями важнейшие разделы. Поэтому в нашей рецензии много не только прямых ссылок, но и отсылок к параллельным местам книги через сокращение «сравни» (ср.).

Вывод, который я сделал из прочтения этой книги – провести грань между фантазией и реальностью бывает трудно, даже авторам, которые последовательно и с фактами в руках доказывают, что существовала достоверная корреляция между тем, что показывают в кино, и тем, что было на самом деле. Например, факт отсутствия предмета в кадре не означает, что его не было в реальности (пылесос «ни разу не встретился в просмотренных деревенских фильмах» (с. 140)). Коллизию между реальями и идеологией авторы убедительно показывают на примере ЛПХ (с. 176–177). Наиболее достоверными являются «проговорки», когда явление воспринимается как фоновое (ср., например, с. 118, 172).

Таким образом, работа Л.Н. Мазур и О.В. Горбачева – это содержательный теоретический и практический труд, интересное чтение, работа, полезная в исследовательской и преподавательской деятельности. Эту книгу приятно поставить на полку и время от времени черпать оттуда не только важные мысли и факты, но и живые, положительные, человеческие эмоции.

Литература

- Lewis 1974 – *Lewis B.* Jean Mitry on film language // *SubStance*. 1974. Vol. 3. No. 9. P. 5–14.
- Lewis 1982 – *Lewis B.* Jean Mitry et Christian Metz: esthétique et langage du cinema / trad. par de M. Repentigny // *Communication. Information. Médias. Théories*. 1982. Vol. 4. No. 2. P. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.3406/comin.1982.1172> (дата обращения 20.11.2023).
- Metz 1965 – *Metz Ch., Mitry J.* Esthétique et psychologie du cinema. Paris, 1963 // *Communications*. 1965. No. 5. P. 142–145.
- Thomas 2017 – *Thomas B.* De la présence des choses au cinéma // *Revue Corps-Objet-Image: Réanimation*, vol. 3, Éd. TJP Éditions, mars 2017, URL: http://www.corps-objetimage.com/s/RevueCOI-03-benjamin_thomas-brlg.pdf (дата обращения 20.11.2023).

Мазур 2018 – Мазур Л.Н. Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе: 1917–1953 // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 168–182.

References

- Lewis, B. (1974), “Jean Mitry on film language”, *SubStance*, vol. 3, no. 9, pp. 5–14.
- Lewis, B. (1982), “Jean Mitry et Christian Metz: esthétique et langage du cinema”, *Communication. Information. Médias. Théories*, vol. 4, no 2, pp. 34–44, DOI: <https://doi.org/10.3406/comin.1982.1172> (Accessed 20 Nov. 2023).
- Mazur, L.N. (2017), “Designing the revolutionary myth: Soviet feature films of 1917–1953”, *Herald of an Archivist*, vol. 3, pp. 168–182.
- Metz, Ch. (1965), “Mitry J. Esthétique et psychologie du cinema”, Paris, 1963”, *Communications*, 1965, no. 5, pp. 142–145.
- Thomas, B. (2017) “De la présence des choses au cinéma”, *Revue Corps-Objet-Image: Reanimation*, vol. 3, Ed. TJP Editions, mars 2017, available at: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/submission/wizard/2?submissionId=4422#> (Accessed 20 Nov. 2023).

Информация об авторе

Иван Р. Соколовский, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; sokolowski@yandex.com
ORCID ID :0000-0003-1718-6115

Information about the author

Ivan R. Sokolovsky, Cand. of Sci. (History), Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; 8, Nikolaeva St., Novosibirsk, Russia, 630090; sokolowski@yandex.com
ORCID ID:0000-0003-1718-6115

Научный журнал
ИСТОРИЯ И АРХИВЫ
Том 6
2 • 2024

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73410 от 03 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 24.05.2024
Выход в свет 31.05.2024
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,4
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1955

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru